~~часть картинъ~~

ПОДМОСКОВНАЯ СТАРИНА.

ПОДМОСКОВНАЯ СТАРИНА

Изданіе А. Мартынова.

Рисунки Н. Мартынова.

МОСКВА.
1889.

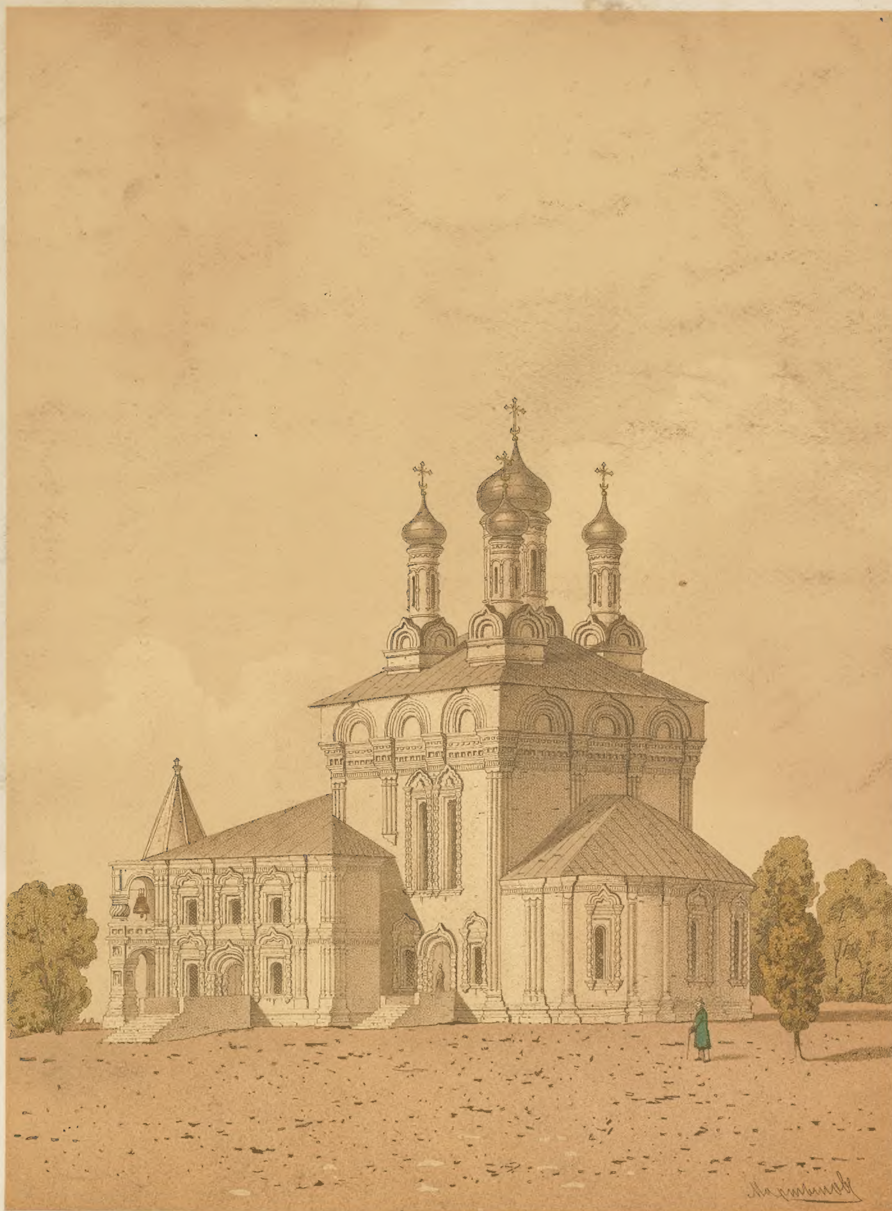
Дозволено Цензурою. Москва, 12-го Ноября 1888 года.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,

Москва, Арбатъ, домъ Платонова.

Хромолит. Штадлеръ и Паттиноттъ
С.П.Б. Невскій пр. № 88.

ЦЕРКОВЬ ВЪ ТАЙНИНСКОМЪ ЗАПАДНАЯ СТОР. L'ÉGLISE DU VILLAGE DE TAÏNINSKOÉ DU CÔTÉ D'OUEST



ЛИТ. ШТАДЛЕРЪ и ПАТТКНОТЪ С.П.Б.

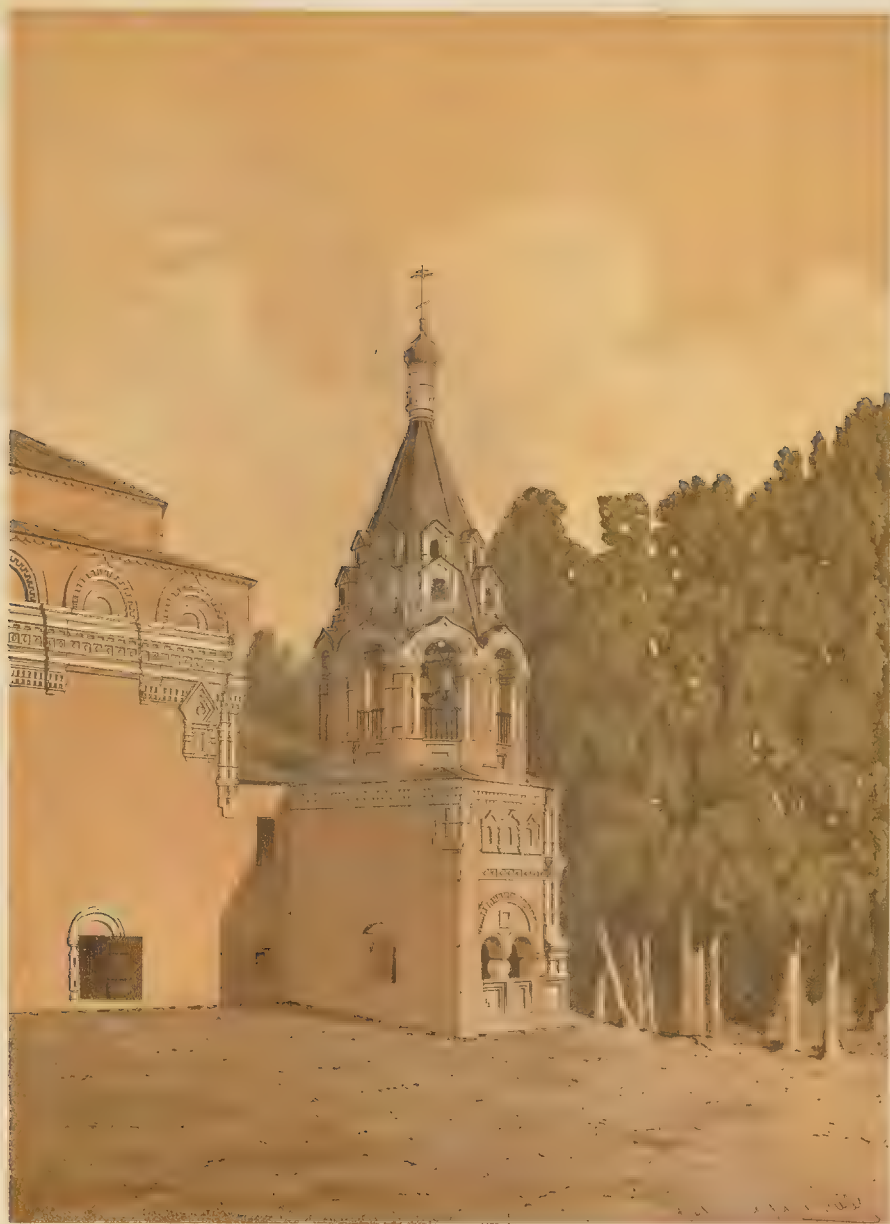
ЦЕРКОВЬ ВЪ ТАЙНИНСКОМЪ (ЮЖНАЯ СТОРОНА) | L'ÉGLISE AU VILLAGE TAYNINSKOÉ (CÔTÉ MERIDIONAL)

Хромолит. Штадлеръ и Поттевотъ
С.П.Б. Невскій пр. № 68

ЦЕРКОВЬ ВЪ ДЬЯКОВѢ. | L'ÉGLISE À DIAKOVO.

ЛИТ. ШТАДЛЕРЪ И ПАЙТНЕРЪ, С.П.Б.

ЦЕРКОВЬ ВЪ СЕЛѢ ТРОИЦКОМЪ-ГОЛЕНИЩЕВѢ. | ÉGLISE AU VILLAGE TROYTSKJÉ GOLENISCHEVO.



КОЛОКОЛЬНЯ ЦЕРКВИ ВЪ БОГОЛЮБОВѢ | LE CLOCHER DE L'ÉGLISE À BOGOLUBOVO

ЦЕРКОВЬ ВЪ БОГОРОДСКОМЪ | ÉGLISE A BOGORODSKOÉ

СОДЕРЖАНІЕ:

СЕЛО ТАЙНИНСКОЕ.

СТЕФАНОВА ЧАСОВНЯ БЛИЗЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

СЕЛО МЕДВѢДКОВО.

СЕЛО САФАРИНО.

ПОДОЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

СЕЛО ДЕУЛИНО.

СЕЛО ИЗМАЙЛОВО.

ЧАСОВНЯ И СКИТЪ ПАТРІАРХА НИКОНА.

СЕЛО ТРОИЦКОЕ-ЛЫКОВО.

СЕЛО КОЛОМЕНСКОЕ.

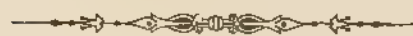
СЕЛО ТРОИЦКОЕ-ГОЛЕНИЩЕВО.

СОБОРЪ ВЪ ЗВЕНИГОРОДѢ.

СЕЛО БЕСѢДЫ.

СЕЛО ОСТАНКИНО.

СЕЛО БОГОРОДСКОЕ-ВОРОНИНО.



СЕЛО ТАЙНИНСКОЕ.

Одно изъ древнихъ подмосковныхъ селъ, Тонинское, также Танинское, Тайнинское и Тайницкое искони было подклетнымъ, или великокняжескимъ; въ 1410 году его завѣщалъ знаменитый внукъ Калиты, Владиміръ Андреевичъ, супругѣ своей Еленѣ Ольгердовнѣ, а великій князь Василій Темный—сыну своему Андрею Меньшому [1]. Прежде черезъ это село, какъ увидимъ далѣе, шла дорога въ Троицкій Сергіевъ монастырь, и государи русскіе заѣзжали въ него на перепутье. Такъ, послѣ взятія Казани, царь Иванъ Васильевичъ 1552 г. октября 28, ночевалъ въ этомъ пріютѣ своемъ, гдѣ ждали его братъ князь Юрій и нѣкоторые бояре съ поздравленіями [2]. Когда открылась измѣна Курбскаго и замыслы Сигизмунда III, тогда подозрительный Іоаннъ тайно уѣхалъ изъ Москвы въ Тайнинское съ царицею и двумя царевичами, въ сопровожденіи своихъ любимцевъ и полка вооруженныхъ всадниковъ съ обозами; оттуда 17 декабря онъ прибылъ къ Троицѣ. У Тайнинскаго въ 1574 году представляли царю стараго посла ханскаго Янъ-Болбыя. Тогда Іоаннъ, царевичъ, бояре и дворяне были въ смирномъ платьѣ. Борисъ Годуновъ давалъ здѣсь обѣды ближнимъ людямъ своимъ, а Лжедимитрій выѣхалъ сюда, 1605 г. іюля 18, встрѣтить мнимую мать свою Марію съ убѣдительнымъ челобитьемъ благословить его на царство [3]. Современникъ Годунова и Отрепьева, пасторъ Беръ, разсказываетъ, что у Лжедимитрія были лучшія англійскія собаки для медвѣжьей травли, борзыя, гончія; что будучи съ боярами въ селѣ Тайнинскомъ, онъ велѣлъ спустить съ цѣпи медвѣдя, сѣлъ на него верхомъ и въ одно мгновеніе убилъ яростнаго звѣря [4]. Новый Лжедимитрій, желая отрѣзать Москву отъ сѣверныхъ городовъ, перенесъ изъ Тушина свой станъ въ село Тайнинское, но какъ тутъ было для него великое утѣсненіе отъ московскихъ людей, которые не пропускали къ нему съѣстныхъ припасовъ, то онъ опять перешелъ въ Тушино.

Хотя изъ выходныхъ книгъ XVII вѣка видно, что цари ѣзжали чрезъ Тайнинское только съ 1665 года [5], но выше мы уже замѣтили, что царь Иванъ Васильевичъ еще въ 1552 году ѣхалъ туда на Тайнинское; чрезъ это же село въ 1636, 37 и 43 годахъ шествовала царица Евдокія Лукьяновна на Пушкино. Оно было не однимъ перепутьемъ и путевымъ отдыхомъ для государей, но и потѣшнымъ мѣстомъ, гдѣ они забавлялись медвѣжьею и соколиною охотою; оно лежало въ 15 верстахъ отъ Москвы, на ловчемъ пути, коимъ называлась Троицкая дорога.

Въ царствованіе Романовыхъ, возвратившихъ миръ и благоденствіе настрадавшейся Россіи, Тайнинское бывало мирнымъ перепутьемъ и первымъ подхожимъ становъ для царей: Михаила, Алексія и Өеодора, для царицъ: Евдокіи Лукьяновны, Марьи Ильиничны и Натальи Кирилловны, когда они ходили и ѣздили на богомолье въ св. обитель преподобнаго Сергія; здѣсь они слушали обѣдню, обѣдали или ужинали и ночевали. Съ 1724 года императрица Екатерина I, возвращаясь изъ Троице-Сергіева монастыря, «изволила въ селѣ Танинскомъ, столовое кушанье кушать, и были тутъ того села дѣвки, пѣли пѣсни, которымъ по указу дано денегъ шесть рублевъ» [6].

Въ 1775 г. 18 мая императрица Екатерина II, предпринявъ путешествіе въ Сергіевъ Троицкій монастырь, изволила въ половинѣ 8-го часа пополудни прибыть съ ихъ высочествами въ село Тайнинское и по прибытіи у крыльца встрѣчены были господиномъ гофмаршаломъ, при чемъ находился, съ поднесеніемъ хлѣба и соли, тамошній управитель съ жителями того села. Стоящая-жъ рота лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка отдавала честь ружьемъ, съ уклоненіемъ знамя, при играніи музыки съ барабаннымъ боемъ. По высочайшемъ прибытіи въ покои, соизволили ея величество и ихъ высочества съ кавалерами забавляться въ карты до 9 часа вечера, по семъ отбывъ въ пребывающіе свои покои.

[1] Собраніе государственныхъ грамотъ I, 77, 196, 271. [2] *Карамз.* И. Г. Р. изд. 7, томъ VIII, стр. 186. [3] *Карамз.* И. Г. Р. издан. 4, XI, 206, пр. 382. [4] Тамъ же пр. 394. [5] Выходы государей царей Михаила, Алексія и Өеодора, изд. П. Строева. М. 1844, въ 4. [6] Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ Г. Есипова, томъ 2, стр. 169. Москва, въ Унив. тип. 1872 г

Вечернее кушанье кушали въ столовой комнатѣ находящіяся въ свитѣ персоны, тако-жъ и бывшіе въ томъ селѣ Тайнинскомъ при командіи гвардіи офицеры.

Въ свитѣ находились слѣдующія персоны:

1. Графиня Екатерина Михайловна Румянцева.
2. Графиня Прасковья Александровна Брюсова.
3. Фрейлины: Авдотья Андреевна Полянская.
4. Анна Степановна Протасова.
5. Екатерина Алексѣевна Сенявина.
6. Княжна Анна Михайловна Волконская.
7. Княжна Авдотья Михайловна Бѣлосельская.
8. Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.
9. Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ.
10. Князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ.
11. Григорій Александровичъ Потемкинъ.
12. Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.
13. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ.
14. Николай Ивановичъ Салтыковъ.
15. Левъ Александровичъ Нарышкинъ.
16. Гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ.
17. Баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ.
18. Сергѣй Матвѣевичъ Козьминъ.
19. Василій Михайловичъ Ребиндеръ.
20. Иванъ Васильевичъ Обуховъ.
21. Евграфъ Александровичъ Чертковъ.
22. Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ.
23. Василій Ильичъ Бибиковъ.
24. Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій.
25. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.
26. Князь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ.
27. Михаилъ Сергѣевичъ Потемкинъ.
28. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.

Мая 19 во вторникъ, предъ полуднемъ, въ 12 часу, ея императорское величество, изъ внутреннихъ пребывающихъ своихъ комнатъ, соизволила выйти въ парадные покои и съ кавалерами забавляться въ карты, куда и ихъ императорскія высочества прибыть изволили Послѣобѣденное кушанье ея величество съ ихъ высочествами и съ находящимися въ свитѣ обоего пола персонами, тако-жъ и гвардіи офицерами, которые находились при караулѣ, соизволила кушать въ столовой комнатѣ на 38 кувертахъ.

Послѣ стола ея величество съ кавалерами соизволила забавляться въ карты, а въ то время для увеселенія собраны были, какъ того села Тайнинскаго, такъ и по близости онаго, изъ села-жъ Медведкова, принадлежащаго господину оберъ-шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину, крестьянскія жены и ихъ дочери, и пѣли разныя русскія пѣсни и плясали хороводомъ противъ дворца.

Пополудни, въ началѣ 5 часа, ея императорское величество и ихъ императорскія высочества, со всею своею свитою, соизволили изъ села Тайнинскаго предпріять шествіе въ каретахъ въ деревню Куракино, принадлежащую ея сіятельству княгинѣ Щербатовой, разстояніемъ отъ села Тайнинскаго въ 11 верстахъ, а отъ большой дороги въ сторону на полверсты [7].

Для села Тайнинскаго существовали нѣкоторыя преимущества, такъ въ дѣлахъ Сената, находящихся въ архивѣ Министерства Юстиціи, читаемъ: Въ письмѣ царскаго величества къ тайному совѣтнику Тихону Никитичу Стрѣшневу изъ С.-Петербурга, августа 28, а на Москвѣ получено сентября 22 дня 1710 года, написано: Господинъ Стрѣшневъ! понеже просила сестра моя дабы съ села Тонинскаго изъ деревень, которыя къ тому селу присудны людей, въ рекруты и въ другіе сборы не брать, того для оныхъ извольте отъ того уволить.

Да въ прошломъ 712 году іюня 9 дня въ указѣ-жъ великаго государя изъ канцеляріи Правительствующаго Сената написано: Въ письмѣ благовѣрныя государыни царицы и великія княгини Екатерины Алексѣевны къ Правительствующему Сенату изъ С.-Петербурга написано: понеже его величество указалъ дабы село Тонинское отъ податей и отъ постоевъ уволнить, но нынѣ государыня царевна Наталія Алексѣевна изволила объявить, что въ томъ селѣ стоятъ драгуны и дабы учинить по вышепомянутому его величества указу и тѣхъ драгунъ изъ того села вывесть и податей и рекрутъ и впредь съ того села не брать, и въ нынѣшнемъ 713 году генваря въ 27 день били челомъ великому государю села Тонинскаго староста Григорій Васильевъ со крестьяны всякіе де подати они платятъ и службы служатъ великой государынѣ благородной царевнѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, а отъ иныхъ всякихъ податей уволнены и о томъ въ ратушу и въ иные приказы посланы его великаго государя указы, а нынѣ де изъ ратуши запечатаны у нихъ крестьянъ въ лавкахъ ихъ крестьянскіе и чужіе товары; чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, указалъ тѣ ихъ товары распечатать, чтобъ имъ въ конецъ не разориться и службу и податей государынѣ царевнѣ не отбыть; и великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ въ канцелярію Правительствующаго Сената изъ Преображенскаго приказа по тому челобитью отписать и о распечатаніи тѣхъ товаровъ свой великаго государя указъ учинить въ канцеляріи Правительствующаго Сената; Василій Нестеровъ (1713 г. генваря 28 дня).

[7] (См. Камеръ-Фурьерскій Церемоніальный журналъ 1775 г., стр. 303, 304, 305, 306 и 307).

И того-жъ числа по его великаго государя указу Правительствующій Сенатъ приказали о запечатаніи тѣхъ лавокъ и по какому указу и для чего оныя запечатаны въ канцелярію Правительствующаго Сената изъ Московской губерніи внесть доношеніе немедленно. И боярину и губернатору князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи учинить о томъ по его великаго государя указу. Генваря 31 дня 713 году.

Великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указъ въ Московскую губернію боярину и губернатору князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи: сего генваря въ 30 день въ доношеніи изъ Преображенскаго приказа написано: въ прошломъ де 710 году августа 22 дня по имянному его великаго государя указу за прописаніемъ собственныя его царскаго величества руки изъ Санктъ-Петербурга написано: села Тонинскаго съ деревнями, которыя къ тому селу подсудны, людей въ рекруты и въ другіе сборы не брать; и того для оныхъ отъ того уволнить; да въ прошломъ 712 году іюля 9 дня въ указѣ-жъ великаго государя изъ канцеляріи Правительствующаго Сената написано въ письмѣ благовѣрныя государыни царицы и великія княгини Екатерины Алексѣевны.

Карамзинъ, приготовляясь писать Русскую Исторію и обозрѣвая достопамятныя окрестности Москвы, такъ описываетъ намъ Тайнинское: «Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть это село, гдѣ царь Алексій Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елизаветы Петровны, которая, любя слѣды великаго ея дѣда, построила его вблизи развалинъ дворца Алексія Михайловича. Онъ также разрушается и, какъ мнѣ сказывали, продается насвозъ. Я осмотрѣлъ его: есть большія комнаты и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы. Жаль, что такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревами, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею. Вездѣ трава въ поясъ; крапива и полынь растутъ на свободѣ. Сонныя воды Яузы одѣлись тиною. Мосты сгнили такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться [8]. На островѣ находятся два пруда, одинъ изъ нихъ выложенъ дубовымъ деревомъ».

Умершая въ 1856 году 110-тилѣтняя старуха изъ Тайнинскаго, разсказывала, что она была изъ числа тѣхъ дѣвицъ, съ которыми императрица Елизавета Петровна купывалась въ этомъ прудѣ и дарила имъ ленты въ косы. Теперь, кромѣ развалинъ каменнаго фундамента (длиною 24, шириною 8 саженъ) уже нѣтъ и слѣдовъ деревяннаго дворца императрицы Елизаветы Петровны, онъ, за ветхостію, сломанъ въ 1820 г.; но зато остался другой священный памятникъ XVII вѣка — каменный храмъ въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, о коемъ не упомянулъ Карамзинъ въ своемъ обозрѣніи Тайнинскаго; онъ свидѣтельствуетъ намъ о благочестіи русскихъцарей, которые и мѣста отдохновенія своего ознаменовывали сооруженіемъ дома Божія.

Въ началѣ XVII в. (въ 1627 г.) тутъ была церковь деревянная въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Теперь же на высотѣ лѣваго берега Яузы, здѣсь глубокой, въ которую впадаютъ двѣ рѣчки съ двухъ сторонъ Сукрома́ и Стебелка, стоитъ (упоминаемая въ 1678 г.) на зимній востокъ, красивая и обширная каменная церковь, похожая болѣе на соборную городскую, чѣмъ на сельскую приходскую; о времени своего сооруженія свидѣтельствуетъ она сама: ея строгая форма массъ, ея отборныя детали, особенное сочетаніе сложныхъ орнаментовъ, замысловатость въ устроеніи цѣлаго и частей, красивость и прочность въ выполненіи. Хотя намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ зодчій сего храма; но, повидимому, онъ былъ иноземецъ или русскій, учившійся у италіанскихъ архитекторовъ. Сравнивая Тайнинскую церковь съ церковью въ селѣ Алексѣевскомъ на Троицкой дорогѣ, сходную съ нею планомъ и даже фасадомъ, мы находимъ въ нихъ совершенное различіе въ выполненіи. Сколько первая, служившая образцомъ для послѣдней, отличается чистотой и красивостью отдѣлки въ деталяхъ и орнаментахъ, столько въ послѣдней они проще и даже грубѣе.

Тайнинскій храмъ, увѣнчанный пятиглавіемъ, различается постройкою своей отъ обыкновенныхъ сельскихъ и даже городскихъ церквей, притомъ безъ всякаго нарушенія въ составѣ храмовыхъ частей и отдѣленій. Планъ настоящей церкви квадратный; но квадратъ этотъ съ трехъ сторонъ, сѣверной, южной и западной, окруженъ двухъ-ярусною трапезой, которая съ двухъ сторонъ даже обхватываетъ часть самаго квадрата. Внѣшней западной сторонѣ зданія данъ великолѣпный и необыкновенный видъ симметричною купой украшенныхъ массъ. Таковъ входъ въ паперть и на ея хоры, или такъ называемыя, въ древности, палати, кои тогда составляли принадлежность соборныхъ церквей въ Кіевѣ,

[8] *Сочиненія Карамзина*, изд. 2. М. 1814 г. IX, 268 и 69.

Черниговѣ, Владимірѣ и Смоленскѣ. Въ срединѣ входныя двери подъ навѣсомъ открытаго теремка съ шестью проемными связями изъ желѣза; съ первой площадки входа ведутъ въ двѣ угловыя шатровыя башенки, или подзорныя вежи, каменныя на аркахъ лѣстницы. Шатры сіи опираются каждый на четыре толстые и короткіе столпа, вышиною около трехъ діаметровъ; поверхность стержней на этихъ столпахъ состоитъ изъ выпуклыхъ витковъ (жгутовыхъ валиковъ), винтообразно огибающихся около оси столповъ. Теперь помѣщена въ одной изъ башенокъ колокольница; прежде онѣ служили подзорными вежами, съ коихъ открывалась живописная даль окрестностей; а звонницы обыкновенно придѣлывались также на западной и даже на сѣверной сторонѣ храма. Но отъ западной стороны храма возвратимся къ главнымъ его сторонамъ.

Стѣны, толщиною въ два аршина, скрѣплены по угламъ пятерикомъ полуколоннъ, кои раздѣляютъ сѣверную и южную стороны, одна часть ихъ останавливается на срединѣ стѣны такъ, куда досягаетъ крыша трапезы. Въ размѣщеніи оконъ нѣтъ гармоніи: на каждой боковой сторонѣ вверху по два, а внизу также по два окна по обѣ стороны южныхъ и сѣверныхъ дверей, но онѣ занимаютъ только по $^2/_3$ ширины квадрата. Верхнія узкія и длинныя, съ кружевными перемычками, упирающіяся мысами своихъ сандриковъ въ архитравъ, а нижнія меньшаго размѣра, съ дугообразными перемычками; онѣ съ желѣзными рѣшетками, въ колоды ихъ вдѣланы крюки для ставней. Нельзя оставить безъ замѣчанія орнаменты южныхъ и сѣверныхъ дверей, къ коимъ ведутъ каменные рундуки, одинъ о восьми, другой о шести ступеняхъ. Ихъ тройные наличники состоятъ изъ ложчатыхъ съ поясками, или перехватами, полуколоннъ въ индійскомъ стилѣ, надъ коими лежитъ импостъ изъ пяти большихъ и меньшихъ колоннъ и его сложный архивольтъ. Наличники украшены репьями и бусинками, кои изображаютъ то четвероконечные кресты, то шестиугольныя звѣзды. Все это произведено изъ лекальнаго кирпича, коего прочность оправдалась здѣсь болѣе чѣмъ двумя столѣтіями. Карнизъ зданія убранъ модильонами, фризъ клеймами, архитравъ бусами и ячейками; они опоясываются рядами кирпичей, положенныхъ на ребро. Изъ трехъ полукружій алтаря среднее, по образцу греческихъ церквей, болѣе вытянуто; въ срединѣ и по сторонамъ ихъ разставлено двѣнадцать полуколоннъ, напоминающія двунадесятое число св. апостоловъ и слова самого апостола, что «церковь, какъ столпъ и утвержденіе истины,назданъ на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу»[9].

Во внутренности трапезы по стѣнамъ съ трехъ сторонъ каменные хоры, или палати, примыкаютъ къ тремъ аркамъ храма; хоры сіи на девяти аркахъ и съ девятью пролетами, на каждой сторонѣ по три пролета; изъ нихъ конечные два съ слюдяными рамами въ жестяныхъ переплетахъ, выдаются въ главный храмъ, какъ тайники. Подъ ними такіе же пролеты и внизу. Тамъ, сквозь небольшія створчатыя дверцы въ окнахъ, никѣмъ невидимыя царицы съ царевичами и царевнами, а здѣсь царь слушали Божественную службу. По высочайшему именному указу 1751 г. велѣно въ трапезѣ въ сѣверной ея части сдѣлать вновь теплый придѣлъ во имя святыхъ и праведныхъ Захарія и Елисаветы; алтарь и св. образа написать вновь по достоинству, и всякую церковную утварь исправить все вновь; устройство этого придѣла было поручено архитектору князю Ухтомскому[10]. Полъ, настланный изъ дубовыхъ плитокъ, представляетъ постепенное возвышеніе: въ храмѣ на двѣ ступени въ сравненіи съ трапезою, а на солеѣ алтарной на три ступени. Въ 1882 г. въ южной части трапезы устроенъ придѣлъ въ честь св. пророка Иліи.

Въ главномъ храмѣ, посвященномъ празднику Благовѣщенія Божія Матери, сводъ крестовый, не опирающійся на столпы, какіе составляли прежде необходимую принадлежность зданій; алтарный иконостасъ въ шесть поясовъ, увѣнчанный распятіемъ Господа Іисуса Христа, а прежде оканчивавшійся образомъ Господа Саваоѳа. Въ числѣ мѣстныхъ образовъ стараго московскаго письма стоятъ иконы св. пророка Иліи, Николая чудотворца и Ѳеодора Стратилата. Какъ послѣдній былъ тезоименитымъ царю Ѳеодору Алексѣевичу, родившемуся 1667 г. мая 30, то посему здѣсь алтарный иконостасъ можно отнести къ концу XVII вѣка, если только сія икона не вставлена послѣ устроенія тяблъ иконостаса. Порядокъ св. иконъ въ остальныхъ пяти тяблахъ таковъ: во второмъ тяблѣ Страсти Господни, въ третьемъ Деисусъ съ двумя архангелами, съ четырьмя Евангелистами и двумя первоверховными апостолами, въ четвертомъ праздники двунадесятые, въ пятомъ пророки, въ шестомъ праотцы. При поновленіи старинные образа такъ записаны, что нельзя опредѣлить ни вѣка ихъ, ни пошиба.

Алтарь раздѣленъ двумя открытыми арками на узаконенныя древнимъ обычаемъ три отдѣленія. Помостъ его устланъ каменными плитами. Въ ризницѣ его не сохранилось древнихъ утварей; въ 1857 г.

[9] I *Тимоѳ* III. 15. *Ефесс.* II. 20. [10] См. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI и XVIII ст. выпускъ 5. *В. и Г. Холмогоровыхъ.* Москва, 188, г.. стр. 23

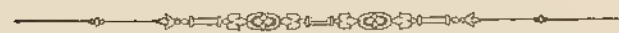
въ церкви былъ старинный сvнодикъ, гдѣ вписаны всѣ московскіе патріархи отъ Іова до Адріана, цари отъ Іоанна Васильевича до Петра I, императрицы россійскія отъ Екатерины I до Елизаветы Петровны, потомъ нѣкоторые прихожане и вкладчики.

На монастырѣ или погостѣ лежатъ старые надгробные камни, по большей части, безъ надписей; на одной могилѣ противъ сѣверныхъ входныхъ дверей, покрытой древнимъ бѣлымъ камнемъ съ полуистертою надписью, можно прочесть слѣдующее: «Лѣта 7150 октября въ 8 день преставися рабъ Божій Савва Ильинъ сынъ Белининъ». На нѣкоторыхъ могилахъ лежатъ каменные орнаменты отъ церкви.

Села Тонинскаго къ церкви Благовѣщенія Пречистыя Богородицы давалось на просвиры четь безъ четверика пшеницы (1 кн. прик. Бол. Дв. стр. 356 на оборотѣ, въ Дв. архивѣ).

Въ 1756 г. при церкви Благовѣщенской находились: священникъ 1, дьячокъ 1, понамарь, просвирня; имъ производилось жалованья: священнику 50 р., ржи 10 четв., овса 10 четв.; дьячку, понамарю, просвирнѣ — каждому по 12 р., ржи и овса по 5 четвертей; пшеницы на просвиры 1 четверть (дѣло 179. реес. 3. Арх. М. Д. Кон. годъ 1756).

Въ селѣ Тонинскомъ на воловнѣ было 24 животины коровъ и быковъ и телокъ; 77 овецъ и барановъ черкасскихъ и русскихъ, да у воловниковъ 2 лошади; на кормъ имъ по окладамъ 25 копенъ съ третью копны сѣна, 369 возовъ соломы яровой, мякинъ и ухоботья вообще, облуковъ тожъ, на подстилку 101 возъ соломы ржаной, лошадямъ 6 четей овса (см. кн. Бол. Дворца, стр. 53 на обор.).



СТЕФАНОВА ЧАСОВНЯ

БЛИЗЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

Останавливая вниманіе на изображенной здѣсь часовнѣ, мы сперва коснемся вообще происхожденія и значенія сихъ молитвенныхъ храминъ въ русскомъ мірѣ, гдѣ онѣ составляютъ памятники вѣры, народнаго благочестія, и обѣтныя мѣста молитвословія, устроенныя по благословенію предстоятелей православной церкви; обыкновенно въ нихъ по праздникамъ сбираются на молитву жители нѣсколькихъ селеній, по причинѣ отдаленія отъ церквей или по трудности сообщеній весною и осенью.

Часовни находятся при городахъ, селеніяхъ, на большихъ дорогахъ, особенно на перекресткахъ, поклонныхъ горахъ и въ лѣсахъ, при церквахъ, монастыряхъ, пустыняхъ, колодцахъ и ключахъ, также на прощахъ или разстанѣхъ при выѣздѣ изъ города и селенія.

Древнія часовни строились, большею частію, деревянныя, въ особенности дубовыя, для прочности; весьма мало было каменныхъ, по причинѣ мѣстныхъ средствъ и по тогдашней рѣдкости каменныхъ мастеровъ. Съ конца XVI столѣтія при богатыхъ обителяхъ стали сооружать каменныя часовни. При построеніи деревянныхъ часовенъ, на конькѣ кровель ихъ устраивали главу, или латунный позолоченный, или жестяный шарикъ съ водруженнымъ въ него крестомъ; а если сооружали часовню каменную, то нерѣдко, вмѣсто обыкновенной кровли, возводили купольную или пирамидальную массу, коей форму и украшенія заимствовали отъ древнихъ колоколенъ или церквей, а вершину увѣнчивали главою съ крестомъ. Иногда, въ главной, средней пересѣчкѣ креста помѣщали мѣдную отлитую или чеканную небольшую икону. Какъ формы массъ, главы и креста, равно и прочія части часовенъ всегда выражали храмовую символику. Что же касается до стиля зодчества часовенъ, то онъ никогда не уклонялся отъ общаго церковно-византійскаго; только послѣ первой половины XVIII столѣтія стали въ Россіи сооружать каменныя часовни въ готическомъ и греко-италіанскомъ вкусѣ.

На Руси часовни появились съ христіанскою вѣрой, коей проповѣдники нерѣдко ставили на мѣстѣ истукановъ и языческихъ требищъ *кресты и божницы,* какъ напр. св. Стефанъ епископъ въ Перми. Такая часовня съ древнимъ деревяннымъ крестомъ находится въ Новгородѣ на мосту, на мѣстѣ истукана Перунова. Въ лѣтописяхъ отечественныхъ не только часовни, но иногда и самыя церкви именуются *божницами, божонками;* древнѣйшія: въ Кіевѣ Турова божница, въ Новгородѣ Антоніева, на Припети Давидова.

Названіе-жъ *часовенъ* происходитъ отъ повседневныхъ *часовъ,* кои тамъ читаетъ служитель церкви, а за отсутствіемъ его, сельскій грамотей; прочіе слушаютъ его и молятся на св. иконы въ такой храминѣ. Нерѣдко, призванный изъ сосѣдняго села священникъ по праздникамъ поетъ въ ней молебны и святитъ воду, креститъ новорожденныхъ и отпѣваетъ усопшихъ; къ нѣкоторымъ часовнямъ изъ сосѣднихъ церквей и монастырей совершаются крестныя хожденія на память того святого, которому посвящена часовня, или въ день празднованія чудотворному или явленному образу, тамъ хранящемуся.

Молитвенныя хоромины и молитвенные дома встарину называли *часовнями,* при коихъ живали пустынники. При такой хороминѣ, на рѣкѣ Выгѣ, пребывалъ инокъ Германъ, собесѣдникъ св. Савватія Соловецкаго, какъ видно изъ житія его въ Четіи-Минеи апрѣля 17. Какъ на мѣстѣ упраздненныхъ церквей ставились часовни, такъ равно послѣднія иногда обращаемы были въ церкви. Монахи Евфросинъ и Галактіонъ, упоминаемые въ житіи св. Евѳимія Новгородскаго, поселясь въ одномъ лѣсу, первоначально построили молитвенный домъ во имя св Николая чудотворца, потомъ, когда присоединился къ нимъ священникъ, срубили деревянную церковь въ честь того же святителя.

Часовни иногда получали свои названія отъ имени святыхъ, коимъ посвящались. Такъ по образу св. Параскевы Пятницы, и часовни ея слывутъ *Пятницами,* а по изображенію Животворящаго Креста — *Крестами,* какіе обыкновенно стоятъ предъ въѣздомъ въ города, какъ бы въ огражденіе ихъ отъ напастей. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ на память девятой пятницы совершается молебенъ въ разныхъ приходскихъ часовняхъ, куда стекаются окрестные жители. То же бываетъ тамъ въ день

празднованія св. Власія, 11 февраля, и праведнаго Прокопія Усьянскаго, 8 іюля, въ часовняхъ, имъ посвященныхъ. Въ Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, при старинныхъ часовняхъ Св. Духа и св. апостола Ѳомы бываютъ каждогодныя ярмарки.

При нѣкоторыхъ изъ такихъ моленныхъ находятся студенцы, ключи и родники, къ коимъ народъ питаетъ завѣтное благоговѣніе. Здѣсь странники, укрѣпясь молитвою и освѣжась чистою водой, почерпаютъ новыя силы къ продолженію пути. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ мольбы и отдыха ознаменованы чудесами, исцѣленіями недужныхъ и достопамятными событіями, кои переходятъ въ народное сказаніе.

Между Переславлемъ и Никитскимъ монастыремъ, на берегу озера Плещеева, встрѣтите каменную часовенку, называемую тамъ *Собинкою;* она славна исцѣленіемъ болящаго черниговскаго князя Михаила, ѣхавшаго въ обитель къ св. Никитѣ Переславскому въ надеждѣ получить отъ него облегченіе въ тяжкомъ недугѣ своемъ. Въ двухъ верстахъ отъ Костромы, къ западу, на берегу Святого озера, прежде извѣстнаго подъ названіемъ Мерскаго (Мерянскаго), стоитъ часовня съ иконою Ѳеодоровскія Богоматери. На этомъ мѣстѣ, при нашествіи татаръ, или пановъ, какъ гласитъ преданіе, вынесена была сія св. икона; при видѣ ея враги ослѣпли и перетонули въ озерѣ.

До указа Петра I, въ 1722 году, объ уменьшеніи часовенъ, много ихъ было въ Москвѣ на торжищахъ, перекресткахъ и улицахъ. Такъ на Никольскомъ крестцѣ, при часовнѣ, гдѣ стоитъ древній образъ св. Николая *Большая Голова*, цѣловали крестъ присягавшіе; по старому обычаю, обыватели Китая города, ежедневно въ сумерки, оттуда брали огонь для домашняго употребленія. Обычай этотъ сохранялся во многихъ домахъ до начала царствованія Екатерины II, какъ передалъ намъ одинъ достопочтенный и маститый любитель и знатокъ старины, П. Ѳ. Коробановъ. Кто изъ московскихъ жителей и пріѣзжихъ православныхъ не посѣщалъ часовни Иверской Богоматери, свидѣтельницы и воспріемницы молитвъ и обѣтовъ!

Нѣкоторыя часовни сооружены надъ могилами знаменитыхъ и благочестивыхъ людей. Лѣтописецъ намъ повѣствуетъ, что 1109 года надъ тѣломъ кн. Евпраксіи Всеволодовны поставлена божонка. Вѣроятно эта божонка была въ родѣ тѣхъ будокъ, кои до Петра I строились надъ могилами покойниковъ для сорокодневнаго чтенія Псалтыря. Въ Вологдѣ на полянѣ стояла часовня надъ могилою двухъ витязей. Бѣлоризцевъ, доблественно подвизавшихся за отчизну во время нашествія Литвы.

Часовнями увѣковѣчено въ памяти народной мѣстопребываніе благочестивыхъ тружениковъ, или встрѣчи святыхъ мужей.

По Троицкой богомоленной дорогѣ увидите нѣсколько часовенъ, начиная отъ Креста за землянымъ городомъ Москвы, гдѣ встрѣчены были св. мощи митрополита Филиппа Колычева и гдѣ цари имѣли *слазку* во время своихъ набожныхъ походовъ въ Сергіеву обитель.

Не вдаваясь въ указанія на многія другія часовни, разсѣянныя на святой Руси, заключимъ общее ихъ обозрѣніе описаніемъ изображенной на рисункѣ. Между деревнею Рязанцами и славнымъ нѣкогда селомъ Воздвиженскимъ, на 11 верстѣ отъ Троицкой Лавры, на Поклонной горѣ стоитъ старая каменная часовня съ шатровымъ верхомъ, на подкомарахъ, выступающихъ съ четырехъ сторонъ. Въ ней водруженъ древній огромный осьмиконечный крестъ изъ дубовыхъ брусьевъ, обитый липовыми досками, съ изображеніемъ на одной сторонѣ распятаго Господа Іисуса Христа, а на другой — преподобнаго Сергія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дерево изгрызено страждущими зубною болью, которые, по вѣрѣ своей, получаютъ исцѣленіе. Съ одной стороны часовни ея колодезь, съ другой келья для сторожа, подъ сѣнью березника; противъ нея черезъ дорогу святой прудокъ, по преданію, ископанный самимъ препод. Сергіемъ. Никто изъ пѣшеходныхъ богомольцевъ не пройдетъ мимо ея, чтобы не помолиться Животворящему Кресту, и чтобы не вложить своей трудовой лепты въ кружку. Даже рѣдкій изъ проѣзжихъ не остановится поклониться знаменію нашего спасенія. Ея не проходили безъ поклоненія всероссійскіе митрополиты и патріархи, великіе князья и цари, которые нерѣдко, по обѣщанію, хаживали пѣшкомъ на богомолье въ обитель преподобнаго Сергія, по выраженію царя Алексѣя Михайловича: *крѣпкаго молитвенника, скораго помощника и кормителя всѣхъ царей россійскихъ*. Старожилы на нашемъ вѣку еще помнили, какъ здѣсь останавливались, съ многочисленною свитой, императрицы Елизавета Петровна и Екатерина Алексѣевна помолиться и приложиться ко кресту, какъ онѣ жаловали вклады въ часовню и раздавали изъ своихъ рукъ милостыню собравшимся сюда нищимъ. Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ 1775 г. въ Москвѣ, изволила 18 мая въ половинѣ 5 часа пополудни «предпріять путешествіе въ Сергіевъ Троицкій монастырь», и вотъ что записано подъ 29 числомъ въ камеръ-фурьерскомъ церемоніальномъ журналѣ: «Пополудни въ 3 часа, ея величество и ихъ высочества соизволили изъ села Здвиженскаго предпріять шествіе въ каретахъ въ Троицкую Сергіеву Лавру, разстояніемъ отъ Здвиженскаго въ 13 верстахъ. И мимо слѣдующаго стоящаго на дорогѣ большого Животворящаго Креста, соизволили изъ кареты выдти, гдѣ и встрѣчены были нарочно присланнымъ

отъ преосвященнаго архіепископа Платона той Троицкой Лавры семинаріи ректоромъ, при поднесеніи отъ него хлѣба и соли, а притомъ оный ректоръ, на Высочайшее благополучное прибытіе говорилъ краткую поздравительную рѣчь, послѣ которой ея величество и ихъ высочества соизволили жаловать къ рукѣ. По семъ, соизволили прикладываться къ Животворящему Кресту и отъ онаго мѣста, продолжая къ монастырю путь пѣшкомъ и перешедъ 7 верстъ, соизволили сѣсть въ карету». Съ благоговѣніемъ къ святынѣ здѣсь соединилось благоговѣйное воспоминаніе о двухъ святыхъ современникахъ въ XIV столѣтіи, достопамятныхъ въ русской исторіи подвигами вѣры, благочестія и любви къ отечеству — первомъ епископѣ Пермскомъ, просвѣтителѣ зырянъ, Стефанѣ и преподобномъ Сергіѣ Радонежскомъ. Чрезъ сіе мѣсто, тогда покрытое дремучими лѣсами, поспѣшалъ Пермскій апостолъ въ Москву, гдѣ нашелъ себѣ могилу; но онъ остановился на Поклонной горѣ поклониться Св. Троицѣ, и оттуда, благословивъ троицкаго игумена Сергія, сидѣвшаго въ это самое время за братскою трапезой въ обители своей, сказалъ: «*Миръ тебѣ, духовный брате!*» Прозорливый старецъ, къ удивленію братіи, всталъ изъ-за трапезы и отвѣтствовалъ на благословеніе святителя поклономъ и привѣтствіемъ: «*Радуйся и ты, пастырю Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою*». — «Кому ты кланяешься, отче?» — спросили изумленные ученики его. — «Въ сей часъ епископъ Стефанъ, идый въ градъ Москву, и противъ монастыря нашего Святой Троицѣ поклонился и насъ смиренныхъ благослови». Сергій указалъ и самое мѣсто, куда тотчасъ посланные еще застали спутниковъ Стефановыхъ.

Такъ повѣствуютъ намъ житейники св. Стефана и преп. Сергія, и Лобкова уставная рукопись начала XVII вѣка, изъ коей заимствуемъ сіе сказаніе.

Путешествіе Стефаново въ 1390 году въ Москву ознаменовано было замѣчательнымъ событіемъ, ясно свидѣтельствующимъ, что на Стефанѣ видимо пребывала благодать Божія. Передадимъ это событіе подлинными словами Четій-Миней: «Епископъ пермскій святый Стефанъ велію къ преподобному (Сергію) любовь имѣяй, нѣкогда отъ епископіи своея въ градъ Москву идяше путемъ, иже отстоитъ отъ Сергіева монастыря, яко пять поприщъ или вящше; скоро же спѣшащи ко граду, умысли тогда не быти въ обители святого, но возвратившися въ своя (т.-е. на обратномъ пути) пріити къ преподобному. Бывшу же ему противу монастыря, воста съ колесницы своея и прочетъ «Достойно есть» и обычную молитву сотворивъ, поклонися Сергію преподобному, сице рекъ: «Миръ тебѣ, духовный брате». Случися же тогда Сергію блаженному на трапезѣ ясти. Разумѣвъ же духомъ поклоненіе епископово, воста въ той же часъ отъ трапезы и, мало постоявъ и молитву сотворивъ, рекъ: «Радуйся и ты, пастырю Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою». Братія же, удивившися о необычномъ томъ дѣлѣ, и разумѣша нѣцыи, яко видѣніе видитъ преподобный. По окончаніи же трапезы, вопросиша его о бывшемъ. Онъ же исповѣда имъ, глаголя: «Въ той часъ епископъ Стефанъ, грядый путемъ ко граду Москвѣ, ста противъ монастыря нашего и поклонися Святѣй Троицѣ, и насъ грѣшныхъ благослови». Послѣди же нѣцыи отъ ученикъ его извѣстно увѣдаша истинно бывшую вещь, и дивляхуся о прозорливомъ дарѣ, отцу ихъ отъ Бога даннѣмъ»[1].

Память чудеснаго сближенія святыхъ душъ увѣковѣчена сооруженіемъ на Поклонной горѣ деревянной часовни, вмѣсто коей, въ XVII вѣкѣ, построена каменная, донынѣ существующая. Память эта возобновляется и по сіе время въ Сергіевой обители обрядомъ за праздничными трапезами: за третьимъ блюдомъ, братія по звону колокольчика, встаютъ, сотворивъ молитву, заключаютъ ее печатію слова: *аминь*.

[1] Чет. Мин. 25 сентября. Житіе преподобнаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго. Мы съ намѣреніемъ привели подлинныя слова житія, чтобы познакомить читателей съ прекрасною, логическою и понятною рѣчью Четій-Миней.

СЕЛО МЕДВѢДКОВО.

Въ семи верстахъ отъ Москвы, по Троицкой дорогѣ, въ сторонѣ, на берегахъ Яузы, расположено старинное село Медвѣдково, стана Манатина Быкова. Окруженное лѣсами годъ отъ году уже рѣдѣющими, Медвѣдково прекрасно своимъ мѣстоположеніемъ и замѣчательно старинною церковью, занимающею луговую высоту на берегу пруда. Въ 1623 г. село Медвѣдково состояло во владѣніи за бояриномъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, какъ старинная отца его вотчина, которая по смерти князя перешла къ сыновьямъ его, къ князьямъ Петру и Ивану. Въ 1669 г. село Медвѣдково принадлежитъ женѣ князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, вдовѣ княгинѣ Прасковьѣ Михайловнѣ съ дѣтьми: сыномъ Юріемъ и дѣвицами Агриппиною и Анною. По смерти князя Юрія Пожарскаго и его жены Настасьи селомъ владѣлъ въ 1687 г. намѣстникъ новгородскій и царскія большія печати оберегатель, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, у котораго оно, какъ и всѣ вотчины, было отписано на государей. Отсюда этотъ любимецъ Софіи, въ сентябрѣ 1689 года, съ старшимъ сыномъ своимъ бояриномъ Алексѣемъ Васильевичемъ поѣхалъ въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ среди многочисленнаго стеченія народа, прочитанъ указъ о лишеніи его съ сыномъ чести боярства, объ отпискѣ всего имущества ихъ на государя и о ссылкѣ ихъ съ женами и дѣтьми въ Каргополь [1]. Въ 1691 г. село Медвѣдково пожаловано Ѳедору Кирилловичу Нарышкину, а отъ него перешло въ 1698 г. къ его родному брату Льву Кирилловичу, послѣ смерти котораго село досталось въ 1707 г. его дочери дѣвицѣ Аграѳенѣ Львовнѣ, въ 1708 г. съ тѣмъ имѣніемъ вышедшей замужъ за князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, а послѣ Аграѳены Львовны (ум. въ 1710 г.) селомъ владѣлъ родной ея братъ Александръ; въ 1768—1795 гг. генералъ-поручикъ, шталмейстеръ и дѣйствительный камергеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Затѣмъ съ 1809 г. село это принадлежало слѣдующимъ лицамъ: гг. К. Я. Шмиту, Гусятникову и Сунгурову, Иванову, генералу Бланку, купцу Купріянову, въ настоящее время Медвѣдковымъ владѣютъ г. Рихтеръ и купецъ Шерупенко.

Въ 1623 г. въ этомъ селѣ былъ храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы да придѣлъ Петра Александрійскаго—деревянные; въ 1635 г. при Покровской церкви упоминаются придѣлы Знаменія Пресвятыя Богородицы, Петра Александрійскаго, Варлаама Хутынскаго и Антонія Римлянина. Въ 1646 г. церковь была уже каменною; въ 1652 г. устроенъ престолъ свв. мученикъ Девяти иже въ Кизицѣ. Въ 1687 г. церковь такъ была описана: въ селѣ церковь каменная, а въ ней четыре службы, верхняя служба во имя Покрова Пресвятыя Богородицы съ паперти и со всходы каменными, да у той же верхней церкви придѣлъ Сергія чудотворца, да по другую сторону трапеза; нижняя церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, придѣлъ Девяти мученикъ иже въ Кизицѣ. У тѣхъ церквей большихъ и малыхъ 8 колоколовъ и изъ тѣхъ колоколовъ одинъ колоколъ прорѣзной (существуетъ и по сіе время). На дворѣ хоромное строеніе, въ нихъ печи ценинныя, двери и ставни обиты сукномъ краснымъ, у двери крюки и скобы желѣзные, луженые, отъ хоромъ черезъ переходы баня. Строенія были крыты частію гонтомъ, частію тесомъ, частію дранью. При домѣ былъ прудъ, въ немъ рыба саженая: осетры и стерляди, и лещи, и щуки, и судаки, и окуни, платицы и лини [2].

Церковь, какъ мы сказали, каменная двухъярусная шатровая о восьми главахъ, означающихъ престолы. Вокругъ верхняго яруса ходовая папертъ на аркахъ. Верхъ церкви обитъ желѣзомъ, а главы крыты чешуей лещадною. Кресты на главахъ четвероконечные. Матеріаломъ, способомъ кладки и стилемъ своимъ зданіе это сходно съ коломенскою церковію Вознесенія Господня.

Къ западной части храма пристроена колокольня новаго стиля съ открытымъ подъ нею входомъ въ лѣтнюю церковь и со ступенчатою лѣстницей въ верхнюю церковь. Въ западной ея стѣнѣ вставлена плита изъ бѣлаго камня съ высѣченнымъ на ней двуглавымъ орломъ: оба орла увѣнчаны зубчатыми

---

1 Ист. цар. Петр. Вел. *Н. Устрялова*, т. 2, стр. 80.

2 См. Истор. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. выпускъ пятый. В. и Г. Холмогоровыхъ. М. 1887.

коронами, крылья ихъ опущены, лапъ ихъ не видно; по сторонамъ ихъ головъ расположены какіе-то неопредѣленнаго вида цвѣты. Работа грубѣе, чѣмъ на подобныхъ камняхъ съ гербами въ оградѣ московской церкви Гребневскія Богоматери. Такія изображенія герба изъ бѣлаго камня или изъ кахелей, обыкновенно, означали или царское строеніе, или царскую собственность.

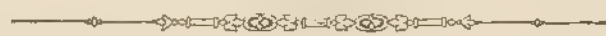
Въ верхней церкви, въ честь Покрова Божіей Матери, сводъ шпилевой на четырехъ паддугахъ, съ желѣзными связями; окна въ четыре свѣта во всю вышину зданія, полъ деревянный. Три входныя двери, каждая съ двумя деревянными створами; онѣ въ старинномъ вкусѣ, обиты краснымъ сукномъ, съ жестяными петлями и жуками. На алтарной солеѣ, въ три ступени, возвышается великолѣпный иконостасъ въ четыре пояса, кои увѣнчиваются крестомъ, составленнымъ изъ образовъ, а надъ ними ликъ Господа Вседержителя. Образа въ апостольскихъ и пророческихъ поясахъ отдѣлены одни отъ другихъ то витыми, то ложчатыми колоннами. Какъ иконостасъ не умѣстился на одной восточной стѣнѣ, то края его загнуты на южную и сѣверную стѣны. Всѣ образа, кромѣ двухъ мѣстныхъ: Святой Троицы и Покрова Божіей Матери, прекраснаго фряжскаго письма, произведеніе царскихъ иконописцевъ и живописцевъ конца XVII вѣка; въ числѣ образовъ находятся иконы св. Василія Великаго, св. Іоасафа царевича индійскаго, великаго князя Михаила Черниговскаго и болярина Ѳеодора, равно и другихъ святыхъ, безъ сомнѣнія, соименныхъ храмоздателямъ. Царскія двери соотвѣтствуютъ богатствомъ украшеній святолѣпности иконостаса; онѣ цированныя, вызолоченныя, съ шестью клеймами, въ коихъ написаны искусною кистью, въ фряжскомъ стилѣ Благовѣщеніе Богоматери и четыре Евангелиста.

Что же касается до алтаря, то онъ подъ коробовымъ сводомъ раздѣленъ на три части арками; восточная же стѣна его не полугруглая, но прямая; онъ освѣщается тремя окнами.

Въ ризницѣ его сохранились еще древнія св. утвари, какъ-то: 1) оловянный напрестольный крестъ осьмиконечный, съ изображеніемъ съ одной стороны живого на крестѣ Спасителя, а на другой умершаго, перваго съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, второго же съ ангелами; 2) древнія оловянныя дароносицы и 3) напрестольное Евангеліе, печатанное въ Москвѣ 1681 года, съ прекрасными миніатюрами, кои, по преданію, произведены царевною Софіей Алексѣевною.

Ходовая паперть съ правой стороны ведетъ къ придѣлу въ честь преподобныхъ Сергія и Никона, а съ лѣвой къ придѣлу во имя Девятичисленныхъ мучениковъ. Судя по стилю иконостаса и образовъ, оба относятся къ концу XVII вѣка. Въ первомъ — на мѣстномъ образѣ Спасителя лики св. Іоанна Предтечи и св. Апостола Петра указываютъ на тезоименитыхъ имъ царей Іоанна и Петра. Но нѣкоторыя древнія иконы, помѣщенныя въ Деисусѣ и въ алтарѣ свидѣтельствуютъ о существованіи здѣсь придѣловъ въ началѣ XVII, или въ концѣ XVI вѣка, повидимому, современныхъ построенію самой церкви. Замѣчательны здѣсь своею узорочностью прорѣзныя рѣшетчатыя царскія двери съ шестью желѣзными клеймами, на коихъ писаны соотвѣтственные образа. Въ другомъ придѣлѣ царскія двери сплошныя, съ клеймами на деревѣ. Въ верхнемъ поясѣ иконостаса конца XVII вѣка и въ алтарѣ помѣщены древнѣйшіе образа изъ прежняго, всѣ они московскаго иконнаго письма. Сколько верхняя церковь свѣтла и высока, столько исподняя низменна, мрачна и сыра. Здѣсь престолъ въ честь Знаменія Пресвятыя Богородицы. Иконостасъ старинный, иконы въ греческомъ пошибѣ, такъ называемые столѣтники. Отъ древняго алтарнаго иконостаса оставались здѣсь царскія двери, изящныя по сочиненію; въ настоящее время онѣ помѣщены въ Петербургѣ, въ дворцовой церкви великаго князя Сергія Александровича.

При этой церкви нѣтъ ни храмозданныхъ грамотъ, ни записокъ; отрывкомъ лѣтописи ея служатъ два колокола, одинъ висящій на колокольнѣ, другой разбитый, лежащій въ верхней церкви. На первомъ читаемъ: «Лѣта 7195, ноября 23 дня царственные болшие печати и царственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель ближней бояринъ и намѣстникъ новгороцкой князь Василей Василіевичъ Голицынъ приложилъ сей колокол вподмосковной своей вотчинѣ къ церкви Покрову Пресвятыя Богородицы, вѣсу внем 4 пуда 27 фунтовъ и сему колоколу быть у той церкви Божіей в веки неотъемлемо. Лилъ сей колоколъ Дмитрій Моторинъ». Верхняя часть этого колокола сквозная, украшена львиными головами и орнаментами. На второмъ: «Лѣта 7195 по указу великихъ государей дана вотчина царственныхъ болшие печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дел оберегателю ближнему боярину и намѣстнику новгоротцкому князю Василію Васильевичу Голицыну в московском уѣзде село Медвѣдково з деревнями, а в том селѣ у церкви Покрова Пресвятыя Богородицы колокол прикладу боярина князь Дмитрея Михайловича Пожарскаго, вѣсомъ былъ пудъ 28 фунтовъ и тот разбит, а ныне по приказу боярина и оберегателя князя Василія Васильевича, тот разбитоі колоколъ променян, а взят вместо того сеі колокол, вѣсу в нем 2 пуда 4 фунта и сему колоколу быть в селе Медве, что у церкви Покрова Пресвятыя Богородицы в веки неотъемлемо».



СЕЛО САФАРИНО.

Троицкая дорога обильна историческими воспоминаніями и разнаго рода достопамятностями, о коихъ говорили намъ и отечественные и чужестранные путешественники; но, сколько намъ извѣстно, они не обратили вниманія на село Сафарино, лежащее въ двухъ почти верстахъ отъ Талицъ, влѣво отъ большой дороги. Церковь его выглядываетъ изъ-за лѣса, нѣкогда густого, а теперь время отъ времени рѣдѣющаго. О Сафаринѣ мимоходомъ сказалъ г. Макаровъ, производившій названіе этого села отъ царевны Софіи, которой будто принадлежала эта «любимая ею мѣстность» [1]; но, какъ кажется, онъ не осматривалъ церквей деревянной и каменной, ни боярскихъ палатъ, складенныхъ изъ полупудовыхъ кирпичей.

Сафарино переиначивали въ *Софрино* и *Софино* отъ нѣкотораго созвучія въ словахъ, и производили это названіе отъ царевны Софіи Алексѣевны, между тѣмъ какъ въ грамотѣ патріаршей и другихъ актахъ оно именуется Сафарино. Въ духовной верейскаго князя Михаила Андреевича, 1486 г., встрѣчается какой-то Иванъ *Сафаринъ*, которому онъ былъ долженъ «50 рублей безъ трехъ рублей, да безъ двухъ гривенъ» [2]. По всему вѣроятію, это село принадлежало Сафарину или его потомкамъ и отъ него заимствовало свое названіе.

Въ надписи на Евангеліи, Цвѣтной Тріоди и Октоиха оно названо 7186 (1678) году «Государевымъ дворцовымъ селомъ», а въ храмозданной грамотѣ 1691 года патріарха Адріана «подмосковною вотчиной боярина Ѳеодора Петровича Салтыкова», отца царицы Прасковьи Ѳеодоровны, вступившей въ замужество съ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ. Эта царская вотчина пожалована была царями Іоанномъ Алексѣевичемъ, Петромъ Алексѣевичемъ и царевною Софіею Алексѣевною ближнему боярину Ѳедору Петровичу Салтыкову и его потомству.

Въ собственной вотчиннной конторѣ находилась жалованная грамота, «писанная на поргамѣнте 7169 (1661) июня 1 день на село Саѳарино, да на приселокъ Кленики и деревню Бурдакову, данная ближнему боярину Ѳедору Петровичю Салтыкову за подписью дьяка Григорья Посникова. У той грамоты на золотомъ шнуре красного воску печать, две кисти золотые, четырѣ варворки жѣмъчужные; оная грамота обернута жѣркою камкою съ узинкимъ золотымъ кружевцомъ; при томъ жѣ на толстой бумаге, писанной красками, золотомъ и серебромъ ѳамили оного Салтыкова гербъ. На той же грамоте, на чемъ утверждена печать, парча серебреная і золотая, вокругъ оной узинкой серебреной позументъ» [3].

Въ 1730 г. Сафарино принадлежало князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, который былъ женатъ на Анастасіи Ѳедоровнѣ Салтыковой; вѣроятно, вотчина эта была дана ей въ приданое отцомъ ея Ѳедоромъ Петровичемъ Салтыковымъ. Потомъ Сафарино принадлежало вице-канцлеру и кабинетъ-министру графу Михаилу Гавриловичу Головкину; въ 1742 г. послѣ его ссылки имѣніе конфисковано и приписано къ собственнымъ вотчинамъ государыни. Именнымъ указомъ 14 марта 1759 года императрица Елизавета Петровна пожаловала село Сафарино вдовѣ графа М. Г. Головкина, графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, урожденной княжнѣ Ромодановской, во владѣніе только по смерть ее; а въ 1763 г. января 2 село Сафарино съ деревнями пожаловано ей императрицею Екатериною II въ вѣчнопотомственное владѣніе.

По замужству Варвары Николаевны Салтыковой съ генералъ-поручикомъ графомъ Сергѣемъ Павловичемъ Ягужинскимъ, мать котораго графиня Анна Гавриловна была сестра графа Михаила Гавриловича Головкина, Сафарино перешло въ ея собственность. Почтенная и благодѣтельная помѣ-

[1] Журналъ пѣшеходцевъ отъ Москвы до Ростова. М. 1830 г. страница 46.
[2] Собраніе Государст. грамотъ. I, N 122. [3]) Арх. Моск. Дв. Кон. опись 3, дѣла № 350, годъ 1763.

щица, съ Высочайшаго разрѣшенія, сдѣлавъ крестьянъ своихъ вольными хлѣбопашцами, предоставила имъ всѣ угодья, коими, какъ видно, они не сумѣли пользоваться. Вотъ все, что мы успѣли узнать достовѣрнаго о судьбахъ этого древняго села, начиная отъ перваго его владѣльца Сафарина до Ягужинской.

Исторію Сафарина дополняютъ три старинные памятника церковной и гражданской архитектуры — разумѣемъ двѣ существующія церкви и палаты, въ настоящее время уже разобранныя. Онѣ возобновляютъ въ памяти нашей прежнихъ его владѣльцевъ.

На двухъ холмахъ, раздѣляемыхъ оврагомъ, стоятъ двѣ церкви въ честь Одигитрія Смоленскія Божіей Матери; на одномъ изъ нихъ, къ сѣверу, церковь деревянная, построенная въ 1740 году, а на другомъ каменная, прежде домовая, нынѣ обращенная въ приходскую. Стиль зодчества ихъ составляетъ разительный контрастъ; сколь одно просто и обыкновенно своимъ окладомъ, столь другое великолѣпно и вычурно; въ одномъ находимъ зодчество нашего сѣвера и сходство съ избою; въ другомъ зодчество юга и запада — сходство съ крестильницами.

Первая не представляетъ ничего особеннаго въ архитектурномъ отношеніи. Въ ней изъ древнихъ утварей находятся: 1) запрестольный крестъ съ слѣдующею на немъ надписью: Освятися жертвенникъ Господа Бога и Спаса нашего Иісуса Христа во храмѣ Пресвятыя Богородицы честнаго Одигитрия Смоленскія при державѣ Благочестивѣйшія Великия Государыни Императрицы Анны Іоанновны, всея Россиі по благословенію святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода в лѣто от сотворенія мира 7248 от воплощения же Бога Слова 1740 году индикта 7 мѣсяца ѳевруария 7 дня на память преподобнаго отца нашего Парѳенія епископа Лампсакійскаго зданіемъ тайнаго действителнаго совѣтника сенатора и кавалера и Монетнаго правленія главнаго деректора графа Михаила Гавриловича Головкина, въ московской его высокографскаго сіятельства вотчинѣ селе Саѳарине; 2) двѣ тріоди, на одной подпись: 186 (1678) году сентября въ 24 день по указу великого государя сия книга дана ис приказу Болшого Дворца въ его государево дворцовое село Саѳарино въ церковь Пресвятыя Богородицы Одигитрия; на другой: Треодь посная стряпъчего Бориса Іванова сына Петина 1699; 3) серебряная чарка съ изображеніемъ на днѣ ея двуглаваго орла подъ одною короной, съ поднятыми крыльями и распростертыми лапами, безъ державы и скипетра; на вѣнчикѣ его вырѣзана слѣдующая надпись: «чарка великіе государыни, благовѣрные царицы и великіе княгини Параскевы Ѳеодоровны хоромная» и 4) древнее зеркальце, которое переноситъ насъ за два или болѣе вѣка, когда зеркальныя стекла еще были рѣдки и дóроги на Руси, когда употреблялись не только стеклянныя, но, какъ увидимъ далѣе, и булатныя, т.-е. стальныя зеркалá. Библейскія древности намъ открываютъ, что металлическія зеркалá изъ полированной мѣди, серебра, стали или булата извѣстны были у египтянъ и евреевъ въ глубокой древности [4]. Въ книгѣ Іова, XXXVII, 18, небо сравнивается съ литымъ зеркаломъ (яко видѣнія слитія). Изъ зеркалъ своихъ, кои нашивали въ рукахъ, жены еврейскія устроили для храма мѣдную умывальницу [5]. Щегольство обратило зеркала въ необходимую принадлежность женскаго туалета, а суевѣріе въ орудіе гаданій, извѣстныхъ подъ названіемъ catoptromantia, т.-е. зеркалогаданіе. Впослѣдствіи, гораздо позже, вмѣсто металлическихъ зеркалъ, стали дѣлать хрустальныя и стеклянныя, съ исподи нартученныя. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были подъ Москвою два стекляные завода, одинъ Измайловскій, другой Духанинскій, на коихъ дѣлались и зеркалá. Первую зеркальную фабрику въ С.-Петербургѣ завелъ князь Меншиковъ въ 1716 году [6].

Дотолѣ привозились зеркалá изъ чужихъ краевъ, особливо изъ Германіи. Въ XVI столѣтіи онѣ употребляемы были для украшенія царскихъ чертоговъ, потомъ боярскихъ хоромъ, а въ церквахъ составляли необходимое пособіе для устройства внѣшняго благоприличія священнослужителей, дѣйствующихъ предъ лицомъ народа. Хотя одинъ изъ Московскихъ соборовъ въ концѣ XVII вѣка воспретилъ ихъ употребленіе въ церквахъ, но впослѣдствіи нужда измѣнила законъ, и зеркалá допускались въ алтаряхъ. Это оправдываетъ свидѣтельство Павла Алеппскаго въ половинѣ XVII вѣка, что «въ Россіи духовные смотрятся въ зеркало, которое виситъ въ алтарѣ и не считаютъ этого за грѣхъ» [7]. Въ описи Микулинской церкви (Тверск. губ., Старицкаго уѣзда) 1602 года упоминается «зеркало хрустальное, станокъ костяной, во влагалищѣ суконномъ». Зеркало это, видно, было не стѣнное и слѣдственно не выставленное напоказъ, какъ предметъ убранства. Таковы были въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ встрѣчающіяся въ описяхъ его 1623 г., скрѣпленной по листамъ Симоновскимъ архимандритомъ, а

[4] *I. John*, Archaeolog. biblica. ed. 2 Viennae, 1814, въ 8.
[5] *Исх.* XXXVIII, 8. «Сотвори умывальницу мѣдяну изъ зерцалъ постницъ».
[6] *Успенскаго.* Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, изд. 2, ч. I. Харьковъ, 1818, въ 8.
[7] The travels of Macarios. t. II. London. 1830, in 4.

впослѣдствіи патріархомъ, Іосифомъ; и другой, находящейся въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, 1627 года. Въ первой попадается намъ: «Зеркало, ободъ костяной, а на немъ четыре репья да два ободика серебряныхъ, а стекло нѣмецкое; зеркало хрустальное въ влагалищѣ нѣмецкомъ», потомъ: «зерцало *булатное* обложено серебромъ сканью, назади въ репьяхъ четырнадцать хрусталей, лагалище атласъ золотной» [1]. Въ описи казны патріарха Филарета Романова 1630 года значится: «зерцало хрустальное, станокъ костяной, врѣзываны раковины, во влагалищѣ суконномъ, и опахало пернатое, въ немъ зерцало». Въ казнѣ патріарха Никона 1658 года уже встрѣчается намъ «зеркало стѣнное нѣмецкое з затворы» [2].

На колокольнѣ виситъ полиелейный колоколъ съ слѣдующею надписью: «7194 (1686) году февраля в 23 день выменили сеі колокол к церкви Вознесению Хрістову, в село Кимру на мирския денги».

Теперь перейдемъ съ одного холма на другой черезъ рѣчку Талицу и оврагъ къ южной сторонѣ, чтобы осмотрѣть другую церковь и примыкавшія къ ней каменныя двухъ-этажныя палаты, которыхъ изображенія здѣсь прилагаются. Храмъ этотъ построенъ вмѣсто старой деревянной церкви бояриномъ Ѳедоромъ Петровичемъ Салтыковымъ въ 1691 году въ такомъ же стилѣ, какъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, на Филяхъ и въ Троицкомъ, бывшемъ Бутурлина, нынѣ Корзинкина. Всѣ они относятся къ царствованію Петра I, предпочитавшаго этотъ родъ архитектуры. Вокругъ храма прежде была широкая ходовая паперть на аркахъ. Въ цоколѣ средняго полукружія алтарнаго устроенъ входъ въ усыпальницу, или въ такъ называемое подцерковье; надъ нимъ читаемъ такую надпись, увѣнчанную гербомъ Ягужинскихъ: «Подъ сею церковью погребено тѣло вдовствующей генералъ-лейтенантши графини Варвары Николаевны Ягушинской, урожденной Салтыковой, скончавшейся 16 ноября 1843 года, по 94-лѣтней жизни. Въ 1833 году, съ высочайшаго утвержденія, сіе село Сафарино съ деревнями Клиниковой и Бурдуковой, въ числѣ 273 мужескаго пола душъ, отпущены покойною графиней вѣчно на волю въ званіи свободныхъ хлѣбопашцевъ съ большимъ количествомъ земли, на коей находится особенно хорощій строевой лѣсъ и вся дача изобилуетъ прекраснѣйшими пажитями, лугами и лѣсами, а крестьяне находятся въ отличномъ благосостояніи».

О времени построенія самой церкви свидѣтельствуетъ сохранившаяся въ ней подлинная храмозданная благословенная грамота послѣдняго патріарха московскаго Адріана:

«Божиею милостию великіи Господинъ Святѣйшій Киръ Андріанъ Архиепископъ Московскій і всея Россіи і всѣхъ сѣверныхъ странъ Патриархъ в нынѣшнемъ во 199 году бил челомъ намъ Свѣтѣйшему Патріарху Бояринъ Ѳедоръ Петровичь Салтыковъ в подмосковной де ево вотчинѣ в селѣ Саѳарине церковь во имя Пресвятыя Бцы Одигитрия деревянная ветха и починить не возможно. И нынѣ де обѣщался онъ въ том же селѣ, по другую сторону рѣчки, на новомъ мѣстѣ построить церковь во имя Пресвятыя Бцы каменную, а на старомъ де церковномъ мѣсте, гдѣ нынѣ деревянная ветхая церковь, той каменной церкви не возможно строить бліско церкви дворы и рвовъ копать немочно, многие могилы будутъ порушены и кости человѣчи тронутъ, и намъ Свѣтѣйшему Патриарху пожаловать бы ево благословить велѣть на церковное строеніе камень, кирпичь, известь, песокъ і всякие припасы готовить і в нихъ церковь строить и о томъ дать ему нашу Свѣтѣйшаго Патриарха Благословенную грамоту и азъ Великій Господинъ Свѣтѣйшій Киръ Андріанъ Божиею милостію Архиепископъ Московскій і всея Росіи і всѣхъ сѣверныхъ странъ Патриархъ Боярина Ѳедора Петровича Салтыкова пожаловалъ благословилъ велѣлъ ему на церковное строение камень, кирпичь, известь, песокъ, на сваи, на подвязи и на кружала лѣсъ, на связи желѣзо і всякие к тому каменному строению припасы готовить і в тѣхъ припасахъ в подмосковной ево вотчинѣ в селѣ Саѳарине, по другую сторону рѣчки, на новомъ, угодномъ къ церковному строению мѣсте, построить церковь во имя Пресвятыя Бцы, а верхъ бы на той церкве былъ не шатровой и алтарь здѣлать круглой тройной, а в церкве в олтарной стенѣ царские двери были б посреди, а по правую ихъ сторону южныя, а по лѣвую сѣверныя, а подле царскихъ дверѣй по правую сторону между южныхъ в началѣ поставить образъ Всемилостиваго Спаса, а по лѣвую сторону царскихъ дверей межъ сѣверныхъ в началѣ поставить образъ Пресвятыя Бцы, настоящей того храма и іныя образы по чину, а какъ та церковь построена и ко освящению изготовлена будетъ и о священіи той церкви и о антиминсѣ и кому святить, впредь бить челомъ намъ Свѣтѣйшему Патриарху, а для антиминса быть к Москве тоя церкви попу, а не простолюдину. Пісанъ на Москвѣ лѣта 7199 августа въ 11 день». При той грамотѣ краснаго воску печать.

[1] Опись эта, по указу царя Михаила Ѳеодоровича и по благословенію отца его, патріарха Филарета Никитича, учиненная княземъ Лукою Осиповичемъ Щербатымъ и дьякомъ Андреемъ Варѣевымъ, хранится въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ дѣлъ, писана полууставомъ, въ 4

[2] Временникъ И. О. И. и Др. Росс. XV

Внутреннее расположенiе церкви состоитъ изъ трехъ частей, т.-е. трапезы, храма и алтаря; изъ угла первой ломаная лѣстница въ каменномъ столпѣ ведетъ на хоры и въ колокольню, помѣщенную въ фонарѣ главы. Помостъ изъ дубовыхъ лещадей, поднятый на двѣ ступени для солеи алтарной. Иконостасъ современенъ и соотвѣтственъ храму, рѣзной въ стилѣ рококо и мѣстами позолоченый. Въ семи его поясахъ образа смѣшаннаго пошиба греко-фряжскаго, такъ называемые столѣтники, посредственные въ художественномъ отношенiи. Они размѣщены въ такомъ порядкѣ: 1) мѣстные: Спаситель и Божiя Матерь, св. Василiй, епископъ Херсонскiй и преподобный Сергiй; 2) праздники двунадесятые; 3) апостолы, предстоящiе Спасителю въ славѣ; 4) пророки — Божiей Матери; 5) праотцы — Господу Саваоѳу, и 6) и 7) страсти Господни.

Алтарь освѣщенъ тремя окнами. Въ южномъ его предалтарiи сдѣлана западня въ полу, или сходъ, который ведетъ въ усыпальницу. Жертвенникъ приставной у стѣны. Престолъ деревянный, на коемъ хранится холщевый антиминсъ 1735 года, подписанный Венiаминомъ, епископомъ Коломенскимъ и Каширскимъ. На восточной стѣнѣ предъ престоломъ замѣчателенъ древнiй образъ святителя Николая, писанный въ греческомъ пошибѣ, на круглой доскѣ и въ старинномъ серебряномъ чеканномъ окладѣ, съ финифтяными изображенiями Деисуса въ вѣнцѣ. По виду своему, онъ принадлежитъ къ новгородскимъ. Кромѣ того, въ ризницѣ хранится символическое изображенiе россiйскаго герба, подъ тремя коронами, осѣненнаго Спасителемъ и благословляемаго Божiей Матерiю въ коронѣ и съ крылами въ видѣ Софiи премудрости Божiей. Надъ Богоматерiю читаемъ надпись: «яко орелъ искрыетъ гнѣздо отъ орлищь своихъ. И даны быша женѣ два крыла орля». *Апокалипс.* 12. Вокругъ гербоваго щита изображено: «въ крове крылу твоею возрадуемся. Покры насъ кровомъ крилу твоею». Подъ гербовымъ щитомъ пятиглавый храмъ, окруженный монахами; доска этого образа вышиною 3, шириною 2 четверти. Въ разницѣ хранится такая же точно серебряная чарка и съ такою же надписью, какъ въ деревянной церкви. Въ подцерковьѣ покоится прахъ послѣдней владѣлицы села Сафарина, на памятникѣ читаемъ: Подъ симъ камнемъ погребено тѣло послѣдней помѣщицы сего села Сафарина генералъ-лейтенантши графини Варвары Николаевны Ягушинской, урожденной Салтыковой, родившейся въ 1749 году октября 25 дня. Скончалась 1843 года ноября 16 дня въ 8 часовъ утра. Житiя ея было 94 года, тезоименитство ея декабря 4 дня.

На колокольнѣ виситъ полиелейный колоколъ съ слѣдующею вырѣзанною надписью: «7202 (1694) дала сеi колокол вкладу Коломенского уѣзду в село Троицкое, что въ Маковце, к церкве Живоначальныя Троицы Дарья Аѳанасьевна Савiнская жена Костентиновская, вѣсу 1 пуд.»

Изъ дѣлъ Архива Дворцовой Конторы видно, что въ 1756 г. въ Сафаринѣ священника не имѣлось, а служба отправлялась наймомъ; былъ одинъ дьячокъ. Священнику полагалось 8 руб., ржи и овса по 6 четвертей, дьячку 4 руб., ржи и овса 3 четверти; пшеницы на просвиры 4 четверика.

Что же касается до каменныхъ палатъ, то онѣ въ послѣднее время разобраны; палаты состояли изъ трехъ отдѣленiй, одно къ другому пристроенныхъ и покрытыхъ деревянною кровлею. Внутри ихъ на востокъ была зала въ два свѣта съ венецiанскимъ каминомъ, надъ коимъ изображенъ лѣпною работой гербъ Ягужинскихъ: польскiй орелъ съ взмахнутымъ мечомъ въ лапѣ, на стѣнахъ лѣпные же кресты въ сiянiяхъ. Прочiя комнаты малыя обнаруживали домашнiй обиходъ боярскаго двора въ началѣ и срединѣ XVIII вѣка: въ одной изъ нихъ была старинная духовая кахельная печь на ножкахъ. Видно было, что палаты эти давно уже стоятъ въ запустѣнiи: въ коробовыхъ и стрѣльчатыхъ сводахъ показывались разсѣдины; оконницы перебиты и все обветшало и валилось. Отсутствiе доброй хозяйки-помѣщицы замѣтно и въ окрестностяхъ дома: садъ запущенъ, многiя деревья вырублены, уже нѣтъ прекрасной березовой рощи, которая осѣняла это мѣстопребыванiе царей и бояръ. Далѣе представляемъ здѣсь выписку объ дворцѣ въ селѣ Сафаринѣ.

Сафарино посѣщали, какъ родное перепутье по дорогѣ въ Свято-Троицкую Сергiеву лавру императоръ Петръ I, любимая имъ царица Прасковья Ѳеодоровна, дочь ея императрица Анна Ивановна, и императрица Елизавета Петровна. Къ одному изъ ея прiѣздовъ, а именно въ 1742 г. были исправлены въ строенiяхъ нѣкоторыя ветхости архитекторомъ Михаиломъ Земцовымъ. При этомъ собственная ея императорскаго величества вотчинная канцелярiя сообщила въ придворную контору, что въ селѣ Сафаринѣ пива, полпива и квасовъ и кислыхъ штей и къ заготовленiю онаго солодовъ и меду сырцу и хмелю и мяты и прочихъ къ тому припасовъ и посуды и кому-бъ оное варить: пивоваровъ и полупивоваровъ и медоваровъ и месниковъ никого не имѣется, тако жъ ситовъ, ливеровъ, насосовъ, бутылокъ и корешковъ и муки крупичатой и масла всякаго и огородныхъ садовыхъ къ столу никакихъ овощей, также не имѣется, а равно и денегъ въ вотчинной канцелярiи нѣтъ.

Съ мундшенкомъ Степаномъ Загоскинымъ послано было туда: краснаго и бѣлаго секту по четыре анкерка, воложскаго бѣлаго и краснаго по бочкѣ оксофтѣ, хрустальныхъ стакановъ пивныхъ,

рюмокъ ренскихъ по 4 дюжины, кубковъ съ крышками среднихъ дюжину, большихъ полдюжины, шкаликовъ водочныхъ 2 дюжины; все это принялъ управитель мундшенкъ Андрей Удаловъ»[1]. Можетъ статься, здѣсь бывала и царевна Софія у своей заловки; но изъ этого не слѣдуетъ переиначивать Сафарино въ Софьино.

Въ описи села Сафарина 1759, находящейся въ Архивѣ Московской Дворцовой конторы подъ № 229 читаемъ о тамошнемъ дворцѣ слѣдующее: «Противъ каменной церкви палаты каменныя, а въ нихъ покоевъ: первая палата большая столовая называется зала, въ ней образъ Явленія Пресвятыя Богородицы Казанскія, на томъ же образѣ написаны Гурій и Варсонофій шти листовой, на немъ по полямъ окладъ серебреной вызолоченъ ветхой; десять оконъ, въ нихъ окончины стеклянныя большія дѣланы въ штабель ветхія, да одинъ каминъ, а въ немъ двѣ разношки желѣзныя, на которыхъ кладутъ дрова, одинъ столъ круглой липовой безъ петель ветхой, на немъ сукно бѣлое Сафаринской фабрики, мѣрою пять аршинъ, въ той палатѣ алебастровая подмаска вверху (та подмаска) вся обвалилась, да возлѣ той полаты спальня маленькая, въ ней образъ Сергія Радонежскаго Чюдотворца шти листовой безъ окладу, одинъ столикъ маленкой круглой китайской работы ветхой, каминъ, въ немъ двѣ разношки желѣзныя, на которыхъ кладутъ дрова, въ немъ два окошка, въ нихъ окончины стеклянныя дѣланы въ штабель ветхія; да противъ спальни и столовой палаты двои сѣни, въ однихъ сѣняхъ образъ Архистратига Михаила шти листовой безъ окладу, въ нихъ печь муравленая круглая ветхая сдѣлана для красоты, въ нихъ два окошка, въ которыхъ двѣ окончины стеклянныя дѣланы въ штабель ветхія; да противъ тѣхъ сѣней и меньшей спални переходы, въ томъ числѣ у однихъ (сѣней) своды весьма ветхи и развалились; одна передняя палата для убору посуды; одинъ уборной столъ, на немъ образъ Василія Херсонскаго писанъ на тафтѣ краскою попорченъ, къ правому краю розодранъ, въ рамахъ черныхъ ветхой; въ ней три окошка, въ нихъ окончины стеклянныя дѣланы въ щтабель подъемныя ветхія; да въ той же палатѣ одинъ столъ дубовой осьмигранной, четвертая палата большая спальня, въ ней образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія писанъ на жести золотомъ въ черныхъ рамахъ небольшой, да одна персона въ рамахъ круглыхъ позолоченыхъ, одно зеркало стѣнное въ черныхъ рамахъ разбитое, одинъ столъ аспидной четвероугольной на деревянныхъ ношкахъ съ ящикомъ выдвижнымъ, два каридона китайскихъ ветхія, шеснадцать стуловъ обиты бархатомъ желтымъ трафчетымъ ветхія и полиняли, въ томъ числѣ одни кресла, одинъ столъ, на чемъ становятся питья, покрытъ сукномъ краснымъ ветхой, въ которомъ сукнѣ мѣрою два аршина; да въ той же палатѣ три окошка, въ нихъ три оконьчины стеклянныхъ дѣланы въ штабель подъемныя ветхія.

«Да въ той же палатѣ пятьдесятъ пять стуловъ обитыхъ сукномъ краснымъ ветхія, изъ оныхъ два ободраны и стоятъ въ церквѣ въ олтарѣ; да обитыхъ кожею пятнадцать стуловъ, въ оныхъ палатахъ подѣланы печи обращатыя изъ разныхъ обрасцовъ ветхія, при тѣхъ печахъ затворки желѣзныя, кочерги желѣзныя; да подлѣ тѣхъ палатъ сѣни большія, въ нихъ столъ осмигранной, доска дубовая на ношкахъ деревянныхъ осиновыхъ; да руль дубовой, на чемъ платья и полотна катаютъ, въ тѣхъ сѣняхъ четыре окошка, при нихъ одна окончина стеклянная дѣлана въ свинцѣ, а въ трехъ окошкахъ ставни обиты сукномъ краснымъ ветхія.

«Да въ тѣ-жъ палаты со дворца крыльцо выхожее каменное съ перилы деревянными, да противъ вышеписанныхъ сѣней пятая палата, въ ней образъ Умиленія Пресвятыя Богородицы писанъ на полотне въ черныхъ рамахъ, да столъ дубовой большей четвероугольной, другой столъ складной четвероугольной же липовой на двухъ петляхъ желѣзныхъ подъ номеромъ пятымъ, въ той палатѣ три окошка, въ нихъ окончины стеклянныя дѣланы въ свинцѣ съ задвишками ветхія.

«При томъ же дворцѣ садъ большей, въ которомъ имѣется двадцать восемь яблоней посохлые и скотомъ подъѣденные.

«Да розоновъ девять кустовъ.

«Піенъ красныхъ осемнадцать кустовъ.

«Да въ томъ же саду цвѣтниковъ два, парникъ одинъ, линей саженыхъ липнягомъ и кленникомъ двѣ, въ срединѣ того саду линей простыхъ посыпныхъ пескомъ четыре; да отъ дворца у того саду ворота створчетыя рѣшетчетыя, которыя на трехъ петляхъ и крючьевъ желѣзныхъ и съ закладкою желѣзною-жъ, а четвертой петли не имѣется».

---

[1] Дѣло въ Арх. Моск. Двор. Конт. 835, реестр. 51, годъ 1742

ПОДОЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

Двѣ церкви этого бывшаго монастыря занимаютъ мѣсто въ лощинѣ между Вознесенскою и Красною горами, противъ сѣверо-восточной угловой башни Троицкой Сергіевой лавры, разстояніемъ одна отъ другой въ трехъ съ третью саженяхъ; вокругъ ихъ каменная ограда съ деревянною рѣшеткой; два старинные чѐтвероконечные креста осѣняютъ святыя ея ворота. По устройству и близости обѣихъ церквей, по самой мѣстности, можно уже предполагать, что здѣсь нѣкогда была иноческая обитель.

Изъ сравненія же стиля обѣихъ церквей очевидно, что онѣ сооружены не въ одно время и не однимъ зодчимъ. Позднѣйшія пристройки къ той и другой легко отличаются типомъ своимъ отъ первоначальнаго созданія.

Первая церковь во имя Введенія Богородицы образуетъ стройный и высокій квадратъ; на гладкихъ его стѣнахъ нѣтъ другихъ орнаментовъ, кромѣ узорчатаго пояска и на каждой сторонѣ четырехъ тройныхъ лопатокъ съ валиками, кои со всѣхъ сторонъ оканчиваются выгнутыми кружалами въ родѣ теремковъ, или подкомаръ. На такихъ полукружіяхъ прежде лежала черепичная или лещадная крыша, замѣненная впослѣдствіи шатровою желѣзной; для нея пожертвовано архивольтами и карнизомъ, короновавшимъ всю каменную массу. Надъ ними возвышается глава на шеѣ. Замѣтно, что верхъ передѣланъ. На углу юго-восточной стѣны срублено болѣе половины пилястры и придѣланъ контрфорсъ для предосторожности отъ оказавшихся трещинъ въ перемычкѣ оконъ, при ихъ раздѣлкѣ. Въ сѣверной стѣнѣ еще видны пробитыя гнѣзда для перекладинъ деревянной паперти или крыльца, давно уничтоженнаго. Ходовая эта паперть, вѣроятно, примыкала и къ южному входу, теперь заклaденному. Восточная часть этого зданія особенно замѣчательна красивостью архитектурныхъ линій и орнаментовъ въ видѣ фестоновъ, спущенныхъ внизъ шнурами. Подобные орнаменты видны только на одной Сошественской церкви въ Троицкой лаврѣ, по всему вѣроятію, современной Введенскому храму. Въ нижнемъ ярусѣ, подъ сводами изъ тяжеловѣсныхъ кирпичей подвалы, коихъ назначеніе намъ неизвѣстно; встарину, въ такихъ склепахъ или подвалахъ устраивались придѣлы, или хранилась казна, иногда служили они темницею для преступниковъ или усыпальницею для погребенія.

Во внутренность храма съ запада ведетъ каменное ступенчатое крыльцо съ папертью, вновь пристроенное. Это единственный входъ; онъ украшенъ архивольтомъ въ мавританскомъ вкусѣ.

Сводъ въ храмѣ стрѣльчатый безъ пазухъ и голосниковъ; кромѣ обыкновенныхъ, въ немъ вдѣланы угловыя связи. Здѣсь уже нѣтъ столповъ, подпирающихъ своды зданія, ни полатей или хоровъ у западной стѣны, какія обыкновенно устраивались въ храмахъ XIV и XV столѣтій. Выстланный плитнякомъ помостъ въ алтарѣ возвышается на одну ступень, а въ южномъ предалтаріи спускается на ступень ниже. Алтарный иконостасъ въ четыре пояса, не старѣе XVIII столѣтія; образа въ немъ, по большей части, новаго письма. Въ алтарѣ своды полукоробовые съ деревянными и желѣзными связями, кои показываютъ переходъ отъ древняго строенія къ новому. Между престоломъ и жертвенникомъ арка, а южная часть алтаря, посвященная придѣлу въ честь равноапостольныхъ царей Константина и Елены, отдѣлена отъ престола стѣною съ пролетомъ.

О трехвѣковой древности храма свидѣтельствуетъ матеріалъ, способъ его обработки и самый стиль; объ искусствѣ зодчаго — прочность, соразмѣрность, стройность, легкость и красивость зданія, въ коемъ типъ византійскій соединенъ съ ломбардскимъ. Это даетъ поводъ предполагать, что она строена однимъ изъ италіанскихъ или псковскихъ зодчихъ, сооружавшихъ церкви и палаты въ Москвѣ и въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ.

Кромѣ синодика, писаннаго въ началѣ XVIII вѣка, и нѣсколькихъ древнихъ образо̀въ, записанныхъ неискусною кистью иконника, нѣтъ другихъ памятниковъ въ этомъ храмѣ, кои указали бы намъ

его достопамятности, время его сооруженія, его строителей и вкладчиковъ. Еще въ 1850 г. существовала на стѣнѣ надпись о построеніи его Иваномъ Хабаровымъ, но и та изглажена.

Въ рукописной Псалтыри Троице-Сергіевой лавры, № 30, сохранилось извѣстіе, что: «Лѣта 7055 (1547) поставленъ храмъ каменъ на подолѣ Введенія Пресвятыя Богородицы, а ставилъ его Иванъ Хабаровъ». И такъ храмъ этотъ сооруженъ въ годину истребленія Москвы пожаромъ, въ эпоху казней, однимъ изъ тѣхъ бояръ, которые подверглись гоненію подозрительнаго царя Іоанна Васильевича и искали себѣ послѣдняго убѣжища въ монастыряхъ подъ черною мантіей инока. Этого Хабарова Курбскій называетъ «мужемъ искуснымъ въ книжномъ разумѣ, мало радѣвшимъ о своихъ сокровищахъ и утѣшавшимся благочестіемъ», а царь Іоаннъ Васильевичъ именуетъ его въ посланіи своемъ Кириллобѣлозерскому игумену, «дуракомъ и упиремъ». «Хабаровъ» — пишетъ царственный ревнитель иноческаго житія — «велитъ мнѣ себя переводить въ иной монастырь; и азъ ему не ходатай скверному житію; какъ себѣ хочетъ, такъ и дуруетъ». Такъ противорѣчатъ одно другому свидѣтельства современниковъ о храмоздателѣ! Въ Кирилловѣ монастырѣ опальный Иванъ Хабаровъ постриженъ былъ подъ именемъ Іоасафа. По свидѣтельству Курбскаго, онъ съ единочаднымъ сыномъ былъ умерщвленъ, а имѣніе его взято въ казну.

Что же касается до Введенской церкви, то она здѣсь уже существовала въ концѣ XV столѣтія, какъ видно изъ обиходнаго устава Троицкой лавры, писаннаго при великихъ князьяхъ, начала XVI вѣка, гдѣ сказано: «въ недѣлю сырную ходитъ игуменъ (Троицкій) ко Введенію на подолъ и дѣлитъ нищихъ по двѣ мѣры меду бѣлаго, да по двѣ мѣры пива обычнаго». Неизвѣстно, когда именно здѣсь основанъ монастырь, но объ немъ упоминается въ царскихъ грамотахъ 1549 и 1586 годовъ. Такъ въ послѣдней сказано о поминовеніи царя Іоанна Васильевича: «а на Подолѣ въ монастырѣ по тому же, какъ и въ лаврѣ, панихиды, обѣдни, кормы и милостыня дважды въ году; а на дву памятехъ раздати по пяти рублевъ, или по колько пригоже, или больше». Подобнымъ образомъ и другіе завѣщевали поминать себя во Подольномъ монастырѣ. Троицкій старецъ Тихонъ Чашниковъ 7105 (1597) года въ изустной памяти заповѣдалъ «дать на Подольной монастырь по алтыну «на брата».

Въ письменныхъ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ сей монастырь назывался по своему мѣстоположенію, *дольнымъ, подольнымъ, нижнимъ*, а по престоламъ *Введенскимъ* и *Пятницкимъ*. Далѣе увидимъ, что онъ временно былъ то мужскимъ, то женскимъ.

Рядомъ стоящая съ этою церковью, Пятницкая, представляетъ разительное отличіе отъ первой своимъ стилемъ византійско-русскимъ. Это низменное и тяжелое зданіе состоитъ изъ квадрата, увѣнчаннаго одною главой и примыкающей къ ней трапезы съ шатровою колокольнею на аркахъ, которая ниже самой церкви, по принятому обычаю строенія храмовъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Стѣны ея, раздѣленныя каждая четырьмя широкими лопатками, носятъ на себѣ признаки разновременныхъ передѣлокъ: тамъ дверь, тутъ окно задѣланы, здѣсь дверь замѣнена окномъ. На каждой сторонѣ, вверху стѣнъ по три впадины въ видѣ теремковъ, назначенныя для церковной стѣнописи; подъ карнизомъ вытяжной поясъ, составляющій общій архитравъ съ мелкими теремками въ видѣ ячеекъ. Надъ стѣнными окнами мавританскіе сандрики. Въ южной стѣнѣ вставлены надгробные камни не старѣе половины XVIII вѣка; они указываютъ могилы погребенныхъ здѣсь прихожанъ этой церкви, по большей части приказныхъ. На погостѣ же похоронены иноки и инокини сей обители.

Входъ въ церковь только одинъ съ запада; онъ украшенъ узорочнымъ архивольтомъ на импостахъ и столбикахъ съ перелмами въ видѣ кувшиновъ. Всѣ сіи орнаменты изъ лекальнаго кирпича. Внутренность церкви состоитъ изъ трапезы съ придѣломъ въ честь св. Михаила архангела и храма во имя св. великомученицы Параскевы, нареченныя Пятницы. Въ одной своды коробовые, въ другой стрѣльчатый, а въ южной стѣнѣ замѣтна закладенная арка. Алтарные иконостасы новаго стиля; въ нихъ находятся образа не старѣе XVII вѣка, и тѣ, большею частію, записанные; эта церковь возобновлена была при митрополитѣ Платонѣ. Въ ризницѣ сохранилась рукописная, уставная, на бумагѣ, XVII вѣка, въ листъ, служба и житіе св. мученицы Параскевы съ крюковыми нотами и миніатюрнымъ ея изображеніемъ. По листамъ читаемъ слѣдующую подпись: «Сия книга житие святыя мученицы Параскевіи Пятницы, что в долномъ монастырѣ, дал вкладом Троицкаго Сергіева монастыря служней слободы Рожественской диакон Іоаннъ Трофимовъ по своихъ родителехъ при священнике Исаіи Васильеве, 1701 года, октября въ 1 день». Въ синодикъ Пятницкой церкви внесены роды преподобныхъ Сергія и Никона, всѣ десять патріарховъ московскихъ, цари отъ Іоанна Васильевича до Петра I; но родъ Хабаровыхъ пропущенъ. При исчисленіи другихъ родовъ показаны и вклады ихъ въ Введенскую и Пятницкую церкви, между прочимъ, что на храмовыхъ образахъ были жемчужныя ожерелья, въ ризницѣ потиръ серебряный золоченый, Евангеліе, обложенное серебромъ, покровы бархатные и убрусъ, низанные жемчугомъ, ризы камка червчата нѣмецкая, оплечье участковое золотное и пр.

О времени сооруженія Пятницкой церкви гласитъ намъ вышеприведенная Псалтырь слѣдующее: «того же лѣта, т.-е. 7055 (1547) поставили церковь каменну на подолѣ Пятницу Великую монастыремъ и хрістолюбцы сдавали». Какъ издревле многія св. обители на Руси давали пріютъ убогимъ и престарѣлымъ, то и Подольный монастырь при Троицкой лаврѣ имѣлъ подобное назначеніе, потому что къ дѣламъ человѣколюбія направляемы были монастыри не только церковною, но и государственною властью. Въ Судебникѣ царь Іоаннъ Васильевичъ назначалъ жить по монастырямъ нищимъ. Такимъ образомъ призрѣніе убогихъ и недужныхъ составляло предметъ дѣятельности монашества; подвиги благочестія неразлучны были съ попечительностью о страждущемъ человѣчествѣ.

Хотя эта укромная и убогая обитель не столь знаменита, какъ другія, и хотя лѣтописи мало представляютъ намъ свѣдѣній объ ней, но, по своему значенію въ іерархіи, по отношенію къ Троицко-Сергіеву монастырю и по участію въ его судьбахъ, она достойна вниманія. Встрѣчая воспоминанія объ этой обители сколько въ грамотахъ и въ Сказаніи Авраамія Палицына, а болѣе въ рукописяхъ Московской духовной академіи (изъ коихъ выписки сообщены намъ отъ профессора А. В. Горскаго), мы передадимъ читателямъ нашимъ историческій изъ нихъ перечень въ дополненіе къ описанію нашему зданій этого дольнаго, или, лучше сказать, межигорскаго монастыря.

Съ начала XVII вѣка изрѣдка упоминается въ грамотахъ о существованіи Подольнаго монастыря; въ польское нашествіе онъ является страждущимъ. Во время осады Троицкаго монастыря 1606 г. осажденные дѣлали вылазки и бились съ врагами у стѣнъ Пятницкаго Подольнаго монастыря, противъ коего непріятели вели подкопъ изъ подгорья къ Краснымъ, нынѣ Святымъ, воротамъ лавры. Тогда Пятницкая обитель была подъ выстрѣлами и въ рукахъ у поляковъ; деревянныя ея строенія, ограда и кельи были сожжены, церкви разграблены непріятелемъ и обезображены пожаромъ, такъ что верхъ храмовъ былъ разломанъ и *стороны* развалились. По указу патріарха Филарета, 1621 года, обѣ церкви возобновлены и освящены троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ, прославленнымъ своими страданіями и ревностію по вѣрѣ и благочестію. Это подтвердитъ намъ слѣдующая грамота, выписанная изъ свитковъ лаврскаго архива, № 22: «Божіею милостію, азъ смиренный, великій государь святѣйшій Филаретъ, патріархъ Московскій и всея Руси. Били намъ челомъ Живоначальные Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Діонисій да казначей Моисей съ братією, а сказали: прежде литовскихъ людей войны былъ у Живоначальные Троицы *другой монастырь, Подольной.* А въ немъ церковь — Введеніе Пречистыя Богородицы, да *теплая церковь* во имя великія Христовы мученицы Параскевіи, нареченныя Пятницы, каменные храмы. А *жили* де въ томъ монастырѣ *братія.* И какъ де стояли подъ Троицкимъ монастыремъ *литовскіе люди,* Сапега да Лисовской съ товарищи, а въ томъ де монастырѣ Божіе милосердіе — *церкви разорили,* и престолы ободрали, и ограду и кельи пожгли. И вскорѣ де послѣ осады, *въ* 119 (1611) *году,* теплую *церковь* великія Христовы мученицы Параскевѣи, нареченныя *Пятницы, подѣлали и освятили.* И съ тѣхъ де мѣстъ въ ней служатъ. А большая де церковь, Введеніе Пречистые Богородицы и по ся мѣстъ стоитъ нестроена, пѣнія въ ней нѣтъ, верхъ разломанъ и стороны развалилися, и престолъ разоренъ. И нынѣ де по государеву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу и по нашему благословенію, въ томъ монастырѣ почали *братія* кельи ставити и на ограду лѣсъ готовити. И намъ бы ихъ благословити, велѣти имъ на тое церковь Введеніе Пресвятыя Богородицы на подѣлку камень и кирпичь, и известь, и связи готовити и ту церковь сдѣлати и освятити. И азъ смиренный великій государь, святѣйшій Филаретъ, патріархъ Московскій и всея Русіи, того Троицкаго Сергіева монастыря архимандрита Діонисія да казначея Моисея съ братією благословилъ, на тотъ храмъ Введеніе Пречистыя Богородицы изготовя камень, и кирпичь, и известь и тое церковь Введеніе Пресвятыя Богородицы дѣлать, и на тотъ храмъ велѣлъ антиминсъ дать, и освящать ему архимандриту Діонисію, по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7129, августа 21 дня».

Со времени патріарха Филарета, обновителя этихъ церквей, онѣ сохранились донынѣ въ прежнемъ своемъ видѣ, но уже какъ приходскія, а не монастырскія.

Впродолженіи осады поляками Троицкаго монастыря, въ Подольной обители, по свидѣтельству лаврскаго синодика, № 6, въ 4, погибло братіи, слугъ и всякихъ монастырскихъ служебниковъ 22 человѣка. Но и послѣ осады монастырь этотъ не былъ упраздненъ; ибо изъ вкладной книги XVII вѣка значится, что св. архимандритъ Діонисій, 1614 года, далъ вкладу денегъ 10 рублей и «за тотъ вкладъ на Подольномъ монастырѣ постригли сестру его». Изъ описи, произведенной по царскому указу 1641 и 42 годовъ, открывается намъ устройство и обиходъ сего монастыря: «Въ монастырѣ въ кельи живутъ игуменъ Елеазаръ да черной священникъ Варлаамъ, и та келья строеніе монастырское. Да въ монастырѣ 13 келій; живутъ въ нихъ старицы, а строенье ихъ же, старицъ. Монастырь огороженъ заборомъ. По сторонѣ Пятницкаго монастыря колодезь чудотворца Сергія, выкладенъ бѣлымъ камнемъ; надъ нимъ шатеръ, покрытъ тесомъ, на шатрѣ крестъ. Да около Подольнаго монастыря огородъ большого

Троицкаго монастыря. Выше Подольнаго монастыря прудъ Пятницкій, прудъ Келарный, прудъ Клементьевскій да пониже Подольнаго монастыря прудъ».

Въ уставѣ Троицко-Сергіевой обители XVII вѣка значится, что въ Подольномъ монастырѣ на праздникъ св. великомученицы Параскевы Пятницы «поютъ вечерню большую съ литіею; архимандритъ ходитъ съ братіей къ вечернѣ и ко обѣднѣ». Обитель сія ознаменована была новоявленными чудесами преподобнаго Сергія въ XVII вѣкѣ, какъ упомянуто въ описаніи ихъ, принадлежащемъ библіотекѣ Московской духовной академіи: исцѣленіе жены монастырскаго слуги, Наталіи, постригшейся потомъ въ Пятницкомъ дѣвичьемъ дольномъ монастырѣ, разслабленной инокины Ѳеодосіи, «ту сущи близь монастыря чудотворца Сергія, подъ горою, у Пречистыя Богородицы честнаго ея Введенія и мученицы Христовы Параскевіи 7160 года».

До 1681 года монастырь былъ уже упраздненъ, и ему дано совсѣмъ другое назначеніе соборнымъ постановленіемъ 1684 года; онъ обращенъ въ мѣсто заточенія и исправленія, какъ показываютъ слова собора: «А которые чернцы въ монастырѣхъ не живутъ въ послушаніи и безчинно живутъ на Москвѣ и въ городѣхъ, ходятъ по кабакамъ и по корчмамъ и по мірскимъ домамъ, упиваются допьяна и валяются по улицамъ, и на такихъ безчинниковъ, великаго государя повелѣніемъ и святѣйшаго патріарха благословеніемъ, Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря властямъ построить прежде бывшій Пятницкій монастырь, оградить стоячимъ высокимъ тыномъ, и построить четыре кельи съ сѣньми, по монастырскому чину, и такихъ безчинниковъ въ тотъ монастырь съ Москвы ссылать». См. *Акты историч.* V, 113.

Но и въ этомъ монастырѣ не были терпимы безпокойныя старицы, какъ мы видимъ изъ слѣдующаго столбца, который мы здѣсь вполнѣ выписываемъ: «Отъ государя царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича всеа великія и малыя Росіи въ Ростовъ богомольцу нашему Іонѣ митрополиту Ростовскому и Ярославскому указали есмя Пятницкаго дѣвича монастыря, что подъ Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ старицу Мавру Ларіонову за ее затѣйные и безчинные слова сослать въ Ростовъ (подъ началъ) и какъ тебѣ сія наша грамота пріидетъ, а старицу Мавру въ Ростовъ привезутъ и ты-бъ тое старицу Мавру велѣлъ отослать въ дѣвичь монастырь, въ которой пригоже и велѣлъ (ее держать подъ крѣпкимъ карауломъ) ей въ томъ монастырѣ быть до нашего указа и къ церквѣ къ пѣнію приходить, а безчинныхъ и неистовыхъ и затѣйныхъ словъ говорить ей ничего не велѣть, а будетъ она разные затѣйные слова учнетъ говорить и ты-бъ тѣхъ ея затѣйныхъ рѣчей слушать не давалъ. Писанъ на нашемъ стану въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ лѣта 7162 (1654) августа въ 28 день». На оборотѣ: «Въ Ростовъ, богомольцу нашему Іонѣ митрополиту Ростовскому и Ярославскому»[1]).

Хотя впослѣдствіи церкви сего монастыря обращены въ приходскія, но онѣ слыли и писались еще въ 1701 году Подольнымъ монастыремъ, какъ замѣтили мы въ подписи на рукописномъ житіи св. Параскевы Пятницы, принадлежащемъ означеннымъ церквамъ.

Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ обнаруживается, что временно этотъ монастырь былъ киновіею, гдѣ подъ начальствомъ игумена жили старцы и старицы. Во вкладной книгѣ Троицкой лавры подъ 1611 г. упоминаются игумены Иринархъ 1611 года, а 1641 г. Елеазаръ, когда этотъ монастырь именовался *дѣвичьимъ*.

Грамота в. кн. Василія Іоанновича намъ показываетъ, что въ Покровскомъ монастырѣ на Хотьковѣ считалось семнадцать старцевъ и старицъ, а впослѣдствіи остались однѣ старицы; посему вѣроятно и въ Пятницкомъ монастырѣ, по примѣру другихъ киновій въ Россіи, временно пребывали старцы со старицами; потомъ одни старцы — *братія,* на коихъ указываетъ грамота Филарета; а въ началѣ XVII столѣтія онъ уже именовался *Пятницкимъ дѣвичьимъ*. Примѣры тому находимъ въ посланіяхъ святителей и въ соборныхъ опредѣленіяхъ, кои возстаютъ противъ такого устройства въ иноческихъ обителяхъ. Св. митрополитъ Фотій въ 1410 году писалъ новгородцамъ: «А въ которомъ монастырѣ и черьнци, туто бы черницы не были, но черьнци бы жили себѣ въ монастыри, а черницы бы себѣ во опришномъ монастыри». Но изъ соборнаго опредѣленія 1503 и 1504 гг. видно, что обычай этотъ на Руси еще не прекратился, и въ XVI вѣкѣ въ монастыряхъ жили въ одномъ мѣстѣ чернцы и черницы, а служили и управляли у нихъ игумены. Какъ этимъ опредѣленіемъ, такъ равно и Стоглавымъ соборомъ воспрещены подобныя киновіи. Это самое испыталъ и Пятницкій Подольный монастырь, который былъ то общимъ, то мужскимъ, то женскимъ. По упраздненіи его, монахини изъ него переведены были въ Хотьковъ монастырь.

Отъ перваго заимствовали свое названіе сосѣдственная съ нимъ Пятницкая башня съ каменнымъ мѣшкомъ внутри и Пятницкая гора, иначе Красная.

---

[1]) Арх. моск. ор. палаты 162 г. 2 раз. ст. № 27.

СЕЛО ДЕУЛИНО.

Въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Троицкой Сергіевой лавры, на старой Углицкой дорогѣ, стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ небольшое село казеннаго вѣдомства Деулино или Девулино, прежде монастырское, нынѣ удѣльное. Самое названіе его свидѣтельствуетъ о его древности и, вѣроятно, о *делюяхъ,* особеннаго рода наймитахъ, коимъ давались земли съ обязательствомъ платить господину оброкъ. По свойственному русскому языку перестановкѣ словъ въ слогахъ, изъ делюевъ легко могло выйти Делюино, потомъ Деулино. Такіе делюи, какъ видно изъ духовнаго завѣщанія князя Владиміра Андреевича[1], жили, подобно барашамъ и бортникамъ, на землѣ этого князя, которому принадлежала и Радоженская волость. Деулино приписано къ Дмитровскому округу и къ Клементьевской, нынѣ Морозовской, волости, и, подобно Радонежу-городку, заключается въ Радонежской десятинѣ. Оно не можетъ похвалиться ни живописностью мѣстоположенія, ни многолюдствомъ и промышленностью своихъ жителей; но въ исторіи и народномъ преданіи достопамятно и славно заключеннымъ здѣсь въ 1618 году миромъ между Россіею и Польшею, который извѣстенъ подъ именемъ *Деулинскаго.* Этому миру предшествовало ляхолѣтье, или такъ называемая *московская розруха:* долго поляки съ литовцами и съ русскими измѣнниками-ворами терзали землю русскую; города и села были опустошаемы, жители ихъ испытывали всѣ ужасы и бѣдствія войны. Древняя столица Россіи и окрестные города были въ рукахъ у поляковъ; одна только Сергіева обитель, устоявъ противъ сильнаго напора многочисленныхъ враговъ, сдѣлалась опорою потрясенной Россіи. Русскія дружины, охрабренныя келаремъ Троицкаго монастыря Палицынымъ, во имя Сергія смяли и обратили въ бѣгство буйныя полчища поляко-литовцевъ. Въ избраніи Михаила Романова на сиротѣвшій престолъ 1613 г. Россія нашла себѣ спасеніе и отраду; но Сигизмундъ III и сынъ его Владиславъ еще не переставали домогаться этого престола и держали въ позорномъ и тяжкомъ плѣну родителя Михаилова Филарета Никитича. Королевичъ Владиславъ, соревновавшій отцу своему, собравъ новыя полчища, устремился съ ними на Россію. Не успѣвъ взять ни Москвы, ни Сергіевой обители, онъ вынужденъ былъ вступить въ мирные переговоры съ русскими.

Съѣздъ уполномоченныхъ съ той и другой стороны назначенъ былъ въ концѣ 1619 года не въ монастырѣ, а въ монастырской деревнѣ Деулинѣ, между Троицкимъ монастыремъ и польскими таборами, безъ сомнѣнія потому что, русскіе не хотѣли обнаружить врагамъ положеніе монастыря послѣ двухъ осадъ. Въ Деулино троекратно съѣзжались послы польскіе: бискупъ Каменскій Константинъ и канцлеръ Сапѣга со свитою и русскіе уполномоченные: Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь Даніилъ Ивановичъ Мезецкій и окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ съ московскими дворянами и стряпчими. Два первые съѣзда ничего не рѣшили и кончились спорами и прекословіями. Надежда на миръ уже терялась; но русскіе уполномоченные съ Троицкими иноками прибѣгли съ молитвою къ преподобному Сергію о прекращеніи войны миромъ[2]. Вѣра молитвенниковъ оправдалась. Сверхъ чаянія, поляки сами призвали русскихъ уполномоченныхъ, и 1 декабря, на память св. Филарета милостиваго, заключенъ былъ полезный для изнуренной Россіи миръ или, лучше сказать, перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ; этотъ миръ положилъ конецъ опустошительной и кровопролитной войнѣ, заставилъ Владислава отречься отъ его притязаній на всероссійскій престолъ, признать Михаила Романова законнымъ царемъ, а родителю его Филарету возвратить свободу. «Деулинскій договоръ», замѣчаетъ Карамзинъ, «былъ послѣднимъ дѣйствіемъ трагедіи, которую поляки играли въ нашемъ отечествѣ»[3]. Съ того времени Деулино стало называться *мирнымъ*[4], а преподобный Сергій *миротворцемъ.*

Въ Деулинѣ не сохранилось никакого памятника бѣдственной войны и отраднаго мира съ поляками, кромѣ остатка земляныхъ укрѣпленій, осмотрѣнныхъ нашими исторіографами Миллеромъ и Карамзинымъ, кромѣ деревянной церкви во имя преподобнаго Сергія миротворца[5], и каменной часовни.

---

[1] *Карамз.* И. Г. Р. V, пр. 116 и 210. [2] Истор. описаніе Свято Троицкія Сергіевы лавры. М. 1852, въ 8. [3] *Карамзина* сочиненія. М. 1814, т. XI, 325 и 26. [4] Писцовыя книги 1623 и 24 г. [5] Словарь географич. Россійскаго государства. М. 1804 г. т. II.

Церковь, сооруженная тамъ св. архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря Діонисіемъ, сгорѣла до основанія 15 іюня 1865 г., она была достойна вниманія не только въ историческомъ, но даже и въ археологическомъ отношеніи, а потому и представляемъ описаніе ея, сдѣланное на мѣстѣ въ 1860 г.

Въ этомъ строеніи, кромѣ двухъ-вѣковой давности, замѣчательны были матеріалъ, окладъ, или планъ, фасадъ и стиль.

Вся связь состояла изъ храма съ прирубнымъ алтаремъ на востокъ и изъ трапезы на западъ, къ коей пристроенъ былъ небольшой притворъ, или паперть, и колокольня. Храмъ выше трапезы нѣсколькими вѣнцами; они срублены изъ сосноваго матераго лѣса, 8 вершковъ въ отрубѣ. Бревна плотно притесаны безъ моху и пакли. Алтарь былъ срубленъ въ лапу, а трапеза и храмъ въ присѣкъ. Въ первомъ — стѣна изъ тесанныхъ со внутренней стороны бревенъ, подобно храму, а въ другой — изъ круглыхъ; стѣны извнѣ обшиты тесомъ. Кровля на квадратѣ церкви и на трапезѣ крутая, двускатная, крытая тесомъ, вмѣсто прежняго гонта, на алтарѣ шатровая, надъ коей возвышается глава съ четвероконечнымъ крестомъ на осьмигранномъ трибунѣ съ развалом.

Внутренность церкви замѣчательна была по устройству своему и по нѣкоторымъ памятникамъ древности и старины русской. Она въ два свѣта и освѣщалась четырьмя косящетыми окнами съ прямыми перемычками. Согласно съ чиноположеніемъ, полъ постепенно возвышался: въ храмѣ на одну ступень предъ трапезой, а въ алтарѣ, — на двѣ ступени предъ храмомъ. Въ трапезѣ пять оконъ, кои прежде были здѣсь, равно и въ храмѣ и въ алтарѣ, волоковыя, а теперь красныя косящетыя. У южной и сѣверной стѣны для отдохновенія устроены были деревянныя лавки съ подзорной рѣзьбой, на правой сторонѣ для мужчинъ, на лѣвой для женщинъ. Къ восточной стѣнѣ, надъ входомъ, приставленъ былъ старинный, семи пядей, образъ архангела Михаила на огневидномъ конѣ, подъ ногами его пораженный діаволъ. Въ храмѣ были однѣ только сѣверныя двери, въ кои, по чиноположенію, на утрени Свѣтлаго Воскресенія исходитъ настоятель на литію въ притворъ[6]. Длиною былъ храмъ, отъ царскихъ дверей до трапезы — 9, а шириною 8 арш., трапеза же длиною 9 арш. 11 вершк., шириною 10 аршинъ.

Въ алтарномъ иконостасѣ представляется соединеніе древнихъ тяблъ и образовъ съ позднѣйшими. Онъ состоялъ изъ пяти поясовъ и во многомъ сходенъ съ иконостасомъ Троицкаго собора въ Троицкой лаврѣ. Мѣстныя иконы: Пресвятой Троицы, Тихвинскія Богоматери, Распятія Господня, Кіево-печерской Богоматери съ предстоящими Ей въ моленіи московскими святителями Петромъ и Алексіемъ и съ припавшими къ стопамъ Ея преподобными: соименнымъ царю Михаилу Ѳеодоровичу Михаиломъ Малеиномъ и священномученикомъ Ѳеофиломъ, наконецъ, преподобнаго Сергія, въ честь коего сооруженъ былъ этотъ храмъ. Рамки и подзоры мѣстныхъ образовъ покрыты были разцвѣченною слюдой, а сверхъ ея — мѣдными крестиками и травами. Въ четырехъ поясахъ образа́ монастырскаго письма. Царскія двери были деревянныя посеребренныя, съ шестью клеймами и съ рѣзными коймами по окраинамъ, принадлежащія XVIII столѣтію. Въ алтарной преградѣ сѣверная дверь одна, какъ въ храмѣ. Самый алтарь о пяти стѣнкахъ, длиною и шириною 6 аршинъ 14 вершк. На горнемъ мѣстѣ и по обѣ его стороны устроены были вдоль стѣны деревянныя лавки съ подзорною рѣзьбой и на нихъ утвержденъ по лѣвую сторону отъ престола жертвенникъ у волоковаго окна; другія два косящетыя окна красныя. Выносный подсвѣчникъ деревянный, красиво выточенный и раскрашенный, выш. 1 арш. и 8½ вершковъ; онъ современенъ сооруженію самой церкви. Изъ старинныхъ утварей здѣсь находились одни оловянные сосуды съ черневымъ изображеніемъ на чашѣ Деисуса. На современномъ же построенію церкви холщевомъ антиминсѣ была слѣдующая надпись: «Освятися олтарь Господа нашего Іисуса Христа в церкви преподобнаго отца нашего Сергия чюдотворца, при державѣ государя царя і великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руси и святейшемъ Ѳиларете патріархе московскомъ всея Руси, Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря архимандрітомъ Дионисиемъ, лѣта семь тысящь сто двадесять осмаго (1620 г.), индикта 3».

Церковь эта принадлежала къ числу весьма немногихъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, какъ напр. смежная съ нею въ Геѳсиманскомъ скиту и др. Она достопримѣчательна была какъ памятникъ народнаго нашего зодчества и знаменитаго событія въ годину скорби и страданій русской земли. Достопамятно, что сію церковь благословилъ строить, вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ польскаго плѣна, Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, котораго жребій былъ рѣшенъ въ Деулинѣ, а построилъ невинный страдалецъ за правду, высокій смиреніемъ и подвигами вѣры и благочестія, Діонисій, архимандритъ Троицкій, оправданный патріархомъ Іерусалимскимъ Ѳеофаномъ, который рукоположилъ Филарета въ патріарха Московскаго.

[6] Послѣдованіе на день св. Пасхи. М. 1845, въ 8

СЕЛО ИЗМАЙЛОВО.

Родовая вотчина Романовыхъ, подмосковное дворцовое село Измайлово нѣкогда славилось увеселительною дачей, или, лучше сказать, образцовою усадьбой у русскихъ царей. Этотъ лѣтній пріютъ служилъ мѣстопребываніемъ ихъ двора; государевы тамъ палаты окружены были рыбными прудами, плодовыми и зоологическими садами, аптекарскими огородами и другими хозяйственными заведеніями. Въ этомъ привольѣ царь, какъ помѣщикъ-хозяинъ, поощрялъ земледѣліе, садоводство, пчеловодство и шелководство; у него дѣлались опыты мануфактурности, были чугунный и стекляный заводы, послѣднимъ управляли итальянцы Миньотъ и Францъ Карповъ Насте; словомъ, здѣсь былъ разсадникъ многихъ нововведеній сельскаго хозяйства, которыя впослѣдствіи привились къ Россіи. Такіе опыты производились на маломъ пространствѣ, предъ глазами самого государя. Смѣняя пользу удовольствіемъ, здѣсь цари тѣшились соколиною и звѣриною охотой, рыбною ловлей; Петръ I, какъ увидимъ далѣе, на Измайловскихъ лугахъ стоялъ шатрами и занимался маневрами. Въ царскія хоромы имѣли доступъ даже театральное искусство, музыка и пѣніе. Здѣсь цари принимали и угощали иностранныхъ посланниковъ. Такъ бывало тамъ въ старые годы; даже по перенесеніи столицы изъ Москвы въ Петербургъ, Петръ II, хотѣлъ привести заброшенное Измайлово въ прежній видъ, нѣсколько поддерживала его императрица Анна Іоанновна; но впослѣдствіи оно утратило прежнее свое значеніе и знаменитость; дворецъ въ немъ обветшалъ и былъ сломанъ, дворцовая церковь повреждена молніею, жилье придворныхъ служителей, медоварни, пивоварни и приспѣшни съ дымницами обвалились, сады и огороды заглохли, пруды пересохли, житницы и звѣринцы опустѣли, наконецъ оно представляло видъ разрушенія, однѣ развалины, заросшія бурьяномъ и полынью.

Но съ основаніемъ въ Измайловѣ Николаевской военной богадѣльни на мѣстѣ царскихъ палатъ, это дворцовое село получило новое значеніе и новую извѣстность, какъ величественный памятникъ милосердія, ознаменовавшій царствованія Александра I, Николая I и Александра II.

Измайлово, изстари принадлежавшее къ Васильцову стану, упоминается въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ и въ 1573 г. находилось въ вотчинѣ Никиты Романовича Юрьева. Въ 1609 году «государевы люди противъ воровскихъ людей въ Измайловѣ поставили острогъ, котораго послѣдніе не давали поставить; но Божіею милостію и государевымъ счастьемъ государевъ ближній пріятель, князь Дмитрій Шуйскій тѣхъ воровъ побилъ, и живыхъ лучшихъ пановъ поймали болѣе 300 человѣкъ»[1]. Въ патріаршихъ приходныхъ книгахъ 1623 г. оно уже называется вотчиною боярина Ивана Никитича Романова. Въ Дозорной книгѣ 7180 (1672) года (въ Арх. мин. юст.) читаемъ: «За бояриномъ за Иваномъ Никитичемъ Романовымъ *старинная* отца его вотчина село Измайлово на рѣчкѣ на Фобкѣ, а Измайловка тожъ». Сынъ этого Ивана, Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ, дѣдъ Петра I, по свидѣтельству современнаго ему писателя, былъ «мужъ къ честнымъ искусствамъ доброхотный». Владѣтель вотчинной земли села Измайлова Михаила Никитичъ Юрьевъ въ 1672 году велѣлъ размѣнять ее съ монастырской вотчиной Алексія чудотворцева монастыря Черкизовымъ[2]. Потомъ Измайлово встрѣчается въ дѣлахъ подъ именемъ *Дворцоваго царскаго села;* въ немъ находился дворецъ царя Алексѣя Михайловича; въ 1681 г. при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ этотъ дворецъ былъ перестроенъ; по смерти царя Ивана Алексѣевича дворецъ поступилъ въ собственность его супруги царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Въ 1701 г. построенъ былъ новый корпусъ для царевенъ, называвшійся потомъ царевнинымъ. Въ 1765 г. дворецъ за ветхостію разобранъ[3].

Изъ памяти, данной села Измайлова путному ключнику Устину Зеленому, видно: «что царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ Московскаго уѣзду въ наши великаго государя дворцовыя села путному ключнику Устину Зеленому, въ прошломъ 184 (1676) года февраля въ 11 день по нашему великаго государя указу велѣно въ Московскомъ

[1] См. Акты археограф. экспедиціи. II. № 147.
[2] Грамота 71, въ государственномъ архивѣ при Сенатѣ.
[3] См. Истор. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст., вып. 5, стр. 44. В. и Г. Холмогоровыхъ

уѣздѣ село Измайлово съ приселки и деревнями, которое вѣдомо было въ приказѣ Тайныхъ дѣлъ, вѣдать въ приказѣ Большаго Дворца» [4]. Крестьяне измайловскіе, по большей части, переселены изъ царскихъ вотчинъ разныхъ областей Россіи, какъ показываетъ самое названіе слободъ, изъ которыхъ состоитъ село, именно: Калгановская, Хохловка, Панская, Звѣриная, Колдомка и Аламовка.

Признавая земледѣліе кореннымъ богатствомъ Россіи, Никита Ивановичъ Романовъ и вѣнценосные его потомки завели въ Измайловѣ образцовый хуторъ, гдѣ сѣялся разнаго рода хлѣбъ русскій и чужестранный. Здѣсь найденъ Петромъ I въ одномъ изъ сараевъ извѣстный ботикъ, *Дѣдушка русскаго флота.*

При царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ Измайловѣ построенъ на островѣ обширный зáмокъ, разведены плодовые сады и аптекарскіе огороды, впослѣдствіи тамъ насажена роща на 115 десятинахъ, ягодникъ, что у рощи подлѣ Волчья двора, выкопаны двадцать прудовъ на рѣчкахъ Измайловкѣ и Пехоркѣ и малые прудки, поставлены мельницы съ плотинами: Просянскою, Лебедевскою, Виноградною, Ждановскою и Косинскою. Семь мукомольныхъ мельницъ. Всѣмъ хозяйствомъ въ Измайловѣ завѣдывалъ путный клюшникъ Иванъ Протопоповъ, который отдавалъ подробный отчетъ самому государю, какъ помѣщику.

Это хозяйственное заведеніе русскихъ царей такъ описываютъ въ донесеніи своемъ послы отъ польскаго короля Михаила Вишневецкаго, 27 января 1672 года [5]:

«Подъѣзжая къ подмосковному селу Измайлову, мы увидѣли церковь съ дворцовымъ строеніемъ о трехъ кровляхъ; противъ дворца каменное большое гумно царское, весьма хорошо устроенное, и разный хлѣбъ въ скирдахъ, тщательно уровненный. Насъ встрѣтилъ приказчикъ и, зазвавъ къ себѣ въ домъ, подчевалъ разными сластями и водкой; потомъ повелъ насъ черезъ каменную плотину къ каменной же о четырехъ поставахъ мельницѣ, у коей, вмѣсто сѣней, сдѣланъ навѣсъ, а вмѣсто стѣнъ, створчатыя по обѣимъ сторонамъ рѣшетки, откуда сходятъ прямо въ поле по скату, обведенному поручнями. Намъ показали нѣсколько десятковъ житницъ, наполненныхъ разнымъ хлѣбомъ: онѣ построены одна подлѣ другой и окопаны канавами; возлѣ тѣхъ житницъ стояла еще каменная мельница, а нѣсколько подальше, близъ рощи, виденъ особый дворъ для мытья льну; въ сторонѣ — звѣринецъ. Послѣ того заходили мы на стеклянный заводъ и осматривали дѣлаемую тамъ стеклянную посуду». Таково было положеніе Измайлова, по описанію чужестранцевъ, въ годъ рожденія Петра I.

Какъ звѣринцы въ Измайловѣ славились многими, тогда еще весьма рѣдкими и диковинными предметами изъ царства животныхъ, равно и сады и огороды его — аптекарскими и хозяйственными растеніями. Вдоль по берегу рѣчки Серебрянки, или Серебровки, противъ деревяннаго дворца, простирался на 33 сажени *регулярный садъ*, отъ котораго и теперь остались еще слѣдами — кустарники шиповника, барбариса, крыжовника, сирени и разныхъ цвѣтовъ. Позади дворца, на сѣверной сторонѣ, за прудомъ, насажденъ былъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ *виноградный садъ* на пространствѣ версты, гдѣ разводились виноградныя лозы, также росли разныхъ сортовъ яблони, груши, дули, сливы, вишни и другія иностранныя деревья. Еще и до сихъ поръ здѣсь уцѣлѣли аллеи двухвѣковыхъ липъ, саженыхъ, по преданію, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, подъ тѣнью коихъ любилъ гулять въ юности своей Петръ I съ своими наставниками и Петръ II съ своими любимцами. Впослѣдствіи здѣсь былъ воксалъ, гдѣ давались блистательныя собранія [6].

Измайловскіе сады служили разсадниками для другихъ садовъ въ Россіи; изъ нихъ плоды доставляемы были для государева двора, а врачебныя травы и коренья посылались въ Аптекарскій приказъ; остальное поступало въ продажу. Въ 1703 году Петръ I изъ Шлиссельбурга писалъ къ Стрѣшневу: «Изъ села Измайлова послать осенью въ Азовъ коренья всякихъ зелій, а особливо клубнишнаго, и двухъ садовниковъ, дабы тамъ оныя размножить». Въ 1704 году царь повелѣлъ ему же: «прислать въ С.-Петербургъ, не пропустя времени, всякихъ цвѣтовъ изъ Измайлова, а больше тѣхъ, кои пахнутъ». Аптекарскій садъ близъ Сухаревой башни, на Балканѣ, разведенъ, большею частію, изъ Измайловскаго. Такими садами завѣдывалъ въ Аптекарскомъ приказѣ архіатеръ Робертъ Карлусовъ Арескинъ съ товарищи [7].

Дѣла Патріаршаго приказа 1632 года упоминаютъ о церкви во имя св. Николая чудотворца въ селѣ Измайловѣ; что же касается до настоящей семиглавой церкви въ государевѣ дворцовомъ селѣ Измайловѣ въ Новой слободѣ, въ честь Рождества Христова съ двумя придѣлами во имя явленія Казанской Богоматери и Святителя Николая, то въ расходной книгѣ Тайнаго приказа 1665 года читаемъ, что:

---

[4] Въ столбцѣ подъ № 4, въ Архивѣ Моск. Дворц. конторы.
[5] Сообщено княземъ М. А. Оболенскимъ.
[6] Статистическіе очерки Россіи, соч. *К. Арсеньева.* Спб. 1848 г., въ 8.
[7] Исторія медицины въ Россіи Г. Рихтера. М. 3 ч. 1814 г., въ 8.

«Работали у церковнаго дѣла Рождества Христова въ Измайловѣ московскихъ разныхъ приказовъ стрѣльцы плотники 50 человѣкъ, 1665 года ноября 23; поденнаго корму по 2 алтына по 4 деньги—72 рубли, лѣсу на сто рублевъ».

«Декабря въ 6 день, по указу великаго государя куплено въ новую Измайловскую слободу къ церкви Рождества Христова колокольнаго ряду у торговыхъ людей у Александра Григорьева колоколъ 4 пуда 18 гривенокъ 2 чети; колоколъ 3 пуда 4 гривенки; колоколъ 2 пуда 24 гривенки 2 чети; колоколъ 1 1/2 пуда 2 гривенки 2 чети; у Матюшки Иванова колоколъ 7 пудъ 15 гривенокъ; колоколъ пудъ 10 гривенокъ; всего 20 пудъ 14 гривенокъ 2 чети; за пудъ по 6 рублевъ; итого 122 рубли 5 алтынъ 5 денегъ».

«Священникамъ той церкви Василію да Дмитрію государева жалованья дано по 10 рублей декабря въ 25 день».

Что-жъ касается до придворныхъ церквей, то Покровская, съ придѣлами Макарія Калязинскаго чудотворца и св. Михаила князя Черниговскаго и болярина его Ѳеодора, деревянная «шатромъ вверхъ» церковь строенье боярина Ивана Никитича Романова упоминается въ писцовыхъ книгахъ 1623 г. и въ книгахъ Патріаршаго приказа 1640 года и въ выходныхъ книгахъ 1644 года. Русскими мастерами, вмѣсто деревянной, она построена въ 1679 году каменная о пяти главахъ, съ тремя всходными крыльцами; въ дѣлахъ придворнаго архива встрѣчаемъ 1680 г. января 1 память о сдѣланіи въ Оружейной палатѣ гладкихъ деревянныхъ иконостасовъ въ Измайловскую соборную церковь Покрова Богородицы и въ дворцовыя: Всѣхъ Святыхъ и св. Іоасафа царевича, писали и золотили Лазарь Ивановъ со товарищи; а 1679 г. царскіе изографы Иванъ Мировскій, Яковъ Ивановъ, Василій Познанскій, Карпъ Золотаревъ и Автономъ Ивановъ писали въ новопостроенную церковь св. иконы съ позолоченными вѣнцами. Въ день храмового праздника 1 октября 1679 года соборъ этотъ освященъ патріархомъ Іоакимомъ въ присутствіи самого храмоздателя, царя Ѳеодора Алексѣевича, и всего августѣйшаго двора.

Въ планѣ и фасадѣ храмъ этотъ сходенъ съ московскимъ Успенскимъ соборомъ, который послужилъ ему образцомъ. Стиль его близокъ къ ломбардскому. Это зданіе, построенное на песчаномъ грунтѣ и на мелкомъ фундаментѣ, держится третье столѣтіе болѣе прочностію кладки и толстыми связями изъ брусковаго желѣза. Стѣны его (въ 3 1/2 арш.) со всѣхъ четырехъ сторонъ сведены тремя полукружіями, которыхъ тимпаны, или кокошники, испещрены разноцвѣтными кахелями. Главы собора прежде покрывалъ чешуйчатый гонтъ, теперь замѣненный желѣзомъ. У трехъ главныхъ входовъ пристроены были три каменныя, каждое объ одиннадцати ступеняхъ, крыльца съ теремчатыми верхами на кувшинообразныхъ столбахъ. Для плотнаго соединенія собора съ тремя сторонами четырехъ-этажной Николаевской богадѣльни, архитекторъ пожертвовалъ сѣвернымъ и южнымъ крыльцами; такъ величественный храмъ, прежде красовавшійся на холмѣ, теперь занимаетъ средину огромнаго зданія, различнаго съ нимъ своимъ стилемъ.

Внутренность самаго храма отличается простотой и величіемъ размѣровъ, удобствомъ и цѣлесоотвѣтственностію въ расположеніи, звучностію (resonnance), равно и достаточнымъ освѣщеніемъ изъ сквозного трибуна и стѣнныхъ оконъ. Стрѣльчатые его своды покоятся на четырехъ четырехгранныхъ столбахъ, между которыми нѣкогда были деревянные хоры для пѣвчихъ; у праваго столба противъ иконостаса стояло царское мѣсто. Длинныя окна собора въ два свѣта; прежде въ нихъ вставлены были слюдяныя оконницы въ свинцовыхъ переплетахъ. Помостъ, или солея алтаря, возвышенъ на три ступени. Пятипоясный алтарный иконостасъ замѣчателенъ старинною простотой своего устройства; онъ не украшенъ ни рѣзьбой, ни позолотой, но состоитъ изъ расписанныхъ тяблъ, вмѣсто полокъ для св. иконъ; въ верхнихъ тяблахъ маленькія полуколонки, а въ нижнемъ выносныя съ капителями и базисами отдѣляютъ одну икону отъ другой. Образа разныхъ рукъ въ алтарномъ иконостасѣ, особливо въ поясѣ праздниковъ, прочія московскаго письма въ греческомъ пошибѣ; на царскихъ дверяхъ образа ближе къ фряжскому, чѣмъ къ греческому пошибу, писаны бойкою и широкою кистью не безъ художественнаго достоинства; поле ихъ лазуревое; мѣстныя иконы украшены серебряными съ позолотою вѣнцами, а храмовая такою-жъ ризою съ жемчугомъ. На правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ изображенъ Спаситель, сидящій на престолѣ, съ надписью: «Архіерей великій, прошедый небеса, Господь Вседержитель», а на лѣвой сторонѣ Богоматерь, далѣе храмовый образъ; святитель Николай и преподобный Сергій; св. благовѣрные князья Владиміръ, Борисъ, Глѣбъ и Александръ Невскій; три святителя московскіе Петръ, Іона и Алексій, четвертаго святителя Филиппа не помѣщенъ образъ потому, что онъ причисленъ къ лику святыхъ россійской церкви не прежде 1652 года; Предтеча Іоаннъ, св. великомученики Георгій и Ѳеодоръ Стратилатъ, тезоименитый вѣнценосному храмоздателю, царю Ѳеодору Алексѣевичу, потомъ Соборъ архангеловъ. На поляхъ храмоваго образа читаемъ слѣдующую надпись: «лѣта 7188 (1680) писалъ сіи образъ Ѳеодоръ Еутихіевъ (Зубовъ) съ товарищи». Въ верх-

немъ тяблѣ посреди праотцевъ изображенъ Господь Саваоѳъ, вмѣсто Распятія Іисуса Христа; надъ нимъ Божія Матерь Воплощенія; въ третьемъ тяблѣ тріиконный Деисусъ, т.-е. Спаситель, Божія Матерь и Предтеча, окруженные предстоящими имъ въ моленіи пророками и апостолами. Въ святолѣпномъ этомъ ликостояніи представляется вся торжествующая ветхозавѣтная и новозавѣтная церковь. У праваго столба стоитъ старинный списокъ съ чудотворной иконы Богоматери Іерусалимской, ознаменованный чудотвореніями во время мора 1771 года. На этомъ спискѣ, такъ какъ и на древнѣйшей иконѣ въ Пестской восточной церкви, нѣтъ ни греческой, ни криптографической надписи, какая находилась на Геѳсиманской иконѣ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Предъ алтарнымъ иконостасомъ виситъ старинное четырехъярусное мѣдное паникадило о 32 подсвѣчникахъ.

Обширный алтарь подъ коробовыми сводами раздѣленъ двумя поперечными стѣнами съ пролетами и арками на три главныя его части; на горнемъ мѣстѣ прежде стояла патріаршая каѳедра. Съ востока онъ освѣщается тремя, а съ боковъ двумя окнами. Изъ древнихъ утварей отъ разграбленія въ 1812 году уцѣлѣли здѣсь въ ризницѣ: 1) старинная фелонь изъ палеваго штофа и шнуры съ кистями отъ пояса, къ коему они привѣшивались; 2) оловянные сосуды съ мѣдною звѣздицей на оловянномъ же дискосѣ и серебряный потиръ съ надписью на поддонѣ: «Построены сіи сосуды въ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, что въ селѣ Измайловѣ, лѣта 7188 сентября въ 29 день, повелѣніемъ великаго государя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца». Въ этомъ храмѣ, такъ же какъ и въ дворцовомъ, Петръ I, любитель церковнаго чтенія и пѣнія, читывалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ.

Соборную колокольню замѣняетъ приземистая квадратная башня съ проѣзжими воротами, при подошвѣ холма, на берегу Серебрянки, или Серебрихи, на коей прежде была каменная мельница Серебриха о шести поставахъ. Надъ тремя воротами башни въ кіотахъ поставлены образа. Зданіе это состоитъ изъ трехъ ярусовъ, коихъ аттикъ опоясанъ разноцвѣтными кахелями. Въ нижнемъ жильѣ прежде помѣщались священно- и церковнослужители собора; въ среднемъ находится подъ коробовыми сводами палата, гдѣ по три окна съ провѣсами, на восточной и сѣверной сторонахъ, и по одному на южной и западной. Палата эта слыветъ въ преданіи *думною* и *сенатскою*, потому что, во время пребыванія здѣсь царей, собиралась въ ней боярская дума, а при императорахъ Петрѣ I и II, при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ бывало присутствіе Сената. Въ 1730 г. каждую субботу въ бытность императрицы Анны Іоанновны въ Измайловѣ велѣно всему Сенату 5 или 6 членамъ пріѣзжать для доклада о рѣшенныхъ дѣлахъ, а другимъ о тѣхъ, которые не могутъ быть рѣшены безъ доклада ея величеству. Если вѣрить мѣстному преданію, то здѣсь будто царь Алексѣй Михайловичъ писалъ Уложеніе. Надъ башнею шатеръ, увѣнчанный россійскимъ гербомъ.

Отъ этой башни къ собору и дворцу прежде велъ каменный мостъ съ парапетами, украшеный узорочными кахелями и рѣзными камнями. Противъ башни на пригоркѣ у ограды новаго звѣринца нѣкогда было каменное лобное мѣсто, сходное съ московскимъ, близъ него стояла съѣзжая изба и висѣлица, гдѣ вѣшали преступниковъ. Хотя въ царскихъ селахъ, по свидѣтельству Котошихина, «найдутся воры, разбойники, тати, поджещики и иные злочинцы, такихъ вѣлено было отсылать въ Москву въ Разбойный приказъ», но, какъ видно изъ дѣлъ, случались и тамъ казни преступникамъ.

На южной сторонѣ двора сооружена каменная двухъ-ярусная церковь, о трехъ главахъ: верхняя во имя св. пустынножителя Іоасафа царевича индійскаго, а нижняя въ честь Всѣхъ Святыхъ, переименованная впослѣдствіи во имя св. царицы Александры. Въ верхней церкви на хорахъ у западной стѣны стаивали при богослуженіи царицы съ царевичами и царевнами. О времени сооруженія обѣихъ церквей свидѣтельствуютъ двѣ мѣдныя доски, найденныя подъ престолами, съ слѣдующими надписями:

1) «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа основася сія церковь въ честь и память преподобнаго отца царя Іосафа индійскаго, при державѣ великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и при святѣйшемъ Іоакимѣ патріархѣ Московскомъ и всея Россіи, и положены суть мощи святыхъ мучениковъ: священномученика Игнатія Богоносца, святого мученика Мины, святого мученика Гавріила Египтянина, въ лѣто 7186 (1678), мѣсяца іунія въ день».

2) «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа основася сія церковь въ честь и память Всѣхъ Святыхъ, при державѣ великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и при святѣйшемъ Іоакимѣ патріархѣ Московскомъ и всея Россіи. И положены суть мощи св. мученикъ, въ лѣто 7186, мѣсяца іунія въ день». Стиль этой церкви италіянскій.

Къ церкви св. Іоасафа царевича были изъ царскихъ хоромъ брусяные переходы, кои вели на хоры, донынѣ существующіе у западной стѣны; здѣсь слушала божественную службу царица съ большими и меньшими царевнами.

Остатки обширнаго царскаго дворца на островѣ, на мѣстѣ нынѣшняго дома для семейныхъ инвалидовъ, еще существовали до 1855 года; онъ обнесенъ былъ каменною оградой, въ коей устроены были жилые покои подъ сводами для придворныхъ служителей, поварни, приспѣшни, медоварни, пивоварни, винный заводъ и запасные погреба, гдѣ хранились фряжскія вина и разные напитки. На большой дворъ, длиною и шириною около ста саженъ, вели семь каменныхъ воротъ, изъ коихъ надъ восточными и западными, какъ главными, возвышались палатки съ каменными перилами и шатровыми верхами, гдѣ прежде были голландскіе часы съ курантами. Около воротъ стояли каменные гауптвахты на столбахъ.

На южной сторонѣ дворца стояли брусяныя хоромы въ три жилья; въ нихъ вела передняя лѣстница съ верхнимъ крыльцомъ, котораго шатровый верхъ обитъ чешуей и украшенъ орломъ изъ бѣлаго желѣза: крыльцо примыкало къ переднимъ сѣнямъ съ двумя двойными окнами. Осмотримъ расположеніе трехъ житей, или жильевъ дворца, по описанію его въ 1680 году, которое дастъ намъ понятіе о домашнемъ обиходѣ царей нашихъ въ XVII вѣкѣ[8].

Въ среднемъ житьѣ была: *столовая* 6 саженъ безъ $^1/_2$ аршина и въ ней 8 окошекъ двойныхъ; *передняя* четырехъ саженъ безъ трехъ четей аршина; въ ней три окошка красныхъ двойныхъ; *крестовая* четырехъ саженъ безъ трехъ четей; въ ней три окошка двойныхъ красныхъ; *четвертая* полутретьи сажени; въ ней два окна двойныхъ красныхъ. Передъ четвертою (комнатою) сѣни трехъ саженъ безъ чети; въ сѣняхъ окно красное двойное. Во всѣхъ окнахъ окончины слюдяныя; въ хоромахъ окна красныя и двери столярнаго дѣла; печи ценинныя круглыя; полы мощеные кирпичомъ дубовымъ. Далѣе слѣдуютъ хоромы царицы Натальи Кирилловны, царевичей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, гдѣ главную принадлежность составляли сѣни, передняя и крестовая. Кругомъ всѣхъ хоромъ были сѣни, длиною $34^1/_2$ сажени съ 37 красными окнами. Заднія же сѣни государевы, длиною на 15 саженъ, раздѣлялись перегородкою надвое; надъ государевой столовою былъ подклѣтъ жилецкій съ обширными сѣнями, подъ переднею мастерская государева, подъ крестовою и другими комнатами были также подклѣты съ двойными окнами и ценинными печами, коихъ дымовыя трубы шли вверхъ. Подклѣты съ сѣнями находились подъ комнатами царицы, царевичей, большихъ и меньшихъ царевенъ.

Въ верхнее житье вела всходная лѣстница, и тамъ въ переднія хоромы сѣни, длиною 6, шириною 4 сажени. Переднее житье простиралось на 6 саженъ безъ чети; въ немъ было одиннадцать красныхъ оконъ столярнаго дѣла, труба ценинная. Передняя, крестовая, третья и заднія сѣни заключались въ этомъ этажѣ, гдѣ были трубы ценинныя проводныя. Изъ среднихъ сѣней вели всходы въ верхніе покои царицы и царевичей. У всѣхъ верхнихъ житей, вмѣсто подволокъ, подбито было краснымъ тесомъ, а двери обтянуты были краснымъ сукномъ, съ луżеными петлями. У хоромъ шанцовые верхи крыты были тесомъ, въ кровляхъ 39 оконъ красныхъ, надъ коими кровля бочками, обитыми чешуей. Кругомъ хоромъ на кровляхъ были перила.

Кругомъ всѣхъ нижнихъ хоромъ шли перила на взрубахъ съ точеными балясками. Надъ нижними, средними и верхними крыльцами верхи были шатровые, «крытые тесомъ скалою по чешуйчатому обиванью».

Въ 1701 году этотъ дворецъ былъ перестроенъ. Корнелій Брёйнъ, присутствовавшій въ 1702 году января 19 на его новосельи, говоритъ, что тамъ «первая комната устлана была сѣномъ, а на большомъ столѣ лежали хлѣбы разной величины съ серебряными солоницами. Стѣны покоя надъ дверьми и окнами, по его сказанію, украшены были 17 образами въ греческомъ стилѣ»[9]. Бергголцъ при описаніи празднованія новаго 1725 года въ Измайловѣ (гдѣ тогда жили вдовствующая царица, мекленбургская герцогиня и принцесса Параскевія), упоминаетъ, что во дворцѣ играло съ пѣвчими множество литаврщиковъ, трубачей, гобоистовъ и барабанщиковъ[10].

Весной и лѣтомъ въ Измайловѣ живали, а осенью и зимою наѣзжали туда на время царицы Наталья Кирилловна, Евдокія Ѳеодоровна съ царевичемъ Алексіемъ Петровичемъ, Марѳа Матвѣевна и Прасковья Ѳеодоровна; царевны; дочери царя Алексѣя Михайловича: Евдокія, Марѳа, Екатерина, Марія, Ѳеодосія и Наталія. Въ тамошніе храмовые праздники государь пріѣзжалъ къ обѣднѣ со всѣмъ дворомъ; столъ готовилъ имъ путный клюшникъ Устинъ Зеленой[11]. Царица Евдокія Ѳеодоровна съ царевнами иногда праздновала въ Измайловѣ дни рожденія и тезоименитства своего супруга Петра I Въ такіе праздники, по старинному обычаю, крестьянамъ выставлялось передъ дворцомъ пиво и вино. а нищимъ раздавалась милостыня.

[8] Отечественныя записки 1857 г. № 3. стр. 11.
[9] Voyages de Cornelius le Brun par la Moscovie, en Perse et aux Indes orientales etc; à Amsterdam. 2 t. 1718. in .
[10] F W Bergholz Tagebuch. 344, въ *Büsching's* Magazin. XX. Th. Halle. 1716. in 4.
[11] Записки о бытности въ селѣ Измайловѣ царей, царицъ и царевенъ съ 1690 по 1697 г., рукоп. скороп. XVII вѣка, въ 4

Въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей въ Измайловѣ 1689 г. пребывалъ хивинскій посланникъ, а юный Петръ I лѣтомъ стоялъ тамъ подъ рощею въ шатрахъ, гдѣ съ новобранными гвардейцами занимался воинскими экзерциціями.

Въ 1671 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посѣщали Измайлово полномочные послы польскаго короля, Янъ Гминскій, воевода Хедминскій съ товарищи.

Въ Измайловскихъ теремахъ царевны занимались различными женскими рукодѣльями: сами пряли ленъ, ткали холсты, изъ коихъ шили своимъ родителямъ рубашки, убрусы и ширинки, шелками и золотомъ узорочили церковныя облаченія и пелены; по обѣщанію, списывали Псалтыри и Евангелія для церквей. Почти каждый день царевны хаживали къ заутренѣ и обѣднѣ въ дворцовую церковь. Обыкновеннымъ мѣстомъ ихъ прогулокъ были виноградный, дворцовый и просянскій сады. Царевны любили осматривать не только птичій и запасный дворы, но и погреба, какъ значится въ запасной книгѣ. По праздникамъ предъ государевыми хоромами сбирались хороводы красныхъ сельскихъ дѣвушекъ съ молодками и толпы ребятишекъ, которымъ царевичи и царевны раздавали пряники, куски маковой и орѣховой избойны, также серебряныя копеечки. Зимою тамъ бывали на льду скатныя горы для катанья; по преданію, на прудахъ катались на конькахъ императрица Елизавета Петровна съ любимымъ стремяннымъ Гаврилою Извольскимъ. Дочь царя Іоанна Алексѣевича сама распоряжалась представленіями за кулисами. Въ антрактахъ выходили на сцену дураки и дуры, шуты съ шутихами и забавляли зрителей пляскою подъ звуки рожка съ припѣвами и фарсами[12]. Такъ царицы и царевны коротали время въ Измайловскомъ своемъ уединеніи.

Въ дѣтствѣ своемъ Петръ I гащивалъ въ Измайловѣ у брата своего Ѳеодора Алексѣевича. Извѣстно, что основатель русскаго флота, съ младенчества очень боялся воды, но попечительный братъ старался истребить въ немъ эту случайную боязнь; заставлялъ при немъ другихъ купаться въ Измайловскихъ прудахъ, самъ катался съ нимъ въ лодкѣ и, спуская на воду потѣшные карбусы и шнаки, тѣмъ самымъ, казалось, приготовлялъ Петра къ сооруженію русскаго флота. Въ Измайловѣ въ 1691 году Петръ ходилъ съ учителемъ своимъ Тимерманомъ на льняномъ дворѣ; тамъ, между разными вещами дѣда своего боярина Никиты Ивановича Романова, попался ему на глаза подъ навѣсомъ иностранный ботикъ, построенный корабельнымъ мастеромъ Брантомъ. Невиданное дотолѣ судно, которое было древнѣе перваго корабля Орла и другихъ, строенныхъ вмѣстѣ съ нимъ судовъ, возбудило въ юномъ Петрѣ желаніе починить ботикъ и спустить на воду. Къ счастью, мастеръ былъ еще живъ; его сыскали въ Москвѣ и поручили ему вытащить ботикъ изъ сарая, исправить и, оснаствивъ, спустить на Измаиловскіе пруды; Петръ плавалъ въ немъ съ Брантомъ и Тимерманомъ по вѣтру и противъ вѣтра, на всѣхъ парусахъ, восхищаясь искусными поворотами судна[13]; потомъ починенный ботикъ спущенъ былъ на Яузу.

Кто бы могъ тогда подумать, что Измайловскій ботикъ, игрушка отрока Петра, сдѣлается родоначальникомъ русскаго флота, а Измайлово —его колыбелью! Потомъ онъ стоялъ въ сѣверо-западномъ углу квадрата Измайловскаго дворца; послѣ побѣдъ своихъ надъ Персіянами въ 1713 году, Петръ I повелѣлъ перевезти этотъ ботикъ, прозванный *дѣдушкою россійскаго флота*, въ новую столицу свою, на берега Невы и встрѣчалъ его на морѣ уже съ 23 кораблями и 200 галерами. Управляемый самимъ царемъ-адмираломъ и вице-адмираломъ княземъ Меншиковымъ, Сиверсомъ и Гордономъ, ботикъ съ императорскимъ штандартомъ обходилъ весь флотъ, который привѣтствовалъ его выстрѣлами изъ пушекъ, преклоненіемъ флаговъ и торжественными восклицаніями. Указомъ своимъ Петръ I, въ 1724 году августа 30, повелѣлъ: «для торжествованія выводить повсягодно на воду этотъ ботикъ и имѣть при Александро-Невскомъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ». Въ 1836 году побѣдоносный Николай I повторилъ сіе торжество, установленное Петромъ I. Ботикъ, переживщій второе столѣтіе, принятъ адмиралтействъ-совѣтомъ отъ коменданта крѣпости и спущенный на воду, переданъ на буксиръ парохода Геркулесъ и тамъ поставленъ былъ на возвышенное мѣсто, обитое краснымъ сукномъ. Онъ обошелъ всю корабельную линію, протянутую на 9 верстъ; тогда его привѣтствовали пушечные выстрѣлы, барабанный бой и торжественно гремѣвшее надъ водами *ура*. Ботикъ отвѣчалъ на тысячу выстрѣловъ только семью. Самъ государь императоръ съ особами Августѣйтей фамиліи посѣтилъ Геркулеса и поклонился родоначальнику русскаго флота восприявшему свое начало отъ Измайлова[14].

По мнѣнію сенатора Малиновскаго, «Измайловскій ботикъ, стоявшій подлѣ Сухаревой башни, сго-

---

[12] *Кор... ..* Р...ская Старина. Спб. 18.. г. ... 1..

[13] ... Собр.ніе разныхъ записокъ и сочиненій о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго, 6 ч. Спб. 1787 г., въ 8. см. Предисловіе къ Морскому Уставу, ...

[14] См. статью *Ботикъ* въ Энциклопед. лексик. т. III.

рѣлъ въ 1812 году, во время нашествія французовъ»; но это былъ маскарадный корабликъ, названный *миротворцемъ*, который по случаю празднованія Нейштадтскаго мира, возили по улицамъ московскимъ на колесахъ въ торжественной процессіи[15], Измайловскій же доселѣ хранится въ С.-Петербургѣ, въ одномъ изъ строеній при Петропавловской крѣпости. Прежде онъ помѣщенъ былъ въ Преображенскомъ селѣ при парусинной фабрикѣ, потомъ оттуда перевезенъ, по принадлежности, къ Сухаревой башнѣ. Въ 1799 году императоръ Павелъ I возобновилъ Петровъ ботикъ.

Изъ сосѣдняго Преображенскаго села Петръ I водилъ свою потѣшную роту въ Измайлово и тамъ на широкомъ дворѣ дворца дѣлалъ маневры, «стаивалъ въ шатрахъ подъ рощею»; послѣ маневровъ, онъ угощалъ сотрудниковъ своихъ на запасномъ дворѣ и на погребахъ царскимъ пивомъ и медомъ. Кому неизвѣстно, что потѣшная рота, набранная въ смежныхъ съ Измайловымъ селахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ, сдѣлалась родоначальницей лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ! Императрица Анна Іоанновна, на другой годъ послѣ своей коронаціи, въ маѣ мѣсяцѣ, съ великою церемоніей шествовала въ Измайлово, гдѣ провела все лѣто и тамъ принимала хивинскихъ и бухарскихъ пословъ. Подъ этимъ селомъ расположенъ былъ кавалергардскій лагерь и устроенъ по воинскому порядку. Гвардіи полки Преображенскій и Семеновскій стояли въ лагерѣ по другую сторону дворца и занимались военными экзерциціями, на коихъ нерѣдко присутствовала сама императрица. Въ память любимаго мѣста она назвала вновь набранный ею гвардейскій полкъ *Измайловскимъ* и себя объявила полковникомъ онаго, а брата Биронова Густава – подполковникомъ[16].

Въ Измайловѣ цари любили охотиться за волками, медвѣдями, оленями и зайцами. Псовая охота съ особою командой тамъ уничтожена незадолго предъ 1812 годомъ. Юный императоръ Петръ II, императрицы Анна и Елизавета тѣшились ею въ селѣ Измайловѣ, близъ коего при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были бобровые гоны.

Изъ всѣхъ русскихъ звѣринцевъ въ XVII вѣкѣ самый обширный и славный былъ Измайловскій. Онъ примыкалъ къ западной сторонѣ дворца: въ немъ держали лосей, кабановъ, волковъ, медвѣдей, лисицъ, дикобразовъ, ословъ, лошаковъ, сибирскихъ и американскихъ оленей и, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, живыхъ львовъ, тигровъ, барсовъ, рысей и соболей[17]. Къ нему принадлежалъ птичій дворъ, гдѣ водились царскіе лебеди, китайскіе гуси, павлины, англійскія куры, утки и другія рѣдкія птицы. По указу императрицы Анны Іоанновны, въ 1731 году, заведенъ новый звѣринецъ на южной сторонѣ отъ дворца, къ Владимірской дорогѣ. Для умноженія его, указами 1739 года декабря 29 и 31, велѣно было присылать лосей изъ Казанской губерніи, а въ Астраханской ловить разныхъ живыхъ звѣрей, оленей и штейнбоковъ, кои водятся въ Кабардѣ, Персіи, около Шемахи и Дербента, рѣдкихъ сайгановъ, дикихъ козъ и кошекъ, кабановъ и сѣрыхъ куропатокъ. Форстмейстеромъ царскаго звѣринца назначенъ былъ Мильхертъ. Тамъ была сосновая роща, называемая *цапельникомъ*, гдѣ на высокихъ деревьяхъ цапли вили себѣ гнѣзда. Но старый звѣринецъ, наполненный оленями и кабанами, существовалъ еще въ 1775 году[18].

Рыбу доставляли царскому двору пруды, коихъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ выкопано уже до двадцати; въ одномъ насажены были стерляди, въ другомъ щуки и карпіи, въ третьемъ караси, окуни и лини. Царевны сами пускали туда щукъ и стерлядей съ золотыми сережками, забавлялись сзываніемъ рыбы по звону колокольчика къ берегу на кормъ. Каждый изъ этихъ прудовъ имѣлъ особенное названіе, данное государемъ: у Тутова сада Лебединскій, въ Просяномъ саду Просянскій, у дворца Серебровскій и Стеклянскій, потомъ Піявочный, Волчатникъ и т. д. Сверхъ того, два Лапетинскихъ, четыре Соболевскихъ, три Новослободскихъ. Въ 1737 году у прудовъ сдѣланы были двѣ каменныя плотины. Теперь одни изъ этихъ прудовъ пересохли, другіе спущены или засыпаны, такъ что нельзя представить себѣ то изобиліе водъ и рыбъ, какимъ прежде славилось Измайлово.

Въ своемъ родовомъ помѣстьѣ цари являлись разсчетливыми и рачительными помѣщиками и хозяевами, которые, поддерживая старое укоренившееся хозяйство, допускали и нововведенія, коль скоро видѣли въ нихъ существенную пользу и удобство въ примѣненіи. Всѣ сіи начатки и опыты предковъ Петръ I съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ предъ своими глазами. Безъ сомнѣнія, въ воспріимчивой его душѣ они пробудили новыя мысли, впослѣдствіи имъ развитыя и осуществленныя для блага Россіи.

Не повторяя здѣсь разныхъ воспоминаній, относящихся къ старинной вотчинѣ Романовыхъ, не можемъ пропустить одно любопытнѣйшее преданіе, подтверждаемое свидѣтельствомъ тамошнихъ старо-

[15] Земледѣльческій журналъ № 11, М. 1821 г., въ 8
[16] Записки графа Миниха С.-Б. 1817 г., въ 8
[17] *К. Рулье*, Рѣчь о животныхъ Московской губерніи. М 1845 г., въ 4, стр. 84
[18] Описаніе Москвы второклассным землемѣромъ поручикомъ Ѳаддеемъ Охтенскимъ, 1775 г., въ рукописи.

жиловъ и нѣкоторыхъ писателей, что Измайлово было родиной Петра Великаго, между тѣмъ какъ Сумароковъ присвоиваетъ эту честь селу Коломенскому, а Голиковъ, согласно съ русскимъ исторіографомъ Миллеромъ и Туманскимъ, московскому кремлевскому дворцу. Но достовѣрнѣйшіе памятники, кои должны бы уничтожить такое противорѣчіе, молчатъ о предметѣ, столь важномъ и для нихъ современномъ, именно: Исторія Петра Великаго, соч. Ѳеофана Прокоповича и Разрядная записка, составленная въ самый день рожденія царевича Петра Алексѣевича. Въ ожиданіи окончательнаго и удовлетворительнаго рѣшенія этому спору, мы приведемъ только свидѣтельства и доказательства о рожденіи Петра I въ Измайловѣ, которыя оспариваютъ сію честь у села Коломенскаго и у московскаго Кремля, какъ нѣкогда оспаривали одинъ у другого мѣсто рожденія Гомера семь греческихъ городовъ.

Современный Петру I сочинитель рукописи, находящейся во многихъ спискахъ (О зачатіи и рожденіи великаго государя императора Петра I), прямо утверждаетъ, что «сей великій императоръ родился въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ селѣ Измайловѣ» [19].

Таково свидѣтельство человѣка, котораго предки и онъ самъ служили при Измайловскомъ дворцѣ около двухъ вѣковъ, который, въ дѣтствѣ своемъ засталъ еще современниковъ рожденію Петра I, и за спасеніе Измайлова и окрестныхъ селеній отъ моровой язвы, 1772 года, наименованъ въ высочайшемъ указѣ Сената «попечительнымъ и усерднымъ всемилостивѣйшей государынѣ и прямымъ сыномъ отечества»! Это свидѣтельство подтверждаетъ во Всемірной исторіи князь А. И. Голицынъ слѣдующими словами: «Рожденіе царя и самодержца, потомъ перваго всероссійскаго императора Петра I Алексѣевича, Великаго, близъ Москвы, въ загородномъ селѣ Измайловѣ, мая 30 (въ четвертокъ предъ утромъ, за два часа съ половиною до свѣта). Послѣ рожденія воспріемниками отъ св. купели были: большой братъ его царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и тетка царевна Ирина Михайловна. Крещенъ въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, іюня 29, въ день тезоименитства своего, всероссійскимъ патріархомъ Іоакимомъ» (?) [20].

Мѣстное преданіе еще присовокупляетъ къ этому, что царь Алексѣй Михайловичъ былъ тогда въ селѣ Коломенскомъ, когда царица разрѣшилась отъ бремени въ Измайловѣ. Въ другомъ видѣ оно повторяется такъ: царица была въ Коломенскомъ, гдѣ услышавъ, что царь занемогъ въ Измайловѣ послѣ охоты, пріѣхала къ нему и на другой же день тамъ разрѣшилась отъ бремени. Первое обстоятельство, или, вѣроятнѣе, рожденіе въ Коломенскомъ императрицы Елизаветы Петровны, дало поводъ Сумарокову приписать этому селу славу рожденія въ немъ Петра Великаго слѣдующими стихами, сочиненными въ царствованіе дщери Петровой, 1759 года:

Россійскій Виѳлеемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело [21].

Столько воспоминаній и преданій даетъ этой родовой вотчинѣ Романовыхъ право гражданства не только въ отечественной исторіи, но и въ лѣтописяхъ русской цивилизаціи.

На Измайлово, долго остававшееся въ забвеніи, обратилъ благотворное вниманіе славно царствовавшій императоръ Николай I. Къ историческимъ достопамятностямъ сего царственнаго мѣста, онъ присоединилъ памятникъ христіанскаго милосердія основаніемъ военной богадѣльни, назначенной для призрѣнія старыхъ и совершенно увѣчныхъ воиновъ сухопутнаго и морского вѣдомствъ, которые по отставкѣ отъ службы, не въ силахъ будучи снискивать пропитаніе трудами, лишены способовъ къ своему содержанію. Мысль государя приведена въ исполненіе въ 1849 году.

---

[19] Въ одномъ спискѣ этого сочиненія первой четверти XVIII вѣка, старожилъ измайловскій коллежскій ассессоръ Иванъ Саввичъ Брыкинъ, умершій въ 1821 году, 115 лѣтъ, въ полной памяти и разсудкѣ, сдѣлалъ слѣдующую собственноручную отмѣтку на этой рукописи: «Сей лѣтописецъ о рожденіи императора Петра I въ дворцовомъ селѣ Измайловѣ достался мнѣ отъ родителя моего, бывшаго въ ономъ селѣ Измайловѣ приказной избы подьячаго Саввы Григорьевича Брыкина, который въ сіе званіе вступилъ 1712 года, января 28 числа, и продолжалъ службу до 1735 года; будучи 60 лѣтъ, декабря 25 умре. Родительница же моя Елизавета Варѳоломеевна, будучи безъ малаго 100 лѣтъ, въ прошломъ 1758 году, сентября 6 дня умре, отъ которой я слыхалъ, что государь Петръ Великій родился въ упомянутомъ селѣ Измайловѣ».

Смотри въ Энциклопед. Лексиконѣ статью *Брыкинъ*. Этотъ измайловскій старожилъ погребенъ на погостѣ, на сѣверной сторонѣ церкви Рождества Христова въ селѣ Измайловѣ. На каменномъ надгробіи его прочтете слѣдующую надпись: «Здѣсь лежитъ бездѣтный, болѣе ста лѣтъ старецъ коллежскій ассессоръ Иванъ Саввичъ Брыкинъ, урожденецъ родовой вотчины Романовыхъ, дворцоваго села Измайлова, преставившійся 1821 года марта 30, въ среду цвѣтоносной недѣли, въ день ангела своего св. Іоанна Списателя Лѣствицы, при внукахъ, правнукахъ, праправнукахъ и друзьяхъ, погребенъ въ субботу Лазареву».

[20] Ядро хронологическое исторіи всемірной, сочин. кн. А. И. Голицына. М. 1805 г. 18, въ 8. Но Іоакимъ посвященъ въ патріархи 1674 г. іюня 26, а въ 1672 г. патріархомъ былъ Питиримъ, который скончался 1673 г. марта 18.

[21] Стихи сіи, писанные Сумароковымъ спустя 87 лѣтъ послѣ рожденія Петра I, вѣроятно, въ угожденіе императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, родившейся въ селѣ Коломенскомъ въ 1709 году, помѣщены въ апрѣлѣ Трудолюбивой Пчелы 1759 года.

ЧАСОВНЯ И СКИТЪ

ПАТРІАРХА НИКОНА.

Тому уже слишкомъ два вѣка, какъ на поклонной горѣ, гдѣ теперь стоитъ эта часовня, царь Алексѣй Михайловичъ съ патріархомъ Никономъ обозрѣвалъ мѣсто для сооруженія Новаго Іерусалима, который бы на святой Руси представлялъ подобіе древняго. Въ память такого событія гора названа патріархомъ Никономъ—Елеономъ и на ней водруженъ каменный крестъ, а потомъ изображенная здѣсь часовня, находящаяся въ верстѣ отъ соборнаго храма Воскресенія Христова въ монастырѣ. Этотъ священный памятникъ, любопытный по своему историческому значенію, какъ бы основной камень Новому Іерусалиму, замѣчателенъ своею внѣшностью и внутренностію.

Рисунокъ представляетъ намъ осьмигранное зданіе съ шатровымъ пирамидальнымъ верхомъ: въ планѣ оно сходно съ древними часовнями въ сѣверо-восточной Россіи, кои обыкновенно сооружались въ память знаменитыхъ событій. Зодчій, какъ видно, заботился сколько о прочности и соразмѣрности, столько и объ украшеніи внѣшности зданія. На углахъ граней часовни выдаются тонкія колонки изъ бѣлаго камня съ базами и капителями; онѣ увѣнчаны кронштейнами пирамидальной формы, раскреповывающими карнизъ. Колонки имѣютъ снизу на третьей части своего утоненія валики. Въ стульяхъ пьедесталовъ впадины расписаны по темному фону, равно какъ кронштейны, раскреповка карниза и самый карнизъ; фризъ состоитъ изъ высѣченныхъ въ камнѣ херувимовъ и орнаментовъ. Съ ваяніемъ здѣсь соединена и живопись для того, чтобы напечатлѣть въ памяти зрителя лица и дѣянія Ветхаго и Новаго Завѣта, имѣющія отношеніе къ Елеону. Между колоннъ въ граняхъ часовни полуциркульныя впадины обогнуты валиками; въ этихъ впадинахъ изображены: 1) Іоиль, Давидъ и Ісаія; 2) Іисусъ Христосъ съ учениками, надъ ними слово Евангелія: «Небо и земля мимо идетъ, а словеса же Моя не мимо идутъ»; 3) Іосафатъ, Варухъ и Іона; 4) ангелъ, держащій надъ Іисусомъ Христомъ и апостолами отверстую книгу съ начертанною на ней молитвою Господней; 5) пророкъ Даніилъ, архидіаконъ Стефанъ и царь Соломонъ; 6) Іисусъ, указующій на изсохшую смоковницу; 7) пророки Іеремія, Захарія и Аввакумъ.

Надъ впадинами идетъ подзоръ съ городками. Надъ осьмерикомъ часовни возвышается пирамидальный каменный шатеръ, крытый окрашеннымъ въ зеленую краску желѣзомъ съ валиками изъ жести. На поверхности шатра въ два ряда глухія окна съ фронтонами. Верхъ его увѣнчивается круглою шейкой съ небольшою главкою, надъ коей водруженъ четвероконечный крестъ на полумѣсяцѣ.

Ступенчатый всходъ въ часовню съ запада. Въ пятахъ купольнаго свода связи положены крестообразно. Тамъ изображено Вознесеніе Господне, на обѣихъ сторонахъ по шести апостоловъ съ хартіями, на коихъ начертанъ Символъ вѣры. На стѣнахъ представляются намъ въ живописи подвиги Искупителя во Іерусалимѣ: 1) веденіе Его къ Пилату; 2) лобзаніе Іудино; 3) явился къ Нему ангелъ, укрѣпляя Его; 4) моленіе о чашѣ; 5) по вознесеніи, часто молилась Матерь Божія и ангелъ явился Ей за три дни до кончины Ея; 6) оставилъ Іисусъ Христосъ Петра, Іакова, Іоанна, отходя на молитву; 7) Господь оплакивалъ близкое опустошеніе Іерусалима. Въ клеймахъ написаны лики св. мученицъ Екатерины, Агриппины и Татіаны. Надъ дверью виденъ крестъ, состоящій изъ 15 продольныхъ и 7 поперечныхъ осьмиугольныхъ звѣздъ, съ надписью: *симъ побѣждай*. Въ правомъ дверномъ откосѣ изображены основатели Новаго Іерусалима: царь Алексій Михайловичъ, а въ лѣвомъ святѣйшій патріархъ Никонъ.

Вся стѣнопись въ часовнѣ, назидательная и важная по своему содержанію и цѣли, произведена усердіемъ архимандрита Аполлоса. Для поклонниковъ она служитъ напутствіемъ къ обозрѣнію самаго храма, дивнаго по своему зодчеству, гдѣ представляется имъ Евангеліе въ лицахъ, гдѣ обозначены мѣста главнѣйшихъ подвиговъ Спасителя.

Посреди этой моленной поставленъ камень длиною и шириною 1 аршинъ 15 вершковъ, вышиною 9 вершковъ, обложенный съ боковъ мраморными плитами. Въ немъ водруженъ осьмиконечный каменный крестъ вышиною 3 аршина 12 вершковъ, толщиною 4 вершка. Средина этого креста обложена листовымъ серебромъ съ золочеными ободками. Надъ изображеніемъ распятаго Христа виденъ Господь Саваоѳъ и Святый Духъ и дщица съ надписью: Iesus Nazarenus, Rex Iudaeorum, т.-е. Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій. На другой сторонѣ креста высѣчена слѣдующая лѣтопись: «Водрусися Святый Божественный Крестъ Господа нашего Іисуса Христа на сей горѣ Елеонѣ, отъ востока прямо лавры Святаго Живоноснаго Воскресенія на Святомъ Сіонѣ благословеніемъ великаго господина и государя Никона святѣйшаго архіепископа царствующаго великаго града Москвы и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи патріярха, того ради, понеже тишайшій великій государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ зачатіи лавры сея на освященіи храма Святаго Живоноснаго Христова Воскресенія древяннаго, и по освященіи церкви, походя окрестъ монастырскаго основанія и дошедъ сего мѣста, восшедъ на него, посмотря сюду и сюду на широту пространства польнаго, и возлюби е и нарече имя монастырю Новый Іерусалимъ и честныя своея руки писаніемъ изобрази, его же патріярхъ въ ковчежецъ сребряный вложи, въ вѣчное благословеніе въ лаврѣ Святаго Воскресенія положи лѣта 7166 года, а отъ еже по плоти Рождества Бога Слова 1657 года, октября въ 18 день»[1].

Богомольцы, лишенные возможности совершить странствованіе въ древній Іерусалимъ, посѣщаютъ Новый. На пути своемъ къ святому мѣсту, они останавливаются здѣсь на Елеонской горѣ поклониться кресту Господню, который напоминаетъ имъ не одно время основанія и имя основателя сего монастыря, но вмѣстѣ и крестный путь Спасителя на земли, указанный истиннымъ послѣдователямъ слова его: что «ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу: истиніе поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною». *Іоан.* IV. 21 и 23. На память Вознесенія Господня съ Іерусалимскаго Елеона, сюда въ Вознесеньевъ день бываетъ изъ монастыря крестный ходъ, сопровождаемый толпами окрестныхъ жителей и странниковъ.

Въ теченіе лѣта 1658 г. въ Воскресенскомъ монастырѣ, по распоряженію патріарха Никона построенъ, въ 150 саженяхъ отъ монастыря, на берегу рѣки Истры, скитъ или «Отходная пустынь» по образцу подобныхъ зданій на св. Аѳонской горѣ, въ видѣ башни о четырехъ ярусахъ, съ кельями и церквами: во имя Богоявленія Господня въ третьемъ ярусѣ, и св. первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла во главѣ или трибунѣ надъ плоскою кровлею, помощенною бѣлымъ камнемъ и огражденною каменною балюстрадою; позади верхней церкви колокольница съ однимъ колоколомъ; входъ весьма тѣсный, вьющійся спирально вокругъ средняго основного столба, а противъ верхней церкви на крышѣ малая лѣтняя келья (въ сажень длиною). Богоявленская церковь освящена (по надписи на подпрестольномъ крестѣ) 22 іюня 1658 года, и церковь свв. апостолъ Петра и Павла 29 числа того же мѣсяца и года. Въ это тѣсное зданіе патріархъ уединялся для молитвы и богомыслія во всѣ св. посты[2].

---

[1] См. Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. Исторія Воскресенскаго Ново Іерусалимскаго монастыря, сост. архимандритомъ Леонидомъ, 1874, книга 3, стр. 6. [2] См. въ Чтеніяхъ Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. Исторія Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря, сост. архимандритомъ Леонидомъ, 1874 г. Книг. 3, стр. 13.

СЕЛО ТРОИЦКОЕ-ЛЫКОВО.

По Звенигородской дорогѣ, въ десяти верстахъ отъ столицы, на крутомъ берегу Москвы рѣки село Троицкое-Лыково живописно своимъ мѣстоположеніемъ и достопамятно своими владѣльцами. *Троицкимъ* оно названо по храму во имя Святыя Троицы, а *Лыковымъ,* потому, что при царѣ Василіѣ Шуйскомъ было пожаловано князю Борису Михайловичу Лыкову «за его службу изъ прежняго его же помѣстья». Князь Лыковъ построилъ въ деревнѣ Черевковѣ деревянную церковь во имя Св. Троицы и назвалъ деревню селомъ Ново-Троицкимъ. Въ писцовыхъ книгахъ 1627 г. значится: «въ селѣ Новомъ-Троицкомъ церковь Живоначальныя Троицы да предѣлъ Николы чюдотворца, да предѣлъ Фрола и Лавра древяна клѣтцки, а въ церкви образы и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье вотчинниково — боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, а въ немъ живутъ дѣловые люди. Въ 1680 г. село Троицкое находилось въ дворцовомъ вѣдомствѣ, и въ подписи на Постной Тріоди, данной въ церковь 1689 года по указу государеву, село это названо *Государевымъ дворцовымъ Троицкимъ селомъ.* Въ 1690 г. оно пожаловано боярину Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину; въ 1698 г. по именному указу село Троицкое отдано во владѣніе боярину Льву Кирилловичу Нарышкину съ его матерью вдовою боярынею Анною Леонтьевною (мать царицы Натальи Кирилловны), и въ переписныхъ книгахъ 1704 г. церковь уже значится каменною и въ селѣ дворъ боярскій, дворъ прикащика, дворъ конюшенный, дворъ скотный, дворъ птичій. По смерти Льва Кирилловича Нарышкина село Троицкое въ 1732 г. досталось его сыну Ивану, а въ 1749 г. перешло къ его дочери, женѣ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, Екатеринѣ Ивановнѣ и въ 1784 г. къ ихъ сыну, графу Андрею Кирилловичу[1]. Затѣмъ оно принадлежало генералъ-маіору Н. А. Бутурлину, а въ настоящее время имъ владѣютъ поч. гражд. Корзинкины.

Каменная эта церковь во имя Св. Троицы возвышается на холмѣ надъ рѣкою; она замѣчательна своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ благолѣпіемъ. Прекрасное италіанское зодчество ея запечатлѣно стилемъ возрожденія (renaissance), или лучше сказать, Барокко, появившимся въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка. Стройный ея осьмиугольникъ кверху оканчивается трибуномъ съ пролетами, увѣнчаннымъ главою. Внѣшнія стѣны, окна, входныя двери съ лѣстницами на парапетахъ, трибунъ, вмѣщающій въ себѣ колокольню, красуются разнообразными орнаментами, отработанными съ удивительнымъ искусствомъ и отчетливостію, размѣщенными съ приличіемъ и вкусомъ: тамъ разныя вычурныя колонны и карнизы, кудреватые сандрики и архивольты, затѣйливые фризы и другія мелочи, трудныя по исполненію. Какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ зданіи соединена прочность съ великолѣпіемъ, разнообразіе съ единствомъ.

Во внутренности церкви три главныя части ея отдѣлены одна отъ другой арками: трапеза, или притворъ, храмъ и алтарь. Кажется, будто здѣсь одна церковь вставлена въ другую. Окна въ три свѣта; между двумя стѣнами съ трехъ сторонъ идутъ двойные хоры, на кои ведутъ изъ притвора съ двухъ сторонъ лѣстницы въ стѣнѣ. На западной сторонѣ хоровъ устроено великолѣпное царское мѣсто на подобіе висячаго фонаря, увѣнчанное императорскою короною. Высокая рѣзьба, въ родѣ рококо, по алому полю, богато вызолочена; прежде оно было обито внутри малиновымъ штофомъ. Надъ пролетами хоровъ и надъ окнами, такъ равно и надъ арками наличники украшены искусною рѣзьбою и позолотою, надъ ними стоятъ въ клеймахъ поясныя изображенія святыхъ изъ русскихъ государей, начиная отъ равноапостольной Ольги до св. царевича Димитрія, первой, крестившейся въ банѣ пакибытія, другого, принявшаго второе крещеніе въ мученической крови.

Великолѣпный иконостасъ, досягающій самыхъ сводовъ храма девятью своими поясами, довершается Распятіемъ Іисуса Христа съ предстоящими Ему Богоматерью и св. Іоанномъ Богословомъ. Въ этой отверстой скрижали видите знаменательное сочетаніе Ветхаго Завѣта съ Новымъ, закона съ благодатію. Здѣсь Богоотецъ Давидъ и Соломонъ предстоятъ лику Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и т. д.

Высокая искусная рѣзьба на аломъ полѣ, въ родѣ рококо, отличается замысловатостію въ изобрѣ-

[1] См. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. вып. 3, стр. 295. В. и Г. Холмогоровыхъ. Москва 1886 г

тенiи, красотою и роскошью въ исполненiи: тамъ фризы, тутъ колонки, раковины, здѣсь листья, цвѣты и грозды, богато раззолоченные, взятые въ совокупности, составляютъ великолѣпную картину. Мастерской рѣзьбѣ соотвѣтствуетъ художническая живопись образовъ въ стилѣ фряжскомъ, или, вѣрнѣе сказать, венецiанскомъ; ихъ рисунокъ и колоритъ, достойные вниманiя знатока, показываютъ состоянiе и успѣхи храмовой живописи въ началѣ XVIII вѣка, уклонявшейся отъ типа византiйскаго. Замѣтно, что не всѣ образа — произведенiе кисти одного художника, но разныхъ; мѣстныя иконы особенно отличны по искусству, такъ равно и образа на царскихъ дверяхъ. Храмовый образъ Св. Троицы представляетъ св. vпостась Бога-Отца, Сына и Святаго Духа въ лицахъ Саваоѳа, Iисуса Христа и парящаго надъ Ними Голубя, здѣсь слѣдующая надпись: «Писалъ Иванъ Петровъ Реѳусицкой». Къ сожалѣнiю, время скрыло отъ насъ имена зодчаго и другихъ живописцевъ, которые участвовали въ украшенiи сего святолѣпнаго храма.

О храмоздателяхъ и времени сооруженiя свидѣтельствуетъ намъ у праваго клироса на образѣ соборъ святыхъ: апостоловъ Петра и Павла, мученицы Наталiи, Льва Катанскаго, Мартинiана, Анны пророчицы, Евдокiи, Параскевы и пр. Въ сихъ ликахъ видите тезоименитыхъ имъ: царицу Наталiю Кирилловну съ сыномъ ея Петромъ I и съ родственниками ея Нарышкиными, изъ которыхъ Александръ Львовичъ приложилъ въ сiю церковь 1724 г., какъ видно изъ подписи, Псалтырь. — Такъ храмоздатели въ ликахъ святыхъ, себѣ соименныхъ, подобно какъ въ священной скрижали, издревле имѣли обыкновенiе увѣковѣчивать свою память и свои имена.

Въ цѣломъ устройствѣ храма высказывается назначенiе его для царскаго моленiя; по вѣроятному преданiю, Петръ I, неоднократно посѣщавшiй это помѣстье своихъ родственниковъ, былъ участникомъ въ устроенiи дома Божiя, гдѣ виденъ духъ его вѣка, его вкусъ, какимъ запечатлѣны другiе храмы, сооруженные по его замышленiю. На антиминсѣ изображено, что при императорѣ Петрѣ I и при сынѣ его царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ освящена сiя церковь въ междупатрiаршество, 1708 года, Каллистомъ, архiепископомъ тверскимъ и кашинскимъ.

Въ этомъ велелѣпномъ храмѣ, едва ли не единственномъ въ своемъ родѣ, ни одного предмета не оставлено безъ украшенiя; самыя створчатыя дверцы въ аркахъ притвора и клиросы блистаютъ богато позолоченною рѣзьбою, какъ и внутренность алтаря, состоящая изъ одного полукружiя. И теперь, по истеченiи слишкомъ столѣтiя, этотъ священный памятникъ, кажется, какъ будто недавно оконченъ: ни тонкая и лѣпкая рѣзьба не обломалась, ни позолота не потускнѣла отъ времени, ни краски не полиняли. На одномъ колоколѣ, безъ означенiя года, слѣдующая краткая надпись: «лилъ сей колоколъ алдерманъ Константинъ Слизовъ».

СЕЛО КОЛОМЕНСКОЕ.

Подгородное это село расположено въ семи верстахъ отъ Москвы, влѣво отъ Серпуховской дороги. Оно становится извѣстнымъ въ первой половинѣ XIV столѣтія; въ первый разъ названіе его встрѣчается въ духовной (1328 г.) грамотѣ великаго князя Ивана Даниловича Калиты, гдѣ упоминается, что онъ далъ сыну своему Андрею между прочими селами и Коломнинское, которое отъ начала своего до настоящаго времени всегда было *за государемъ;* соединяя въ себѣ столь много мѣстныхъ удобствъ: лѣса̀, поемные луга̀ и чистыя во̀ды, оно служило въ теченіе пяти вѣковъ лѣтнимъ пріютомъ для державцевъ русскихъ, которые здѣсь находили приволье для звѣриной и птичьей охоты и для рыбной ловли.

Съ 1407 по 1591 г. ордынскій вождь Эдигей, крымскіе ханы Дивлетъ-Гирей и Казы-Гирей дѣлали, въ своихъ нашествіяхъ на Москву, опустошенія и въ Коломенскомъ. Цари: Θеодоръ Іоанновичъ возобновилъ разоренное Коломенское, Михаилъ Θеодоровичъ намѣсто обветшавшихъ хоромъ построилъ новыя, а царь Алексѣй Михайловичъ, особенно любившій это село, построилъ новый деревянный дворецъ, котораго изображеніе здѣсь прилагается. Онъ стоялъ неподалеку отъ села, на правомъ берегу рѣки Москвы, среди зелени четырехъ обширныхъ садовъ: Вознесенскаго, примыкавшаго къ церкви Вознесенія Господня; Казанскаго (верхняго и нижняго) — подлѣ церкви Казанскія Божіей Матери и Дьяковскаго, идущаго черезъ оврагъ къ приселку Дьякову. Въ 1667 году мая 2 въ четвертокъ, говорится въ дневальныхъ запискахъ «послѣ столоваго кушанья, за 2 часа до вечера, государь пошелъ съ Москвы въ Коломенское для окладыванья своихъ государевыхъ хоромъ». Строили плотничный староста Сенька Петровъ и стрѣлецъ плотникъ Ивашка Михайловъ. Рѣзчикъ старецъ Арсеній, бѣлорусцы Климъ Михайловъ, Давыдъ Павловъ, Андрей Ивановъ, Герасимъ Окуловъ, Θедоръ Николаевъ, работавшіе у патріарха Никона въ Новомъ Іерусалимѣ, привезены были въ это время для работъ въ Коломенскомъ. Для образцовъ взяты изъ монастыря «двѣ книги мастерскія къ рѣзному дѣлу, келейныя патріарха Никона и всякая столярная снасть». Для расписыванія и золоченія, краски и золото велѣно было вывезть изъ-за моря. Эта работа, поражавшая туземцевъ и иностранцевъ блескомъ золота и красокъ, узорочною рѣзьбою «предивною хитростію, пречудною красотою» производилась подъ наблюденіемъ Симона Ушакова и вызваннаго нарочно изъ Персіи живописца армянина Богдана Салтанова. Надъ золочеными рѣзными окошками, въ *корунахъ,* государь велѣлъ написать образъ Живоначальныя Троицы и иные образа самымъ добрымъ писмомъ, да на хоромѣхъ, на *шатрахъ* и *на бочкахъ,* чешую выкрасить зеленью. Кровля повалуши была украшена мѣднымъ прорѣзнымъ гребнемъ и большимъ яблокомъ съ орломъ, львомъ и единорогомъ на верху. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ въ 1670 году, говоритъ, что Коломенскій дворецъ «такъ превосходно былъ украшенъ рѣзьбою и позолотою, что подумаешь это игрушка, только что вынутая изъ ящика». Польскіе послы Янъ Гнинскій и Кипріанъ Бржостовскій, пріѣзжавшіе въ Москву въ 1671 году, нарочно просили государя о дозволеніи видѣть это зданіе. Осмотрѣвъ его, вотъ что писали они въ донесеніи къ королю Михаилу Вишневецкому отъ 27 февраля 1671 года. «Въ началѣ церковь каменная съ притворами по обѣ стороны, въ которыхъ окна; къ церкви отъ хоромъ переходы досками обиты полчетверти аршина ширины, мосты войлоками постланы для тепла и мягкаго хожденія. На подворьѣ передъ хоромами ворота толсты дубовыя, такъ толсты, какъ дубъ уродился, рѣзные, хотя не глубоко вырѣзаны, достаточно пригожи, прежъ осемидесяти лѣтъ поставлены, которыя вынять хотятъ, каменныя дѣлать станутъ. Хоромы всѣ деревянные, плотническою работою довольно доброю построены въ началѣ житья его царскаго величества; противъ нихъ четыреугольна о шести теремахъ башня, такъ крѣпко въ дерево и въ замки угольные связаны, что обалитися нѣтъ опаства и во всякомъ теремѣ пригожія бесѣды; переднія сѣни съ теремомъ осмигранныя, въ которыхъ зодіакъ выписанъ, потомъ двои хоромы царскаго величества съ лавками и печьми довольно пригожими, около оконъ сниперскою (столярною) работою рѣзи изрядныя, оконницы слюдяныя довольно хороши, изба для бояръ, изъ посдѣднихъ хоромъ выходъ въ комнату довольно граждански (?) сдѣланъ».

«Крыльцо передъ хоромами царицы государыни на тридцать локти долги, по обѣ стороны все окна; передъ хоромами царицы государыни, у которыхъ въ одномъ боку двои одни изъ другихъ, а въ иномъ четверы одни изъ другихъ дорогою по чертѣ съ переспективою двери въ окошка сдѣланы и иныхъ хоромъ несчетное число».

«Щиты надъ хоромами его царскаго величества круглые, на которыхъ Европа, Африка, Асія написаны. Надъ всходами судъ Соломоновъ написанъ; передъ сѣнми выстава изъ оконъ дутая писана съ гербами государей и государствъ. Признать, что мѣсто зѣло весело и хорошо видѣть поля далече и видѣть вся Москва, монастыри, на Москву рѣку, подъ самымъ дворомъ текущую».

«Въ томъ же мѣстѣ, около той Москвы рѣки, сѣнокосы едва окомъ презрѣти мочно, по которымъ, егда разольется рѣка, множество птицъ, которыми его царское величество тѣшится и соколовъ на птицъ пускаетъ — поле къ потѣхѣ весьма угодно».

«Столовая изба на боку въ томъ же дворѣ, съ особою своею сѣнью и съ главою, въ ней столъ у одного угла изрядно писанъ подъ алифою; въ той столовой сахаромъ, постилами, вишнями, пряниками честили пословъ и питями разными и для всѣхъ довольно было разнаго питья».

Симеонъ Полоцкій называетъ этотъ дворецъ въ стихахъ своихъ, поднесенныхъ царю Алексѣю Михайловичу на новоселье въ Коломенскомъ: «восьмымъ чюдомъ свѣта, Соломоновою прекрасною палатою».

... «Злато вездѣ пресвѣтло блистаетъ,
Царскій домъ быти лѣпота являетъ.
На писанія егда возглядаю,
Много исторій чюдныхъ познаваю.
Четыре части міра написаны,
Аки на мѣди хитро изваяны.
Зодій небесный чюдно написася,
Образы свойствъ си лѣпо знаменася.
И части лѣта суть изображены,
Яко достоитъ чинно положены.
. . . .
Множество цвѣтовъ живонаписанныхъ,
И острымъ хитро длатомъ изваянныхъ».

По смерти царя Алексѣя Михайловича дворецъ распространенъ соотвѣтственно потребностямъ новаго царскаго семейства, а съ переселеніемъ царскаго двора въ С.-Петербургъ, оканчиваются не только новыя постройки въ Коломенскомъ, но и самыя починки. Въ 1763 г. архитекторъ Иванъ Мичуринъ доносилъ, что «по ветхости починкою исправить дворца невозможно, а надлежитъ оный разобравъ весь, перестроить вновь». Въ 1766 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе выстроить новый небольшой дворецъ на берегу рѣки Москвы, а въ 1767 г. получено было повелѣніе «находящійся въ селѣ Коломенскомъ старый деревянный дворецъ весь и съ фундаментомъ разобрать бережно и выбранный изъ онаго годный матеріалъ положить въ удобныя мѣста и изъ дворца все вывезть вонъ и мѣсто очистить». Для сохраненія памяти о мѣстоположеніи дворца, по линіямъ его основанія насадили кусты акаціи, сохранившіеся до нашего времени. Проходя этими кустами акаціи, любитель старины приведетъ себѣ на память, что въ селѣ Коломенскомъ малолѣтный Петръ I учился грамотѣ подъ древнимъ кедромъ, живалъ лѣтнею порою съ первою супругою своею Евдокіею Өеодоровною. Туда имъ совершенъ былъ 27 апрѣля 1680 г. изъ Москвы первый судоходный походъ Москвою-рѣкою на яхтѣ. Изъ этого отцовскаго любимаго пріюта онъ шествовалъ съ тріумфомъ въ Москву 1695 года послѣ Азовскаго похода и 1709 года декабря 18 по одержаніи славной побѣды подъ Полтавою, когда къ этому торжеству присоединилась радость семейная, какую доставило ему рожденіе въ Коломенскомъ, дочери Елизаветы Петровны. Все это вмѣстѣ дѣлало Коломенское для Петра драгоцѣннымъ. Императрицы Анна, Елизавета и Екатерина II любили это мѣсто и часто посѣщали лѣтомъ. По совершеніи двадцатипятилѣтія своего царствованія императрица въ 1787 году прибыла въ Коломенское изъ своего путешествія для обозрѣнія южныхъ губерній и вновь пріобрѣтеннаго Таврическаго царства; тогда ее сопровождали чрезвычайные посланники римскаго императора Іосифа II, графъ Кобенцель, великобританскій — Фицгерберъ и французскій — графъ Сегюръ. Тамъ ее встрѣтили августѣйшие внуки Александръ и Константинъ. Изъ Коломенскаго дворца она имѣла торжественное шествіе въ древнюю столицу, гдѣ принята была съ восторгомъ любви народной.

Въ селѣ Коломенскомъ, на крутомъ берегу рѣки Москвы возвышается церковь Вознесенія Господня. Современный лѣтописецъ подъ 1532 годомъ говоритъ: «того же лѣта (1532) свершена бысть въ Коломенскомъ церковь каменная Вознесеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Бѣ же церковь та вельми чюдна высотою и красотою и свѣтлостію, такова не бывала прежъ сего въ Русіи. Князь великій Василій Ивановичъ, государь всея Русіи, возлюби ю и украсивъ всякою добротою, якожъ достоитъ святѣй Божіей церкви, честными и святыми сосуды и святыми владычними образы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и пресвятѣй чистые Царицы Дѣвы Богородица Марія Матере того самого Христа Царя и Бога нашего и Святыхъ Ему угодшихъ, обложенными златомъ и серебромъ, каменіемъ драгимъ, — и повелѣ благочестивый государь свящати. Лѣта 7041 (1533) сентября въ 3 день во вторникъ священа бысть Даніиломъ митрополитомъ всея Россіи и архіепископомъ Кирилломъ Ростовскимъ и епископомъ Вассіаномъ Коломенскимъ и Досифеемъ Крутицкимъ и архимандриты и игумены и священными соборы. И быша жъ на освященіи томъ князь великій Василій Ивановичъ и съ великою княгинею Еленою и съ сыномъ со княземъ Иваномъ и съ братіею своею со княземъ Георгіемъ и Андреемъ Ивановичи. Сотвори государь праздниство веліе свѣтлѣ и радостнѣ, а пировавше у великаго князя въ Коломенскомъ митрополитъ съ соборомъ и братья великаго князя и бояре три дни честнѣ и радостнѣ; и дарилъ князь великій Василій Ивановичъ митрополита и братью свою, а на четвертый день пріѣхалъ на Москву»[1].

Этотъ памятникъ церковнаго зодчества XVI вѣка сходенъ съ главнымъ храмомъ Покровскаго въ Москвѣ собора, церквами, бывшею на Кремлевскомъ Троицкомъ подворьѣ, въ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ, въ селѣ Вишняковѣ близъ Кускова и другихъ, съ шпилеобразными окончаніями на осьмигранныхъ трибунахъ. Величественная церковь представляетъ фигуру осьмигранной башни, обведенной со всѣхъ сторонъ тройными теремками на полуколоннахъ и обширною крытою папертью съ тремя ступенчатыми всходами; подъ нею подвалъ со сводомъ. Куполъ ея увѣнчивается четвероконечнымъ крестомъ на полумѣсяцѣ.

Внутренность не обширна; на западной сторонѣ ходы, съ коихъ ведетъ лѣстница наверхъ подъ кровлю. Древній алтарный иконостасъ замѣненъ новымъ, который, назадъ тому 75 лѣтъ, взятъ изъ Вознесенскаго монастыря въ Кремлѣ; отъ перваго уцѣлѣли только царскія двери рѣзныя съ городками. Между мѣстными иконами замѣчательна икона Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ Радости по слѣдующей надписи на золотой рамѣ: «въ лѣто благочестивыя державы великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7213, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1705 марта луны въ 28 день».

Неизвѣстно, когда устроено было снаружи царское мѣсто позади алтаря и стѣны. Преданіе приписываетъ его царю Алексѣю Михайловичу, особенно любившему Коломенское и часто посѣщавшему это село предковъ своихъ. Какъ бы то ни было, но тутъ царское сѣдалище представляетъ намъ соединеніе благочестія съ правосудіемъ и милосердіемъ; ибо, послѣ Божественной службы, здѣсь государи россійскіе посвящали отдыхъ свой на выслушаніе просьбъ отъ подданныхъ и на раздачу ручной милостыни бѣднымъ. На мѣстѣ стараго дворца и теперь стоитъ каменный *челобитный столбъ*, на который ставился съ узкимъ прорѣзнымъ отверстіемъ ящикъ, запертый и запечатанный самимъ государемъ. Въ этотъ ящикъ клали челобитныя, кои подавались царю думными дьяками. Вышиною онъ $1^1/_2$ арш.; на немъ круглая съ отливомъ подушка изъ бѣлаго камня въ діаметрѣ 1 арш. 2 вершка.

Царское это мѣсто сходно стилемъ своимъ съ тѣмъ, которое находится у праваго столпа въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. На четырехъ столбикахъ возвышается сѣнь на подобіе теремка, на лицевой сторонѣ коего высѣченъ изъ камня двуглавый орелъ, увѣнчанный тремя коронами, съ державою въ одной лапѣ и скипетромъ въ другой; задъ этого мѣста образуетъ впадину въ видѣ раковины; сѣдалище изъ бѣлаго камня, на которое клали для царя атласное или бархатное взголовье, а при подножіи на рундукъ разстилали кизилбашскіе ковры и турскіе наволошники. Входъ на это мѣсто запирается желѣзною рѣшеткой. Здѣсь возсѣдалъ и царь Θеодоръ Алексѣевичъ, который, подобно родителю своему, посѣщалъ Коломенское, слушалъ здѣсь Божественную литургію и послѣ ея, раздавалъ именинные пироги боярамъ и окольничимъ.

Повидимому, симъ памятникомъ державцы русской земли желали увѣковѣчить свою любовь къ этому мѣсту, священному для нихъ по родовымъ воспоминаніямъ.

[1] Никонов. Лѣт. т. 6, стр. 248 и 249.

Черезъ оврагъ отъ Коломенскаго, въ селѣ Дьяковскомъ или Дьяковѣ, на лѣвомъ крутомъ берегу рѣки Москвы, возвышается изображенная здѣсь церковь въ честь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. Въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича (1410 г.) въ первый разъ упоминается о селѣ Дьяковскомъ, составлявшемъ потомъ приселокъ Коломенскаго; этотъ князь отказываетъ его супругѣ своей Еленѣ Ольгердовнѣ, которая въ свою очередь завѣщала его Рождественскому монастырю въ Москвѣ; надобно полагать, что завѣщаніе это было потомъ измѣнено, такъ какъ впослѣдствіи Дьяковское перешло къ великому князю Василію Темному. Преданіе приписываетъ построеніе Предтеченской церкви въ приселкѣ Дьяковскомъ великому князю Василію Іоанновичу. Въ писцовыхъ книгахъ по Московскому уѣзду за 1631—1633 гг. говорится «дворцоваго села Коломенскаго приселокъ село Дьяково, а въ немъ церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи каменная, около церкви въ папертяхъ четыре предѣла, да надъ папертью предѣлъ царя Константина». Подъ 1646 г. при Іоанно-Предтеченской церкви упоминаются придѣлы: «Зачатія Пречистыя Богородицы, Давыда и Константина, да Зачатія Іоанна Предтечи». Въ переписныхъ книгахъ 1722 г. (листъ 965) записано: «въ селѣ Дьяковѣ церковь Іоанна Предтечи каменная съ предѣлами: Зачатія св. Анны, Двунадесять Апостолъ, Трехъ Святителей и царя Константина. Въ настоящее время церковь заключаетъ въ себѣ: 1) главный храмъ Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, придѣлы: 2) Зачатія св. Анны, 3) Зачатіе св. Іоанна Предтечи, 4) московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, 5) Двунадесяти Апостолъ и 6) вверху, царя Константина и матери его Елены.

Церковь эта замѣчательна сколько древностію своего существованія, столько и оригинальностію зодчества. Складенная изъ тонкаго, хорошо обожженнаго кирпича, масса ея утверждается на цоколѣ изъ бѣлаго тесаннаго камня. Съ четырехъ сторонъ обнимаютъ ее придѣльные храмы, соединенные одинъ съ другимъ крытыми переходами или папертями. Между восточнымъ и западнымъ придѣлами, надъ южнымъ притворомъ, стоитъ щитообразная звонница; въ двухъ ея пролетахъ висятъ колокола. Все зданіе, составляя стройную купу пяти столповъ, какъ символическое изображеніе Главы церкви съ четырьмя благовѣстниками, отчасти сходствуетъ съ Покровскимъ соборомъ въ Москвѣ, а срединный храмъ—съ столпомъ Ивановской колокольни. Главный нижній ярусъ составляетъ осьмигранникъ съ плоскими прямоугольными падинами на граняхъ. Верхъ его окруженъ тремя фризами съ поясами, изъ коихъ большой вверху замѣняетъ карнизъ; на немъ, противъ каждой грани, полукруглые въ три уступа архивольты, внутри коихъ полуциркульныя óкна. Надъ архивольтами остроугольные несомкнутые фронтоны (прямые кокошники), между коими распалубка крыши. Сверхъ крыши осьмигранный субассементъ въ византійскомъ стилѣ, и на немъ восемь короткихъ массивныхъ полуколонокъ, поддерживающихъ шейку полусферической главы съ водруженнымъ въ нее четвероконечнымъ крестомъ на полумѣсяцѣ при подножіи. При всей многочисленности и разнообразіи частей этого зданія сохранено единство и строгая соразмѣрность, какую видимъ и во внутренности его.

Главная церковь внутри въ два свѣта; поддуги свода ложчатыя, неоштукатуренныя. Къ западной стѣнѣ недавно придѣланы хоры. Алтарь отдѣляется отъ жертвенника и ризницы глухими простѣнками; между имъ и восточной стѣной оставленъ проходъ къ алтарю. Престолъ деревянный, а жертвенникъ каменный. Въ четырехъ тяблахъ алтарнаго иконостаса размѣщены старинные мѣстные образа, праздники, деисусы, апостолы и пророки тѣ же, кои значатся въ описи 1683—84 годовъ; но уже нѣтъ означенныхъ въ ней царскихъ дверей съ сѣнью и столпцами, ни подсвѣчниковъ изъ бѣлаго желѣза для поставныхъ свѣчъ, ни деревянныхъ свѣчъ, писанныхъ красками, ни паникадила о десяти шандалахъ. Изъ старинныхъ утварей остались одни оловянные сосуды. Въ прочихъ придѣлахъ хотя сохранились престолы каменные и нѣкоторыя древнія иконы и царскія двери со столпцами, но алтарные иконостасы новые; ибо въ прежнихъ, по указанію описи XVII вѣка, было по 19 деисусовъ и праздниковъ.

Въ Дворцовомъ архивѣ (№ 408, реестръ 13) находится слѣдующее доношеніе отъ Коломенскихъ управительскихъ дѣлъ въ контору главной дворцовой канцеляріи: «сего 761 году іюля 30 дня поданнымъ ко онымъ управительскимъ дѣламъ дворцоваго села Коломенскаго, приселка Дьяковскаго, церкви Іоанна Предтечи, попы Василій Симоновъ да Дмитрій Никитинъ доношеніемъ объявили, что іюля 1 дня пополудни въ первомъ часу учинился великій громъ и молнія, и отъ того учинившагося грома и молніи у той церкви подъ главою прошибло скважину и расшибло въ оной церкви царскія рѣзныя двери и по лѣвой сторонѣ тѣхъ царскихъ дверей имѣющійся въ кіотѣ образъ Іоанна Предтечи вонъ вышибло и ликъ мѣстами повредило и стекло при оной кіотѣ разшибло, да по ту жъ лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Николая чудотворца весь повредило жъ и о исправленіи вышеписаннаго требовалъ резолюціи, августа 8 дня 1761 года».

На южной внутренней стѣнѣ церкви помѣщена металлическая доска, на ней читаемъ: «Душа его во благихъ водворится. Противъ сей надписи погребено тело титулярнаго советника Дмитрія Павло-

вича Брыкина, родівшагося въ 1735 году октября 22 числа, а скончавшагося 1790 году октября же 22 числа въ день Казанскія Божія Матери пополуночи въ 9 часу на 40 минутѣ, предан же земле 24 числа того же мѣсяца, а всего въ сем мире житія его было ровно 55 летъ, въ службе находился при разных должностях въ ономъ же селѣ 37 лет. Оставшіяся по немъ жена его, три сына и пять дочерей, оплакивая его кончину, сию надпісь ему учиніли, кою прочтя и ты читатель совокупно съ німи моли Всевышняго Творца да удостоитъ какъ его, такъ и всехъ насъ преследующіхъ за німъ царствия своего». На доскѣ изображены: св. Димитрій Селунскій и св. ангелъ-хранитель.

На южной наружной стѣнѣ вдѣлана каменная плита съ слѣдующею надписью: «1729 году апреля въ 11 день преставися раба́ Божия церкви Вознесенія Господня діакона Георгія Иванова жена ево Мария Семенова дочь, а жития от рожденія ея 27 лѣтъ и погребена противъ сей церкви. 1729 году апреля въ 12 день преставися раба Божия тоя-жъ церкви диакона Георгия Иванова мать ево Акилина Денисова дочь, а жития ея от рождения 51 годъ и погребены противъ сея церкви».

Въ книгѣ Приказа Большого дворца (опись 52, дѣла № 2) находящейся въ архивѣ Оружейной Палаты читаемъ: «Въ приселкѣ Дьяковскомъ садъ длиною 170, поперегъ 121 сажень съ полусаженью, въ томъ саду 1160 деревъ яблонныхъ, 12 грядъ трехъаршинныхъ смородины красной, на полуторѣ десятинѣ вишенъ красныхъ, да по пути 10 кустовъ. Изъ того саду садоваго слѣтья было въ продажѣ съ 199 (1691) года по нынѣшній годъ на 232 рубли на 15 алтынъ».

Изъ выходныхъ книгъ видно, что цари Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ храмовой праздникъ 29 августа слушали въ этой церкви всенощную, обѣдню и вечерню. Такъ «1679 г. августа въ 29 день слушалъ великій государь (Ѳеодоръ Алексѣевичъ) всенощного бдѣнія и божественной литоргіи въ церкви Іоанна Предтечи, въ селѣ Дьяковѣ. А на великомъ государѣ было платье во всенощное: ферезѣя, объярь осинова; кафтанъ ѣздовой, объярь песочна; зипунъ, тафта бѣла; шапка, сукно червчато съ соболемъ; посохъ индѣйской съ костьми. Въ литоргію: ферезѣя теплая, объярь бѣла, струя серебрена; кафтанъ ѣздовой, зарбафъ золотной; зипунъ, тафта бѣла; шапка, бархатъ жаркой цвѣтъ двоеморхъ, съ запаны; посохъ индѣйской съ каменьи. Стряпни было: полотенцы, подножье бархатное, стулъ. А послѣ литоргіи жаловалъ великій государь бояръ и думныхъ людей и стольниковъ и стряпчихъ пирогами, въ томже платьѣ; а шапка была бархатъ алъ двоеморхъ, обнизная съ запаны и съ перомъ алмазными; жезлъ костяной съ орломъ». О Предтеченской церкви въ приселкѣ Коломенскомъ можно сказать, что, кромѣ Покровскаго собора, по оригинальности и затѣйливости зодчества, подобной нѣтъ въ московскомъ мірѣ[1].

[1] При составленіи статьи: Село Коломенское, между прочими, намъ служили матеріалами: *И. М. Снегиревъ* въ «Русской Старинѣ», Село Коломенское *А. Корсакова,* Описаніе дворца царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Коломенскомъ *Н. Чаева* и Плащаница св. митр. Фотія, свящ *П. Кроткова.*

СЕЛО ТРОИЦКОЕ-ГОЛЕНИЩЕВО.

Здѣсь древній храмъ сооруженъ въ честь Живоначальныя Троицы; онъ стоитъ между горами Воробьевыми и Поклонною, на косогорѣ, окруженномъ съ одной стороны Голенищевскимъ оврагомъ, а съ другой рѣчкою Сѣтунью; онъ теперь приходскій села Троицкаго-Голенищева въ загородской десятинѣ. Прежде это село было *домовымъ* всероссійскихъ митрополитовъ и московскихъ патріарховъ, вотчиною дома Пресвятыя Богородицы, потомъ Сѵнодальнаго Правленія, а теперь принадлежитъ вѣдомству Палаты Государственныхъ Имуществъ. Съ XIV вѣка мѣсто сіе, по сказанію Софійскаго временника, *тихое, безмятежное и покойное,* окруженное лѣсами, прославилось пребываніемъ св. Кипріана митрополита, какъ увидимъ далѣе[1].

Первая здѣсь церковь, *опришная,* сего знаменитаго іерарха, во имя Трехъ Вселенскихъ Святителей, вѣроятно, была деревянная при его дворѣ. По преданію, она сперва стояла въ деревнѣ Матвѣевской, гдѣ видны еще слѣды стараго кладбища, тутъ же и горка, близъ деревни Каменная Плотина или Пруды, носитъ названіе Трехсвятской. Въ писцовыхъ книгахъ 7135 (1627 г.) говорится: «великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи, вотчина село Троицкое-Голенищево, а въ селѣ церковь Живоначальныя Троицы, да въ предѣлѣ Леонтія Ростовскаго чюдотворца древяна, клѣцки, а въ церкви образы и свѣчи и книги и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строенье государево патріарше»[2]. Теперешняя каменная въ селѣ Троицкомъ церковь Св. Троицы съ придѣлами и патріаршій каменный домъ построены 1644 г., при патріархѣ Іосифѣ каменныхъ дѣлъ подмастерьемъ Иларіономъ Михайловымъ Ушаковымъ, по чертежу государева подмастерья Антона Константинова[3].

Первоначальный окладъ (планъ) сего храма былъ византійскій; съ трехъ сторонъ: западной, южной и сѣверной, вмѣсто трапезы, настоящая церковь, была окружена *притворомъ.* Но впослѣдствіи, южная стѣна древняго притвора пробита на ширину 4-хъ саженъ съ небольшимъ, и противъ этого пролета сдѣланъ наружу выступъ на двѣ сажени, для теплаго зимняго придѣла.

Шпилевыя формы массъ, составляющихъ три вершины храма, кромѣ колокольни, также крутые по сторонамъ фронтоны, соотвѣтствуютъ климатической мѣстности снѣжнаго и дождливаго сѣвера. Во всѣхъ древнихъ массахъ, формахъ и украшеніяхъ, которыя уцѣлѣли послѣ разныхъ передѣлокъ, видна тщательная работа, заботливость о прочности и выраженіи архитектонической красоты. Тремя престолами на востокъ образуются три символическія полукружія, усвоенныя себѣ церковнымъ зодчествомъ.

Сим̃етрія восточной части храма нарушается въ западной, гдѣ, какъ сказано выше, шатровая колокольня приставлена къ ея углу. Малыя главы надъ тремя шатрами трехъ церквей, соотвѣтствующихъ числомъ своимъ имени и знаменованію храма, осѣнены осмичастными крестами, новаго стиля; но древній желѣзный, четверочастный съ полумѣсяцемъ возвышается надъ святыми воротами каменной ограды, окружающей погостъ, гдѣ попадаются древніе надгробные камни съ полуистертыми надписями, изъ коихъ одна означена 7154 (1646) годомъ.

Внѣшнія стѣны главной церкви раздѣлены выдавшимися лопатками, подъ одну кладку, на три половины, кверху замкнутыя мысообразными кокошниками или теремками, на нихъ прежде лежала черепичная кровля, а теперь они поддѣланы досками, на кои свѣшивается желѣзная кровля: изъ этихъ кокошниковъ выступаетъ квадратъ съ задѣланными окнами, а надъ нимъ пирамидальный шатеръ, покрытый желѣзомъ съ лѣстницею ко кресту. По обѣ стороны главнаго алтаря придѣльныя церкви также съ шатровыми верхами, въ коихъ выдаются пролеты. Цоколь изъ бѣлаго камня съ двойнымъ пояскомъ изъ кирпича.

---

1 Софійскій временникъ, 1, 427 и 29.
2 Моск. арх мин. юст. писцов. кн. 689 л. 1034—1039.
3 Расходная книга по патріаршему приказу, 7152 (1644), № 32.

Какъ во внѣшности, такъ и во внутренности замѣтны слѣды поновленій и передѣлокъ сего храма, испытавшаго силу времени и пожаровъ.

Изъ паперти, примыкающей къ обоимъ придѣламъ, ведутъ въ главную церковь Живоначальныя Троицы трое входныхъ дверей съ каменными архивольтами и съ желѣзными створами. По устройству своему, храмъ походитъ на соборную, какою была при всероссійскихъ митрополитахъ и патріархахъ. Внутренность ея довольно просторна и освѣщается окнами съ широкими отливами; пробои въ ихъ откосахъ показываютъ, что окна, кромѣ желѣзныхъ рѣшетокъ, закрывались еще желѣзными ставнями, для предохраненія отъ пожара. Надъ четырьмя поддугами идетъ рядъ консолей, поддерживающихъ карнизъ трибуна, образующаго воронку. На выбѣленныхъ стѣнахъ не видно слѣда стѣнописи; но ихъ украшаютъ нѣсколько старинныхъ иконъ, между коими замѣчателенъ точный списокъ съ чудотворнаго образа Спасителя на Спасскихъ воротахъ московскаго кремля. Такъ какъ церковь эта была сожжена непріятелями въ 1812 году и обращена съ сѣвернымъ придѣломъ въ конюшни, то пятиярусный ея иконостасъ новый; но иконы, большею частію, древнія, уцѣлѣвшія у иконописца, который ихъ въ то время поправлялъ у себя на дому.

Отъ древняго алтарнаго иконостаса царскія двери узорочной рѣзьбы съ иконописными клеймами сохранялись въ Ризположенской церкви патріаршаго двора, куда поступили еще въ 1648 г. Теперь онѣ стоятъ на сѣверной стѣнѣ въ Распятской церкви въ кремлевскомъ дворцѣ, какъ свидѣтельство, что въ началѣ XVII вѣка Троицко-Голенищевскій храмъ былъ вновь построенъ. Предъ иконостасомъ главнаго храма виситъ старинное мѣдное паникадило съ голубемъ на верху его матицы, какъ символомъ Св. Духа, а передъ придѣльными старинныя же съ двуглавыми орлами. Это прикладъ патріаршій. Но мѣста святительскаго нѣтъ; оно находилось на правой сторонѣ у западныхъ дверей, обитое сукномъ вишневымъ, локотники обиты бархатомъ вишневымъ, на немъ былъ чехолъ крашенинный зеленый; надъ патріаршимъ мѣстомъ образъ Спасовъ, писанъ на краскѣ [1].

Солея полукруглаго алтаря, возвышающагося на двѣ ступени надъ помостомъ храма, освѣщается тремя окнами съ дугообразными перемычками. Изъ подписи на антиминсѣ значится, что онъ освященъ 1816 года, октября 29, по благословенію преосвященнаго Августина.

Какъ въ алтарѣ, такъ и въ храмѣ помостъ выстланъ лещадью, вмѣсто настилки тонкимъ кирпичемъ въ ёлку ребромъ, какая осталась еще на помостѣ паперти.

Въ нашествіи татаръ, литовцевъ, поляковъ и французовъ ризница церковная утратила древніе святительскіе, великокняжескіе и царскіе приклады; отъ древняго времени, какъ памятникъ святой его простоты, уцѣлѣлъ одинъ деревянный потиръ, вышиною 5 вершковъ, съ плоскимъ дномъ и прямыми стѣнками, на коихъ съ одной стороны изображенъ искусною кистью зографа Деисусъ, а съ другой осмиконечный крестъ въ кругѣ. Къ потиру принадлежатъ два деревянныя блюдца съ изображеніемъ на нихъ Іисуса Христа въ видѣ Младенца, лежащаго подъ звѣздою, которую осѣняютъ рипидами два ангела. На одномъ изъ блюдцевъ — солнце озаряетъ Искупителя. По краямъ ихъ слѣдующая надпись: «Се агнецъ Божій вземляй грѣхи всего міра». Между церковными книгами есть Прологъ, печатанный въ Москвѣ 1677 года; по листамъ его прочтете слѣдующую надпись: «Лета 7185, по указу Великаго Г-на Святѣйшаго Патріарха Іоакима Московскаго і всеа Россіи дана сія книга Прологъ изъ Патріаршии домовые казны в Московскій уѣздъ в Патріаршее дворцовое село Троицкое, что на рѣкѣ на Сѣтунѣ в церковь Живоначальныя Троицы, тояжь церкви при попѣ Софоніи».

Изъ южныхъ дверей входимъ мы въ южный придѣлъ, посвященный московскому святителю Іонѣ митрополиту. Какъ въ 1812 году, св. мощи его сохранились неприкосновенными и неподвижными въ Успенскомъ соборѣ, такъ и здѣсь престолъ во имя его тогда уцѣлѣлъ отъ пожара. Въ алтарномъ его иконостасѣ на поклонѣ съ правой стороны только одинъ мѣстный образъ сего святителя, съ дѣяніями, писанный въ началѣ XVII вѣка; въ числѣ ихъ представляются: видъ древняго московскаго кремля и Успенскаго собора, чудесное исцѣленіе дщери вел. князя Василія Дмитріевича и невѣровавшаго боярина Василія изъ рода Кутузовыхъ, которые впослѣдствіе присвоили себѣ прозваніе *Голенищевыхъ*, соименное этому селу [2]. На лѣвой сторонѣ мѣстный образъ замѣненъ алтарною дверью съ изображеженіемъ на ней *благоразумнаго разбойника Раха*. Царскія врата со столпцами замѣчательны древностію формы и отчетливостью иконнаго письма, равно отсутствіемъ извѣстныхъ символовъ при четырехъ Евангелистахъ. Вѣроятно, образа сіи произведеніе патріаршихъ иконописцевъ. Надъ нижнимъ поясомъ возвышаются еще три стариннаго, отчасти подновленнаго письма: Деисусъ со свв. апостолами Петромъ и Павломъ, святителемъ Василіемъ Великимъ и Николаемъ чудотворцемъ, праздники и пророки: Захарія, Іезекіиль, Илія, Елисей, Іона и Аввакумъ. Въ тѣсномъ алтарѣ одно только узкое окно; жерт-

[1] См. историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. выпускъ 3, стр. 313. В. и Г. Холмогоровыхъ. Москва, 1886.
[2] Рос. родосл. книга кн. П. Долгорукова: Василий Ананьевичъ Голенище родоначальникъ Голенищевыхъ-Кутузовыхъ, част. 4, стр. 145.

венникъ помѣщенъ въ углубленіи стѣны. Судя по аркѣ, отъ коей сдѣланъ отступъ для иконостаса, видно, что прежде алтарь былъ еще меньше.

Изъ сѣверныхъ дверей главнаго храма, переходя въ трапезу, вступаемъ въ придѣлъ, отдѣленный отъ нея аркою. Здѣсь престолъ во имя св. мученика Агапія, празднуемаго церковію 15 марта, и неизвѣстно, кѣмъ, когда и по какому случаю устроенный. Алтарный иконостасъ и образа въ немъ новаго писанія; жертвенникъ такъ же въ углубленіи стѣны. На стѣнахъ трапезы поставлены нѣкоторыя древнія иконы большого размѣра, какъ-то: Воскресенія Христова, св. Николая съ дѣяніями и свв. Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ. Подъ симъ придѣломъ и трапезою каменные подвалы, гдѣ, говорятъ, прежде погребались тѣла усопшихъ.

Мы тщетно искали во всѣхъ трехъ церквахъ óбраза святителя Кипріана, любившаго уединяться въ этотъ святой пріютъ, гдѣ сей ученый болгаринъ[6], современникъ Донского, писалъ житіе своего предмѣстника, первосвятителя московскаго Петра, гдѣ переводилъ церковныя книги съ греческаго на словенорусскій, между прочимъ и Кормчую книгу, положилъ основаніе Лѣтописи Русской и Степеннымъ книгамъ, и гдѣ, за четыре дня до кончины своей, сочинилъ прощальную грамоту, которую завѣщалъ прочесть при погребеніи своемъ предъ паствою своей. Вступивъ на первосвятительскій престолъ послѣ св. Алексія митрополита, 1380 года, онъ вынужденъ былъ оставить его, чрезъ нѣсколько времени, по неудовольствію съ в. к. Димитріемъ Донскимъ; потомъ послѣ странствій въ Царьградъ, снова вызванный въ Москву 1390 г. сыномъ Донского, онъ болѣе пребывалъ въ *опришномъ* селѣ своемъ на Голенищевѣ и оставлялъ его только тогда, когда призывали въ столицу дѣла церкви и отечества. Степенная книга, дополненная всероссійскими митрополитами Макаріемъ и Аѳанасіемъ, намъ вѣрнѣе опишетъ св. Кипріана въ этомъ пріютѣ, освященномъ духовными и учеными его подвигами: «Пребывая въ своемъ селѣ на Голенищевѣ, между двою рѣкъ Сѣтуни и Раменки, идѣже тогда бысть оба полы лѣсъ многъ, идѣже есть церковь Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, и пребывая тамо, епіскопы и попы ставляше, идѣже и книги своею рукою писаше и многія святыя книги съ греческаго на русскій преложи и довольно писанія къ пользѣ намъ остави и великаго чудотворца Петра Митрополіта житіе написа». Не задолго до блаженной смерти своей, Кипріанъ уже больной, 1406 года, рукоположилъ въ своемъ Голенищевѣ Митрофана во епископа Суздальскаго. Сентября 16, того же года здѣсь преставился сей всероссійскій митрополитъ, по сказанію Софійскаго временника, «въ старости велицѣ», на 30 году своего святительства. Отсюда св. мощи его несены были въ Москву на отпѣваніе и погребеніе въ сопровожденіи духовенства съ тремя архіереями. Преемники Кипріана чтили сіе мѣсто его уединенія и сами нерѣдко сюда уединялись. Самый придѣлъ во имя святителя Іоны служитъ напоминаніемъ о пребываніи здѣсь сего святителя. Въ XVII вѣкѣ на Голенищевѣ существовалъ дворъ московскихъ патріарховъ, которые живали въ немъ лѣтнею порою и въ здѣшней церкви священнодѣйствовали. Дѣла Сѵнодальнаго Правленія 1752 г. такъ описываютъ намъ обиходъ патріаршаго жилья: «Дворецъ, а въ немъ палаты каменныя въ одинъ аппартаментъ съ крыльцемъ прихожимъ на четырехъ столбахъ, съ шатровымъ верхомъ, палата скатертная черная, палата дворянская, палата пѣвческая съ каменнымъ крыльцемъ, палата посельская, гдѣ живалъ посельскій старецъ, казенная палата. Надъ вышеписанными палатами каменными покои деревянныя въ два аппартамента, были кельи святѣйшаго патріарха. Сушило «о пяти стѣнкахъ, приспѣшня, поварня, при церкви богадѣльня ветхая». Изъ описи также правленія 1744 года видно, что этотъ «патріаршій дворецъ огороженъ былъ съ пріѣзду, съ передней и лѣвой стороны каменными стѣнами съ башнями». Старожилы, лѣтъ за семьдесятъ назадъ тому, помнили его. На южномъ холмѣ предъ церковью, прежде былъ патріаршій плодовый садъ; въ немъ росли яблоки, груши и вишни, смородина, малина, крыжовникъ и т. п. Садъ окружали риги и гумна. Отъ церкви и поповскаго луга простирались на три версты пруды съ рыбою. Все это обнаруживаетъ домашній обиходъ святителей въ ихъ сельскомъ пріютѣ, гдѣ они освящали свой досугъ молитвою и трудомъ, гдѣ занимались устройствомъ своего хозяйства, разводя сады, огороды и пчельники. Въ 1780 г. всѣ вышеназванныя строенія были проданы отъ Государственной Коллегіи Экономіи за 1652 руб.[7]

По смерти патріарха Адріана и съ упраздненіемъ патріаршества, вотчины патріаршія поступили въ общее государственное управленіе. Въ 1729 г. декабря 13 село Троицкое-Голенищево пожаловано со всѣми къ нему деревнями и принадлежностями въ вѣчное владѣніе оберъ-камергеру князю Ивану Алексѣевичу Долгорукову[8], а въ 1730 г. отписано было на ея императорское величество и указомъ 25-го іюля 1731 г. повелѣно всѣ доходы какъ денежные, такъ и хлѣбные и прочіе сбирать въ Дворцовую

[6] Хотя Максимъ Грекъ первый выдалъ св. Кипріана за серба, но родина его и нарѣчіе показываютъ въ немъ болгарина.
[7] См. Каменнаго Приказа кн. 14 дѣла № 113, въ Арх. Мин. Юст.
[8] См. въ Арх. Моск. Двор. Кон. опись 6, реэстръ 6, дѣло 3, годъ 1729.

канцелярію. Въ 1730 г. это село заключало въ себѣ: «дворъ помѣщиковъ, дворъ конюшей, дворъ скотной. дворъ конюховъ, крестьянскихъ 221 дворъ, въ нихъ мужеска 656 душъ, женска тожъ»[*].

Здѣсь посѣщали всероссійскихъ митрополитовъ и патріарховъ государи россійскіе въ храмовые праздники. Изъ царскихъ выходовъ видимъ, что 1666 и 1675 г. царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ пѣшкомъ къ обѣдни изъ села Воробьева въ патріаршее Троицкое; царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ 1679 и 80 г. тамъже въ Петровъ день слушалъ божественную литургію, а въ 1681 году праздновалъ въ Голенищевѣ тезоименитство дочери своей царевны Ѳеодосіи. Достопамятное сіе мѣсто обозрѣвала великая княгиня Елена Павловна въ 1843 году. Судя по частымъ посѣщеніямъ и вкладамъ патріарха Іоакима, онъ особенно любилъ пріютъ Кипріана и, подобно сему святителю, здѣсь посвящалъ досугъ свой на духовныя сочиненія. На колокольнѣ сохранился полиелейный колоколъ съ слѣдующею надписью, вырѣзанною вглубь: «лѣта 7185-го (1677), по указу великого гдна Святѣйшаго Иоакима Патриарха Московского и всея Русіи выменен сей колкол на старой розбитой колкол, въ Московской уѣзд в домовое село Троецкое-Голянищево к церкви Живоначальной Троицы, вѣсу 25 пуд.» Свидѣтельствомъ же неотступности благословенія московскихъ святителей на семъ мѣстѣ служитъ то, что во время чумы 1771 года и другихъ повальныхъ болѣзней оно оставалось безопаснымъ.

Наравнѣ съ домовыми селами Пречистыя Богородицы и митрополичьими Голенищево въ Сѣтунскомъ стану пользовалось неподсудностію намѣстникамъ и волостелямъ, какая дарована была ему жалованною грамотою великаго князя Іоанна III въ 1504 году, на имя всероссійскаго митрополита Симона: въ этомъ дворцовомъ митрополичьемъ селѣ «запрещено было ставиться князьямъ, боярамъ, воеводамъ ратнымъ и всякимъ ѣздокамъ, брать кормы, подводы и проводниковъ». Грамота сія подтверждалась преемниками в. к. Іоанна Васильевича, уважавшими сіе мѣстопребываніе святителей московскихъ.

На погостѣ церковномъ лежитъ камень съ слѣдующею надписью:

«1798 году февраля дня преставился рабъ Божій его благородіе Василій Яковлевичъ Семеинъ смотритель казеннаго Сетунскаго кирпичнаго заводу а жития его было 34 года і 2 мѣсяца».

[*] См. въ Арх. Моск. Двор. Кон. реэстръ 6, дѣло № 194, годъ 1731

СОБОРЪ ВЪ ЗВЕНИГОРОДѢ.

Звенигородскій Успенскій соборъ остался для насъ единственнымъ памятникомъ древняго Звенигородскаго княженія и епархіи. Удѣльные князья Звенигородскіе извѣстны въ отечественной исторіи до XVI вѣка, когда царь Іоаннъ Васильевичъ далъ этотъ удѣлъ двоюродному брату своему, князю Владиміру Андреевичу, и потомъ присоединилъ его къ Московскому государству. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ князья Звенигородскіе имѣли уже свои дворы въ Москвѣ. Епископы Звенигородскіе появляются въ исторіи россійской іерархіи не прежде, какъ въ XIV вѣкѣ; первый изъ нихъ Даніилъ, а послѣдній, въ концѣ XVII вѣка, Никита.

Ни лѣтописи, ни грамоты, ни настѣнныя надписи не сообщаютъ намъ положительныхъ свѣдѣній о времени построенія этой соборной церкви въ Звенигородѣ; одно безотчетное преданіе приписываетъ ея сооруженіе великому князю Всеволоду Ярославичу, умершему 1093 г., когда еще о Москвѣ и помину не было. Сомнительно, чтобы онъ, среди нестроенія на Руси, среди распрей своихъ съ родственниками и набѣговъ половецкихъ, успѣлъ соорудить храмъ на сѣверо-востокѣ ея, еще рѣдко населенномъ и мало извѣстномъ на югѣ. Достовѣрнѣе признать можно первымъ храмоздателемъ князя Всеволода III Георгіевича, сына в. кн. Юрія Долгорукаго; ибо въ сѣверной Руси онъ былъ сильнѣе своего брата в. кн. Андрея Боголюбскаго. Тогда уже огласилось въ русскомъ мірѣ бытіе Москвы или Москова, славились чудныя каменныя соборныя церкви во Владимірѣ съ 1158 г., Переяславлѣ 1170 г., Ростовѣ 1213 г. Но говоря о сооруженіи Всеволодомъ собора въ Звенигородѣ, не должно забывать, что соименный сему городъ тогда находился въ Кіевскомъ и Червенскомъ княжествахъ.

Какъ бы то ни было, но въ Тохтамышево нашествіе сѣверо-восточный Звенигородъ испыталъ одинакую участь съ Москвою; вмѣстѣ съ городомъ сожженъ былъ и соборъ. Въ это время княжилъ въ Звенигородѣ набожный сынъ Димитрія Донского Георгій, который присовѣтовалъ святому ученику преподобнаго Сергія Саввѣ основать въ его княжествѣ Сторожевскій монастырь, гдѣ Георгій соорудилъ въ честь Рождества Богородицы каменную церковь, по стилю, сходную съ Звенигородскимъ соборомъ. Это ведетъ къ предположенію, что благовѣрный Георгій, ревнитель церковнаго благолѣпія, возобновилъ или вновь построилъ Звенигородскій соборъ. Если бъ не было у Владимірскаго в. князя, Всеволода III сына Георгія и другого Звенигородскаго князя Георгія, сына Іоанна III, то съ вѣроятностью можно бъ заключить, что бывшій придѣлъ собора во имя св. великомученика Георгія устроенъ сыномъ Донского; ибо удѣльные и великіе князья имѣли благочестивое обыкновеніе созидать церкви, или придѣлы въ честь тезоименитыхъ себѣ святыхъ.

Послѣ ужаснаго пожара въ Москвѣ, истребившаго много церквей, въ 1547 г., царь Іоаннъ Васильевичъ взялъ въ Москву изъ Звенигородскаго собора нѣкоторыя древнія иконы. Въ польское нашествіе этотъ храмъ утратилъ драгоцѣнные вклады своихъ удѣльныхъ князей и святителей; недавно только заглажены и закрашены слѣды его въ польскихъ письменахъ, начертанныхъ на стѣнахъ храма. За этимъ разгромомъ послѣдовалъ пожаръ; соборъ возобновленъ былъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Въ 1739 г. протопопъ Звенигородскаго собора Яковъ Осиповъ входилъ въ контору правительствующаго сената съ доношеніемъ объ исправленіи ветхостей въ соборѣ. Въ доношеніи его написано: «по состоявшемуся въ прошломъ 1730 г. ея величества указу велѣно которые храмы святые, отъ скудости или инымъ какимъ образомъ опустѣли, возобновить и всѣми потребными удовольствовать, а въ вышереченной соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы имѣются утвари церковныя: на престолѣ святое евангеліе, на немъ евангелисты мѣдные, сосуды: потиръ и дискосъ оловянные, ризы однѣ, — и тѣ ветхіе, два кадила мѣдныя, ветхія; книгъ 12 миней мѣсячныхъ; два осмогласника, апостолъ, псалтирь съ слѣдованіемъ и требникъ, всѣ ветхія; а иныхъ книгъ четныхъ прологовъ и прочихъ не имѣется, образы святыя въ деисусѣ весьма ветхіе жъ, на которыхъ и лику не имѣется; а иныя церковныя утвари въ той соборной церкви чаши водосвятныя, укропника, подсвѣшниковъ и прочаго

ничего не имѣется, потому что при прежнихъ протопопахъ оную соборную церковь воровскіе люди грабили; такожъ на той соборной церкви кровля и глава деревянная вся огнила и крестъ на главѣ весьма поколебался и едва содержится, а въ окнахъ оконницы стеклянныя развалились и выпадали, и сквозь своды во многихъ мѣстахъ въ лѣтнее время идетъ дождевая вода. При той же соборной церкви имѣется колокольня деревянная, на ней 5 колоколовъ, вся огнила, а приходскихъ людей при соборной церкви и вкладчиковъ нѣтъ и за нестроеніемъ въ той соборной церкви нынѣ служба Божія отправляется съ великою нуждою, потому что въ лѣтнее время въ церковь въ окна набиваетъ дождемъ и зимою наноситъ снѣгомъ, и птицы въ церковь таскаютъ всякой соръ, и просилъ: показанною церковною утварью соборную церковь наградить, такожъ и церковную ветхость строеніемъ возобновить и прочее, что показано выше, зданіемъ произвесть».

1741 г. 20 іюля опредѣленіемъ Коллегіи Экономіи велѣно: «для осмотра и учиненія смѣты сколько чего къ тому исправленію надлежитъ и на какую сумму вся та ветхость исправиться можетъ, послать архитектора Мичурина».

Въ томъ же году отъ Мичурина представлена въ Коллегію Экономіи опись, въ которой значится: «въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ иконостасѣ образъ Богоматери Одигитріи, образъ Живоначальныя Троицы, образъ Воскресенія Христова, образъ Успенія Богоматери, образъ Сергія Чудотворца и преподобнаго отца Саввы Звенигородскаго чудотворца, означенныя образа надлежитъ починить красками и золотомъ; вышиною оныя по 2 аршина, шириною по 1 аршину 10 вершк., сѣверныя и южныя двери мѣстами обетшали, надлежитъ починить красками и золотомъ; да въ означенной церкви въ алтарѣ стѣнное письмо облиняло, надлежитъ возобновить; оная церковь длиною 10 аршинъ, шириною 17 аршинъ; также къ троимъ дверямъ затворы желѣзные надлежитъ вновь сдѣлать, оные вышиною по 4 аршина по 10 вершковъ, шириною по 2 аршина съ четвертью; оной же церкви подъ главою въ шеѣ 22 окончины разныхъ мѣръ, ветхи, надлежитъ вновь сдѣлать стеклянныя, да подъ означенною церковью, предѣломъ и алтарями крыша тесовая, ветха, надлежитъ вновь сдѣлать, оная длиною 22 аршина съ половиною, шириною 19 аршинъ съ половиною». Да въ предѣлѣ Великомученика Георгія иконостасъ и въ немъ 5 образовъ, такожъ царскія и сѣверныя двери, оное все надлежитъ мѣстами починить красками и золотомъ. Да при помянутой церкви колокольня деревянная шести-угольная бруцатая, ветха, надлежитъ разобрать и вновь сдѣлать; оная по окруженію 27 аршинъ, высотою 15 аршинъ, всего на сумму 406 р. 96 коп., съ работой».

При этомъ протопопъ Яковъ Іосифовъ объяснилъ, что «въ помянутомъ соборѣ ризъ, сосудовъ и протчихъ принадлежностей къ служенію не имѣется и безъ оныхъ въ служеніи обойтиться не возможно, а именно: въ соборѣ на престолѣ одежды и срачицы; Евангеліе съ евангелисты серебреными, ризы празнишныя, воскресныя, также стихари дьяконскіе съ олорями и съ поручи; книгъ: Евангеліе толковое, повседневное; апостолъ, псалтырь со слѣдованіемъ, другая малая, прологи и минеи во весь годъ; два осмогласника, соборникъ, уставъ, требникъ, гермалогій печатный, другой нотной съ обиходомъ; сосуды: потиръ, дискосъ со звѣздою серебреныя, такожъ покровы съ воздухами; два кадила: одно — серебреное, другое - мѣдное; два подсвѣшника большихъ мѣдныхъ, 4 малыхъ мѣдныхъ, чашу водосвятную большую, другую — малую, укропникъ, два блюда большихъ, два ковшика на теплоту, ковчегъ, финикъ, двѣ пелены налойныя большія, 4 — малыхъ; да въ предѣлѣ на престолъ и жертвенникъ одѣяніе»[1].

Какое сдѣлано было распоряженіе объ исправленіи Успенскаго собора — изъ дѣла не видно; но извѣстно, что съ 1830 по 1837 г. службы въ соборѣ не было по причинѣ ветхостей, кои исправлены попеченіемъ Звенигородскаго купца Рухманова. Тогда внутри вынуты были прежнія дубовыя связи, состоявшія изъ брусьевъ толщиною 6 вершковъ квадратно; для большей прочности, извнѣ зданіе связано толстыми желѣзными полосами.

И такъ, за недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ, о древности своей самъ будетъ гласить этотъ памятникъ церковнаго зодчества. Судя по матеріалу, кладкѣ и стилю, онъ долженъ быть современенъ Переславскому Преображенскому собору; по стилю представляетъ переходъ отъ суздальскаго владимірскаго зодчества къ московскому.

Онъ стоитъ на лѣвомъ берегу Москвы рѣки, надъ уровнемъ ея около 90 саженъ. Самое урочище его называется *городомъ, на городу*, отъ коего уцѣлѣлъ земляной валъ, сдѣланный въ видѣ прямоугольника. Въ срединѣ укрѣпленія, близъ собора, вѣроятно, находился княжескій дворъ съ его службами; потому что гора, смежная съ соборною, слыветъ *конюшеннымъ дворомъ*.

---

[1] См. Моск. Арх. Мин. Юст. Синод. Эконом. Прав., вязка 291, № дѣла 25

Соборъ составляетъ квадратъ съ тремя полукружіями алтаря на востокъ, длиною 27, а шириною 18 аршинъ. Надъ четырехскатною кровлей возвышается на длинной шеѣ, или барабанѣ, шишакообразная глава, увѣнчанная четвероконечнымъ крестомъ, съ короною вверху и съ полумѣсяцемъ внизу; прежде кровля была крыта гонтомъ, глава черепицею, а нынѣ желѣзомъ. Несмотря на передѣлки и поновленія, въ планѣ и фасадѣ собора сохранился русскій стиль, какимъ запечатлѣны древнѣйшія церкви на сѣверо-востокѣ Россіи.

Зданіе это складено изъ крупныхъ цокольныхъ бѣлыхъ камней точками, образующихъ въ два ряда облицовку, между коею наваленъ бутъ, залитый известковымъ растворомъ и столь крѣпко склеившійся, что облицовка съ бутомъ составляетъ какъ бы одну массу. Такая смѣшанная кладка служитъ признакомъ древнѣйшихъ каменныхъ построекъ въ Россіи греками и фрязинами; она употреблялась древними греками подъ названіемъ *эмплектонъ*. Греки научили такъ строить римлянъ, а впослѣдствіи на западѣ, съ XII до XVI-го столѣтія по Р. Х., подобная кладка была въ большомъ употребленіи, такъ что Италіанскіе архитекторы ввели ее въ Россію: Фіоравенти такимъ способомъ соорудилъ стѣны Московскаго Успенскаго собора; еще въ XI-мъ столѣтіи греческіе художники изъ Царьграда этою же кладкой созидали Кіевскій Софійскій соборъ при Ярославѣ I и Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. На внѣшнихъ стѣнахъ зданія по четыре приставныя тонкія полуколонки; оканчиваясь капителями съ откосами, онѣ образуютъ по три арки. На трехъ сторонахъ зданія надъ капителями замѣтенъ недостатокъ карнизной части, для коей приставныя полуколонки служатъ поддержкою. При соборѣ уцѣлѣла одна изъ капителей полуколоннъ сѣверовосточнаго угла собора, дл. 13, шир. $7^1/_2$ вер., которая занимала полое мѣсто въ карнизѣ; подставъ служившій для поддержки какого-либо завершенія, отъ котораго слѣдовъ не осталось. Въ настоящее время верхъ храма выровненъ подъ горизонтальный карнизъ четырехскатной кровли, при чемъ сбиты вершины закомаръ. Между верхними и нижними окнами идетъ по сѣверной стѣнѣ тройной поясъ изъ бѣлаго камня, съ высѣчкою разныхъ узоровъ. Подобные орнаменты украшаютъ Троицкій соборъ въ Сергіевской лаврѣ и Рождественскій въ Саввинскомъ монастырѣ; это сходство орнаментовъ служитъ, между прочимъ, указаніемъ на время постройки собора. Окна, одни древнія узкія, длинныя, сведенныя мысомъ, а другія раздѣланныя шире съ дугообразными перемычками для бóльшаго освѣщенія. Въ среднемъ полукружіи древнее узкое и длинное окно, а въ боковыхъ прежнія заложены кирпичами и вмѣсто ихъ сдѣланы новыя. Въ западной стѣнѣ замѣчательны два крестообразныхъ окна, какія попадаются въ древнихъ византійскихъ храмахъ. Трои входныя врата съ архивольтами на импостахъ, такія же, какія въ церквахъ XII, XIII и XIV вѣковъ; створчатыя въ нихъ двери дубовыя, обитыя желѣзомъ. Предъ входами ступенчатые каменные рундуки. На паперти профессоръ К. Ф. Рулье замѣтилъ камни, на коихъ видны раковины chaetetes radians и spirifer mosquensis, доказывающія, что во время древнѣйшей постройки собора бѣлый камень ломали уже изъ верхняго яруса горнаго известняка, который и донынѣ достаютъ его единственно въ Московской губерніи. На внѣшнихъ стѣнахъ собора нѣтъ ни лѣтописи, ни надгробныхъ камней, ни тѣхъ крестовъ, какіе находятся въ древнихъ новгородскихъ церквахъ.

По внутренности своей Звенигородскій соборъ сходенъ съ Переславскимъ. Тотъ же планъ, общій византійской церкви. На четырехъ столбахъ лежатъ арки, поддерживающія своды и трибунъ. Положеніе внутреннихъ столбовъ, относительно внѣшнихъ пилястръ и полуколоннъ заставляетъ предполагать, что столбы, куполъ и своды были сложены вновь во время возобновленія собора, но въ какое время, о томъ лѣтописныхъ указаній не имѣется. Полъ лещадный. У западной стѣны полати или хоры, на кои ведетъ въ сѣверной стѣнѣ лѣстница, такъ, какъ и въ Переславскомъ соборѣ. Между двухъ палатокъ, хранящихъ церковную утварь и старинный алтарный иконостасъ Георгіевскаго придѣла, средина служила помѣщеніемъ для женскаго пола, какъ видно изъ устройства древнихъ церквей въ Россіи. На полатяхъ также сберегалась и кузнь (казна и вещи) церковная. Въ храмѣ не видно княжескихъ и епископскихъ гробницъ, какія встрѣчаемъ въ соборахъ другихъ удѣльныхъ княжествъ. Внутренность зданія освѣщается стѣнными окнами въ два свѣта и 8 окнами изъ сквозного трибуна.

Стѣны покрыты стѣнописью на маслѣ. По свидѣтельству звенигородскаго старожила, А. В. Брюзгина, назадъ тому 96 лѣтъ, ихъ украшали изображенія разныхъ святыхъ. На лбѣ купола былъ написанъ Господь Вседержитель въ преувеличенномъ размѣрѣ.

Алтарный иконостасъ въ пять поясовъ, посредственной работы, не ранѣе конца XVII вѣка, ибо верхъ его увѣнчивается Распятіемъ, которое начали ставить надъ Деисусомъ, вмѣсто изображенія Господа Саваоѳа, въ силу дѣяній Московскаго Собора 1667 г. Мѣстныя иконы стараго письма: храмовая — Успеніе Богоматери, Спаса Вседержителя, Владимірскія Богоматери и Живоначальныя Троицы. Отъ древняго иконостаса уцѣлѣли однѣ только царскія двери съ городками и столпцами, обложенныя серебромъ. Предъ ними виситъ мѣдное паникадило съ двуглавымъ орломъ на матицѣ. Судя по откры-

тымъ фрескамъ позади иконостаса на средостѣніи алтаря, оно прежде замѣняло иконостасъ, впослѣдствіи къ нему приставленный. Подобная стѣнопись обнаружена за алтарнымъ иконостасомъ и въ Рождественскомъ соборѣ Саввина монастыря, Московскаго Успенскаго собора и въ другихъ древнихъ храмахъ, построенныхъ до конца XVII вѣка. Это служитъ доказательствомъ вмѣстѣ съ другими свидѣтельствами, что въ древнихъ церквахъ иконостасъ алтарный тогда замѣнялся фресками на средостѣніи, или только мѣстными иконами на поклонѣ. Изъ звенигородскихъ фресковъ укажемъ на два извѣстные намъ, позади мѣстныхъ иконъ Успенія Богоматери и Св. Троицы. Первый изображаетъ двухъ святыхъ мужей, повидимому, пророковъ, одного со свиткомъ въ рукахъ; другой — ангела въ схимническомъ образѣ (мантіи, куколѣ и аналавѣ); держа въ одной рукѣ хартію, другою касаясь чела своего, онъ, кажется, обращаетъ рѣчь къ стоящему предъ нимъ святому старцу съ согбенными на персяхъ руками и съ поникшею головою. Твердый и смѣлый рисунокъ этихъ фресковъ принадлежитъ византійской школѣ. Изъ надписей на хартіяхъ архимандритъ Леонидъ (впослѣдствіи епископъ Ярославскій) въ 1872 г. разобралъ слѣдующее на свиткѣ старца: «Повѣда отрочати, бисеръ (или бисеры) безцѣнный (или безцѣнные) еже (или же) есть Христосъ и зрю тя глубину внимательною вѣрою Христу».... На хартіи, держимой въ рукахъ ангела: «Ангелъ нѣкій явися Пахомію, и рече ему: еже о себѣ исправилъ еси, унше, туне убо сѣдиши въ пещерѣ сей и зри...[2]. По сравненіи съ славянскими азбуками разныхъ вѣковъ, надписи сіи относятся къ концу XIV столѣтія, когда, вѣроятно, соборъ Звенигородскій возобновленъ былъ кн. Юріемъ Дмитріевичемъ. На одномъ изъ столбовъ находится древній образъ Вознесенія Господня, на коемъ прославленный Христосъ возносится на небо четырьмя ангелами.

Самый алтарь съ полусферическимъ сводомъ, составляетъ полукружіе, вдоль стѣны коего идутъ каменныя лавки; отъ жертвенника и ризницы отдѣляется онъ простѣнками съ арками, кои ведутъ въ оба предалтарія. Въ стѣнахъ его еще сохранились прежнія дубовыя связи. Престолъ каменный; въ южномъ предалтаріи находился вышесказанный придѣлъ Георгіевскій, коего престолъ обращенъ въ жертвенникъ главнаго храма. Храмовая его икона, въ 1812 г., сопутствовала въ походахъ графу Платову и, по окончаніи компаніи, обложенная серебряною ризою, препровождена въ Саввинъ монастырь. На стѣнахъ, гдѣ отвалилась штукатурная затирка и пробѣлка, обнаруживаются на синемъ полѣ въ кругахъ орнаменты съ византійскихъ прорисей, кои украшали общую панель церкви.

При соборѣ стояла деревянная колокольня, назадъ тому 80 лѣтъ замѣненная кирпичною, которая представляется на рисункѣ.

Къ обозрѣнію нашему сего древняго памятника благочестія и художества на сѣверо-востокѣ Россіи, присоединимъ мѣстное преданіе, которое гласитъ, будто между соборомъ и обителью Саввинскою нѣкогда существовали два монастыря, изъ коихъ одинъ, Петровскій, переведенъ въ Москву.

Хотя это преданіе и не подтверждается письменными памятниками, но даетъ поводъ предполагать незапамятную давность населенія Звенигорода совокупно съ древностью его собора и могильныхъ кургановъ, гдѣ въ 1838 году открыты остовы человѣческіе съ мѣдными украшеніями, браслетами, серьгами, перстнями и ожерельями. А. Д. Чертковъ, описавшій намъ сіи находки въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, съ достовѣрностію полагаетъ, что это остатки Мери, жившей въ сѣверной части Московской губерніи и въ Звенигородскомъ уѣздѣ[3].

[2] Сборникъ на 1873 г., изд. Общ. Древне-Русскаго искусства, стр. 114.
[3] При составленіи этой статьи, мы, между прочимъ, пользовались указаніями предсѣдателя Московскаго Архитектурнаго Общества Н. В. Никитина.

СЕЛО БЕСѢДЫ.

Въ Московскомъ уѣздѣ, въ 25 верстахъ отъ столицы, село Бесѣды раскинуто между оврагами, на правомъ крутомъ берегу Москвы рѣки, при впаденіи въ нее рѣкъ Нетечки и Горденки. Въ древности оно окружено было дремучими лѣсами. На противоположной сторонѣ виденъ Угрѣшскій монастырь.

Преданіе относитъ начало этого села ко временамъ в. кн. Димитрія Донского, который, готовясь идти на битву съ Мамаемъ, будто здѣсь раскидывалъ шатеръ свой и бесѣдовалъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ и дружиною. Въ памяти патріарха Филарета 1620 г. значится, что, послѣ смерти князя Владиміра Андреевича, княгиня Елена Ольгердовна дала село Кудрино и со всѣми деревнями и съ селищи по рѣку по Ходыню, да по *Бесѣды*. Но не извѣстно, то ли это село, лежащее отъ Москвы въ 25 верстахъ, или урочище московское. Въ географической номенклатурѣ встрѣчаются другія соименныя ему. По писцовымъ книгамъ 1626 г. село и пустошь Бесѣды находились въ Можайскомъ уѣздѣ; Бесѣдами называется рѣка въ Бѣлицкомъ повѣтѣ, близъ городка, и городище на Волгѣ въ Тверскомъ уѣздѣ. Въ книгѣ Большого Чертежа упоминается *Донская Бесѣда* на Дону, въ грамотѣ Менгли-Гирея *Большая Бесѣда;* въ лѣтописи *Пасынча Бесѣда* среди Кіева, въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ *Бесѣда дорогъ рыбей зубъ.* Изъ этого видно, что бесѣда значила сѣдалище, ставку. Стеченіе трехъ рѣкъ и высота мѣста дали поводъ Ходаковскому заключать, что и здѣсь издревле было городище, т.-е. мольбище, требище. Въ писцовыхъ книгахъ по Московскому уѣзду 1623—24 годовъ Жданскаго стана, говорится: боярина князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго за княгинею Анною Васильевною въ вотчинѣ, село Бесѣды на рѣкѣ на Москвѣ, а въ селѣ церковь каменная Рожество Христово да предѣлъ Дмитрея Селунскаго да Ѳедора Стратилата, да преподобнаго Ѳеодосія, строеніе вотчинниково; да въ селѣ жъ дворъ вотчинниковъ, а въ немъ живутъ люди его служилые и конюхи, да дворъ скотцкой, а въ немъ живетъ пастухъ, во дворѣ прикащикъ Нагай Смагинъ[1].

Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа подъ 1628 г. значится: «церковь Рожества Христова въ вотчинѣ князя Дмитрея Тимоѳеевича Трубецкаго въ селѣ Бесѣдахъ»; за послѣдующіе 1635—1672 г. упоминается «въ вотчинѣ княгини Анны Васильевны жены боярина князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго»[2].

Въ переписныхъ книгахъ 1646 г. по Московскому уѣзду въ числѣ уже дворцовыхъ селъ упоминается село Бесѣды, на рѣкѣ Москвѣ, въ селѣ церковь Рождества Христова съ двумя придѣлами[3]. Въ 1767 г. февраля 23, оно пожаловано графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, по слѣдующему указу данному Екатериною, вотъ его содержаніе: «Указъ Нашей Дворцовой Канцеляріи. Всемилостивѣйше пожаловали мы нынѣ безъ всякаго зачета нашему генералъ-адъютанту гвардіи маіору графу Алексѣю Орлову Московскаго уѣзда село Островъ и село Бесѣду съ приписанными къ нимъ деревнями и приселками и со всѣми принадлежащими угодьи, землями пашенными, лѣсами и сѣнными покосами въ вѣчное и потомственное владѣніе, о чемъ и указъ нашъ сенату данъ, чего ради повелѣваемъ Дворцовой Канцеляріи, оставя прежнія о пожалованіи сего имѣнія указы исполнять по сему. Екатерина. 23 февраля 1767 г. въ Москвѣ[4]. Теперь село Бесѣды находится въ вѣдомствѣ Государственныхъ Имуществъ.

Время и пожары истребили тамъ царское хозяйственное заведеніе; отъ прежняго быта остался единственный памятникъ — каменная древняя церковь, сходная стилемъ своимъ съ Коломенскою и Троицко-Голенищевскою, коихъ рисунки помѣщены въ этомъ изданіи, и съ Богоявленскою на Троицкомъ Кремлевскомъ подворьѣ, которая изображена на старинныхъ картинахъ коронованія царя Михаила Ѳеодоровича.

---

1 Писц. кн. 9807, л. 128—129, въ Арх. Мин. Юст.
2 Патр. Прик. кн. 2, л. 196; кн. 77, л. 49; въ томъ же Архивѣ.
3 См. въ Арх. Мин. Юст. Переписн. кн. 9809, л. 438—439.
4 См. Именные указы съ 1730 по 1768 годъ № 8 въ Арх. Моск. Дв. Конторы

Самое зданіе состоитъ изъ нижняго квадрата, средняго осмерика и верхняго осмиграннаго шатра. Нижній ярусъ складенъ изъ бѣлаго камня, добываемаго въ ближней Мячковской каменоломнѣ, и внутри забученнаго щебнемъ съ известью, такъ что тесаный камень съ обѣихъ сторонъ служитъ облицовкою. Связи въ нижнемъ и среднемъ ярусахъ дубовыя, а въ верхнемъ желѣзныя. Кирпичный верхъ, обставленный теремками и бочкáми, увѣнчивается маленькою главою съ осмиконечнымъ крестомъ на полумѣсяцѣ. Восточная часть состоитъ изъ высокаго цоколя съ узкимъ окномъ и изъ трехъ надъ нимъ отлогихъ дугъ съ тремя окнами, изъ коихъ одно только сохранило прежній свой стиль, а другія расширены для большаго освѣщенія алтаря. Надъ ними архитравъ и карнизъ изъ кирпичей. Прежде, мы полагаемъ, окружала этотъ храмъ каменная, открытая ходовая паперть съ однимъ западнымъ входомъ, надъ коимъ возвышалась шатровая звонница. Теперь пристроены колокольня и обширная трапеза съ двумя придѣлами: въ честь св. пророка Иліи и Покрова Божія Матери.

Во внутренности храма еще сохранились нѣкоторые слѣды его древности. На стѣнахъ, выбѣленныхъ известью, не видно никакой стѣнописи. Сводъ осмигранный, конической фигуры, съ пазухами и голосниками въ малыхъ нишахъ между двумя красивыми карнизами внутри трибуна. Вверху трибуна освѣщаютъ храмъ три окна, въ коихъ прежде были слюдяныя оконницы; окна же въ сѣверной и южной стѣнахъ, выходившія на паперть, теперь закладены. Помостъ изъ бѣлаго камня.

Алтарный иконостасъ не древнѣе XVIII вѣка, въ четыре пояса; а прежде былъ только въ два. Иконы въ немъ старыя, большею частію, записанныя при поновленіи. Изъ нихъ древнѣе мѣстныя греческаго пошиба, въ мѣдныхъ окладахъ, но не отличныя по искусству: Спáсителя, Одигитрія Божія Матери, храмовый Рождества Христова и св. Николая Можайскаго съ чудесами. Отъ древнихъ царскихъ дверей, замѣненныхъ новыми изъ московской церкви Ржевскія Богоматери съ образами въ клеймахъ прекраснаго фряжскаго стиля, осталась одна фрамуга; на ней изображенъ Господь Саваоѳъ и Тайная Вечеря въ двухъ видахъ: сверху читаете: «Сия врата Господня, праведнi внидутъ в ня».

Въ алтарѣ съ коробовыми сводами, раздѣленномъ арками на три части, престолъ каменный. Лѣтъ тому за 90, по сказанію семидесятипятилѣтняго причетника, въ печуркѣ этого престола найденъ сосудъ, выточенный изъ березоваго дерева и покрытый красною краской. Подъ верхней доской положены были древніе антиминсы. Теперь этотъ потиръ хранится въ ризницѣ. На чашѣ его написанъ масляными красками Деисусъ и осмиконечный крестъ на Голгоѳѣ. Въ немъ мы нашли подобіе деревянныхъ сосудовъ Сергіева и Никонова, хранящихся въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры также въ Троицко-Голенищевской церкви. Такіе потиры употреблялись въ первенствующей церкви, какъ видно изъ церковныхъ древностей.

На двухъ большихъ иконахъ изображены стариннымъ пошибомъ лики тезоименитыхъ святыхъ семейства царя Алексѣя Михайловича; на одномъ св. Алексѣй Божій человѣкъ и св. Марія Египетская, на другомъ св. Ѳеодоръ Стратилатъ и свв. мученицы Ирина и Софія. Сіи святые напоминаютъ намъ царя съ первою супругою его Маріею Ильинишною Милославскою и дѣтей его царевича Ѳеодора и царевну Софію, сестру великую княжну Ирину Михайловну.

Кромѣ того, замѣчательны здѣсь по своей древности, работѣ и сходству съ царскими дверьми въ Распятской церкви кремлевскихъ теремовъ и въ Саввинской на Дѣвичьемъ полѣ рѣзныя и вызолоченыя врата прежняго иконостаса. Полотна ихъ украшены мѣлкотравчатою анаглифическою, цырованною рѣзьбой и клеймами въ видѣ пятиглавой церкви, гдѣ вставлены образа Благовѣщенія и четырехъ Евангелистовъ, написанныя въ греческомъ стилѣ.

Нижній ярусъ подъ коробовыми сводами, повидимому, предназначенъ былъ для церкви; освѣщавшія его окна на сѣверной и южной сторонѣ закладены. На востокъ средостѣніе съ однимъ входомъ отдѣляетъ отъ храмины полуциркульную часть, похожую на алтарь и находящуюся подъ главнымъ алтаремъ. Неизвѣстно, какое доселѣ было ея назначеніе; но видно, что въ этомъ входѣ была дверь: ибо въ простѣнкахъ находится желѣзный пробой, пятники или пятье и уши для запора.

Замѣтятъ, что если бъ это отдѣленіе предназначалось для церкви, то въ средостѣніи его, по чиноположенію, были бы три, или, по крайней мѣрѣ, два входа, одинъ для царскихъ вратъ, другой для сѣверныхъ, третій для южныхъ. Но какъ въ древнѣйшихъ подземныхъ церквахъ въ Городнѣ и въ Крыму встрѣчается средостѣніе у алтаря съ однимъ только главнымъ входомъ; то позволительно предполагать, что и здѣсь могла быть предназначена церковь, по примѣру существующихъ издревле храмовъ, гдѣ средостѣніе, покрытое фресками, замѣняло алтарный иконостасъ, и гдѣ однѣ только были царскія двери, безъ сѣверныхъ и южныхъ. Но если на преградѣ въ этомъ храмѣ не написаны лики Спасителя и Богоматери такъ, какъ въ Городненской: то они могли бы быть изображены, когда бъ устроилась здѣсь церковь. Вѣроятно, подобные подземные придѣлы имѣли особенное, намъ неизвѣстное, назначеніе въ богослуженіи.

Нѣкогда въ церкви стояло царское мѣсто. Судя по прежнему устройству этого села и по вкладамъ въ этотъ храмъ царя Алексѣя Михайловича, сей государь, его предки и потомки любили и посѣщали Бесѣды, доставлявшія имъ приволье для отдыха и охоты, для коей они ѣзжали въ сосѣднее село Островъ.

Изъ дѣлъ Архива Московской Дворцовой Конторы заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Село Бесѣды, въ немъ церковь каменная во имя Христова Рождества. 4 двора церковныхъ причетниковъ. Дворъ садовника, дворъ бобыльской. Къ семужъ 7 деревень, а въ селѣ и въ деревняхъ 88 дворовъ крестьянскихъ, 3 двора вдовъ на 7 людей въ нихъ тожъ. У нихъ дѣтей и братей и племянниковъ и свойственниковъ 256 человѣкъ. Въ живущемъ 10 вытей съ повытью, без малой трети выти. Денежныхъ доходовъ съ крестьянъ 12 рублевъ, 12 алтынъ полъ 5 денегъ. Съ оброчной статьи на обротчинѣ 25 рублевъ, 20 алтынъ по пяти денегъ. Всего 38 рублевъ 1 деньга. Ямскихъ и полиняничныхъ 4 рубли 23 алтына 2 деньги. Столовыхъ запасовъ: 11 барановъ, 74 гуся. Новонакладныхъ запасовъ: 50 метелъ, 25 голиковъ. Въ селѣ Бесѣдахъ прудъ, а каковъ мѣрою и какихъ родовъ въ немъ рыба, того въ писцовыхъ книгахъ не написано. Государевы десятинной пашни 50 десятинъ в поле, а в дву потомужъ».

«Въ селѣ Бесѣдахъ садъ, длиною по обѣ стороны 115 саженъ, поперегъ въ обѣихъ концахъ по 60 саженъ, около того саду городьбы 162 звѣна забору. Въ томъ саду 532 яблони, 2 гряды почекъ, 9 грядъ смородины красной, 6 грядъ смородины черной, 200 пеньковъ на полуосминѣ красныхъ вишенъ. Изъ того саду въ продажѣ слѣтья съ 198 (1690) году по нынѣшній годъ на 257 рублевъ на 6 алтынъ на 4 деньги. Платятъ съ выти по четверику своробориннаго цвѣту, и того четверть съ получетверикомъ безъ малой трети четверика. Подъ селомъ Бесѣдами Бесѣдскіе луга съ прописными въ 7207 (1699) году въ укосѣ было 122 копны съ полукопною, а въ 7208 (1700) году потравленъ драгунскими лошадьми».

На деревянномъ крестѣ, который стоитъ въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ, подписано: «освящена церковь Рожества Христова въ лѣто 7161 (1653) году при державѣ Благовѣрнаго и Христолюбиваго государя нашего царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи самодержца, при святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ Московскомъ и всея Руссіи, святилъ церковь протопопъ Макей села Коломенскаго маія во 8 день; да въ той же церкви на Евангеліи по листамъ подписано: «Лѣта 7176 году, августа въ 31 день великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ пожаловалъ сію Книгу Евангеліе напрестольное въ бархатели съ Евангелисты мѣдными въ переплетѣ въ Московской уѣздъ въ свое Дворцовое Государево село Бесѣды въ церковь Рожества Христова изъ приказу Большаго дворца». На Октаѣ подписано по листамъ же: «Сію книгу Охтай перваго гласу государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руссіи въ Дворцовое село Бесѣды въ церковь Рожеству Христову, лѣта 7161 году марта въ 21 день, а сію книгу подписалъ приказу Большаго Дворца подъячей Яковъ Молчановъ».

Тамъ же находимъ, что Московскаго уѣзда Дворцовой волости, села Бесѣдъ церкви Рождества Христова священникъ Андрей Ѳедоровъ въ Главную Дворцовую канцелярію доноситъ, что: «въ показанномъ селѣ Бесѣдахъ церковь Рожество Христово построена въ прошлыхъ годѣхъ тому лѣтъ со ста с пятдесятъ и болѣе, а въ которомъ году подлинно того не упомню, изъ бѣлаго камню суммою изъ казны ея императорскаго величества и книги, пожаловалъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи Евангеліе напрестольное, тріоди постную и цвѣтную и протчія книги во 179 году, а нынѣ оная церковь за строеніемъ древнихъ лѣтъ вся обѣтшала, и главы были обиты жестью на настоящей церкви и на дву придѣлахъ и на колокольнѣ; все какъ жесть такъ и кресты желѣзные вызолочены всѣ обветшали и долой свалились также и паперти каменныя и столбы всѣ развалились и своды въ оной церкви, какъ у настоящей, такъ и надъ алтарями всѣ отъ великихъ течей повредились, а въ дождевое время по должности христіанской служить никакъ невозможно, также и на престолахъ и на жертвенникахъ и у царскихъ дверей занавѣсы всѣ изотлѣли, а при святой церкви, которыя книги потребные быть къ службѣ, и оныхъ не имѣется, а которыя хотя и имѣются токмо за ветхостію весьма словъ признать не можно и служить по нихъ невозможно, да оныя же книги весьма стараго тисненія, по которымъ я и служить опасенъ, понеже объ оныхъ книгахъ запрещеніе имѣется; и ризъ только имѣются двои, и тѣ самыя ветхія, и во дни ея императорскаго величества торжествъ служить не въ чѣмъ, также и сосуды оловянные самые ветхіе, укропника и прочей утвари церковной ни чѣмъ не довольно, и ежели по сему доношенію оная церковь освидѣтельствована не будетъ, то страхъ того, что оная церковь въ скоромъ времени рушится. Іюля дня 1742 года[1].

Церковь исправлена и снабжена утварью и книгами.

[1] Арх. Моск. Двор. Конт., дѣло 118, связка 587, реэстръ 13.

СЕЛО ОСТАНКИНО.

Расположенное въ трехъ верстахъ отъ Москвы село Останкино въ 1584 г. было сельцомъ и называлось Осташково на Суходолѣ. Оно находилось Московскаго уѣзда, Манатина, Быкова и Коровина стану, въ вотчинѣ «за дьякомъ Василіемъ Яковлевымъ Щелкановымъ и за сыномъ его Иваномъ, что было прежде сего помѣстье за нѣмчиномъ за Орномъ»[1]. Затѣмъ принадлежало боярину, начальнику приказовъ стрѣлецкаго и аптекарскаго и приказа казанскаго дворца князю Якову Никитичу Одоевскому[2]. Въ 1623—1624 г. значится за бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ по государевой грамотѣ 1617 года; въ 1642 г. принадлежитъ Останкино князю Якову Куденетовичу Черкасскому; въ 1676 г. сыну его князю Михаилу; въ 1713 г. внуку князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому, отъ котораго переходитъ въ родъ графовъ Шереметевыхъ, и въ настоящее время владѣетъ имъ графъ Александръ Дмитріевичъ Шереметевъ.

Первоначально, а именно при дьякѣ Щелкановѣ уже была въ Осташковѣ (Останкинѣ) церковь во имя Святыя Живоначальныя Троицы; въ селѣ дворъ боярской, да другой дворъ, а въ немъ живутъ дѣловые люди; дворы: прикащичій, псарской, сокольничій, конюшенный.

Новая деревянная церковь построена между 1625—1627 годами. Челобитною отъ 15 сентября 1677 года князь Михайла Яковлевичъ Черкасскій испрашивалъ благословенія святѣйшаго патріарха Іоакима построить въ селѣ Останкинѣ, вмѣсто «огнившей деревянной церкви новую каменную церковь и на новомъ мѣстѣ, потому что въ тѣхъ мѣстѣхъ въ прошлыхъ годѣхъ, въ моровое повѣтріе, въ ямѣ покладены и погребены многіе люди»[3]. Надписи на деревянныхъ крестахъ, находящихся подъ престолами главнаго и придѣльныхъ алтарей свидѣтельствуютъ, что сѣверный придѣлъ Тихвинскія Божіей Матери освященъ 8 февраля 1683 г. въ двуцарствіе Петра и Іоанна при патріархѣ Іоакимѣ, а южный придѣлъ св. Александра Свирскаго освященъ 1 августа 1691 года въ то же царствованіе и при томъ же патріархѣ; главный же храмъ Святыя Живоначальныя Троицы освященъ 3 іюня 1692 года, при Петрѣ I и при патріархѣ Адріанѣ[4].

Главный храмъ въ планѣ представляетъ квадратъ съ полукружіемъ для алтаря; съ сѣверной и южной сторонъ придѣлы также съ алтарными полукружіями; съ западной стороны паперть во всю ширину храма съ тремя лѣстницами съ западной, сѣверной и южной сторонъ, покрытая сводомъ, надъ западнымъ входомъ устроена колокольня; стиль храма чисто русскій; подъ церковію подвалъ съ коробовымъ сводомъ и съ желѣзными связями. Главный храмъ въ честь Святыя Живоначальныя Троицы; въ немъ сводъ съ четырехъ стѣнъ крестовый, въ центрѣ его сквозная большая глава, въ пятахъ его реберъ проходитъ свѣтъ изъ четырехъ малыхъ главъ; двери украшены архивольтами со столбиками и съ мелкими кувшинчиками; иконостасъ современный построенію церкви, а также и сѣнь надъ престоломъ; на царскихъ дверяхъ Благовѣщеніе Божіей Матери и четыре Евангелиста прекраснаго италіянскаго письма; надъ царскими дверьми образъ, пожертвованный императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ 1856 г.; подъ первымъ ярусомъ иконъ помѣщены четыре греческіе философа съ хартіями въ рукахъ; на западной стѣнѣ хоры, передъ иконостасомъ виситъ старинное паникадило.

Южный придѣлъ въ честь св. Александра Свирскаго, здѣсь сводъ коробовой со стрѣлками надъ окнами и дверьми; иконостасъ новый, но царскія двери старинныя, на нихъ изображены Благовѣщеніе Божіей Матери и четыре Евангелиста на фонѣ красномъ и зеленомъ съ золотыми цвѣтами; паникадило старинное. Сѣверный придѣлъ въ честь Тихвинскія Божія Матери, сводъ какъ и въ южномъ,

---

[1] См. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI и XVIII столѣтій *В. и Г. Холмогоровыхъ*, выпускъ пятый, стран. 7, 8 и 9.
[2] См. Родъ Шереметевыхъ. *Александра Барсукова*. Кн. 4, стран. 111.
[3] Родъ Шереметевыхъ кн. 4, стран. 111 и 112.
[4] См. Зодчій 1877 г., стран. 65.

иконостасъ и паникадило новые. При входѣ въ этотъ придѣлъ на паперти находится рѣзное изображенiе «Плачъ Пресвятыя Богородицы» въ рамѣ длиною 3¼ арш. выш. 3 арш., должно полагать, привезенное изъ Польши. Здѣсь существуетъ впрочемъ преданiе, что въ полутора верстѣ отъ Останкина была церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, на мѣстѣ, называемомъ погостъ Ергеневъ, и будто оттуда взятъ этотъ рѣзной образъ. Въ самомъ Тихвинскомъ придѣлѣ имѣется икона складень (по преданiю путевая) Пресвятыя Богородицы, святаго Живоноснаго источника. На складняхъ иконопись старинная, отличнаго письма и древнѣе самой иконы. Въ ризницѣ находятся: 1) дарохранительница оловянная въ видѣ креста; 2) напрестольное Евангелiе, печатанное 1667 года при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ и при патрiархѣ Iоакимѣ; 3) Евангелiе, ризы, одежда на престолъ, на жертвенникъ и на налои, пожертвованные императоромъ Александромъ II въ 1856 г.; 4) ризы, стихарь, воздухи, поручи старинные, по малиновому бархату шитые золотомъ и серебромъ и украшенные яхонтами; на передней части оплечья у ризы вышиты въ срединѣ Знаменiе Божiей Матери, справа преподобномученица Параскева, слѣва св. мученица Татiана и надпись: «справилъ пан Дiмiтрi панъ полковникъ Лубенскiй»; 5) старинные жестяные вѣнцы. На металлической доскѣ, находящейся въ церкви начертано, что 1851 г. сентября 5-го посѣтила храмъ въ Останкинѣ императрица Александра Θеодоровна; 18-го августа 1856 г. императоръ Александръ Николаевичъ съ супругою, передъ священнымъ коронованiемъ, говѣли въ этой церкви и оставались въ Останкинѣ съ августѣйшими дѣтьми цѣлую недѣлю; въ 1858 г. августа 26 императоръ Александръ II съ августѣйшею супругою посѣтилъ этотъ храмъ; 1851 г. сентября 10 изволила быть въ этой церкви ея выс. королева Виртембергская Ольга Николаевна съ своимъ супругомъ.

Не доѣзжая Останкина, на лугу близъ пруда лежатъ четыре старинныя каменныя надгробныя плиты съ вырубленными на нихъ украшенiями; на одной изъ нихъ имѣется стертая надпись.

Церковь реставрирована въ 1877 году Н. В. Султановымъ. Представленный рисунокъ снятъ до реставрацiи. Въ словарѣ Щекатова 1805 г. на страницѣ 924 такъ говорится объ этомъ селѣ: «Останьково, знатное подмосковное село, Московской губернiи и уѣзда, отъ города въ 3 верстахъ; въ ономъ находятся великолѣпный увеселительный домъ и регулярный садъ съ прудами».

Домъ этотъ, и донынѣ существующiй былъ выстроенъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ по плану знаменитаго архитектора Гваренги, но нѣсколько измѣненному по вкусу графа нашимъ русскимъ не менѣе знаменитымъ зодчимъ М. Θ. Казаковымъ; домъ представлялъ по убранству и роскоши цѣлый музей. Останкино посѣщали императоры Павелъ I и Александръ I, король польскiй Станиславъ Понятовскiй; въ 1817 г. сюда прiѣзжали новобрачные великiй князь Николай Павловичъ съ августѣйшею своею супругой Александрою Федоровною и прусскiй король Вильгельмъ III, отецъ новобрачной великой княгини, и тогда для высокихъ посѣтителей давались блестящiе и пышные праздники съ театральными представленiями, иллюминацiею и фейерверками[5].

[5] См. Новое Время 1888 г. №№ 4434 и 4441, въ ст. «Старая Москва» М. И. Пыляева.

СЕЛО БОГОРОДСКОЕ-ВОРОНИНО.

Въ правой сторонѣ отъ стараго Калужскаго тракта, въ 15 верстахъ отъ Москвы раскинуто село Богородское—Воронино тожъ. По писцовымъ книгамъ 1627—1628 годовъ село Богородское Московскаго уѣзда, Сосенскаго стана, «пустошь, что было сельцо Воронино—Шаблыкино тожъ, на врагѣ, за бояриномъ Васильемъ Петровичемъ Морозовымъ (ум. 1630 г.), старинная его вотчина»,—съ 1646 г. значится вотчиною сына его боярина Ивана Васильевича Морозова (потомъ въ иночествѣ старецъ Іоакимъ, постригся 1655 г.), который свою вотчину по духовному завѣщанію въ 1656 г. отказалъ князю Ивану Андреевичу Голицыну, женатому на дочери его, Морозова, Аксиньѣ Ивановнѣ[1]. Въ 1678 г. Воронино, а Шаблыкино тожъ, называлось селомъ «по церкви Богородскимъ, а въ селѣ дворъ вотчинниковъ и 22 двора задворныхъ людей съ 32 человѣками, а крестьянъ нѣтъ»[2]. По смерти князя Ивана Андреевича Голицына селомъ владѣли его сыновья князья Иванъ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ, а въ 1704 г. ихъ родной внукъ князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ, при которомъ въ селѣ Богородскомъ находились: дворъ вотчинниковъ, дворъ скотный, 7 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, 4 двора кобальныхъ людей и 2 двора нищихъ. Послѣ князя Ивана Андреевича это село принадлежало сыну его князю Александру; въ 1742 г. родному внуку князю Николаю Александровичу Голицыну, бездѣтно умершему, и въ 1754 г. перешло къ родственникамъ его князьямъ же Голицынымъ[3]. Въ 1767 г. село это значится во владѣніи полковника князя Ивана Петровича Щербатова; въ 1778 г. сына его секундъ-маіора князя Владиміра Ивановича. За послѣднія 50 лѣтъ село Богородское числится за гг. Пустошкиными.

Въ приходной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа читаемъ: «въ нынѣшнемъ въ 185 (1677) г. прибыла вновь церковь каменная во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія, да въ придѣлѣ Бориса и Глѣба въ Московскомъ уѣздѣ въ селѣ Богородскомъ въ вотчинѣ боярина князя Ивана Андреевича Голицына»[4]. Но какъ у Ивана Васильевича Морозова было два сына: старшій Борисъ, женатый на Аннѣ Ильинишнѣ Милославской (сестра царицы Маріи Ильинишны, супруги царя Алексѣя Михайловича) и младшій Глѣбъ[5], то есть основаніе предполагать, что до 1677 г. уже здѣсь была церковь, можетъ быть деревянная, съ придѣломъ свв. Бориса и Глѣба, тезоименитыхъ сыновьямъ Ивана Васильевича Морозова, а потому выраженіе «прибыла вновь церковь каменная» относится именно до церкви существующей, тѣмъ болѣе, что въ Дозорной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа 1680 г. говорится объ этой церкви, что она построена вновь[6]. Помянутая церковь въ русскомъ стилѣ, послѣдней половины царствованія Алексѣя Михайловича, состоитъ изъ трапезы и главнаго храма съ тремя алтарными полукружіями. Главный храмъ во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія, въ два свѣта, нижнія окна раздѣланы въ ширину и у нихъ сбиты сандрики; сводъ съ четырехъ стѣнъ крестовый; въ центрѣ его глава сквозная, двери украшены архивольтами, которые опираются на кувшинообразные столбы; иконостасъ новый, въ немъ помѣщены, между прочими, двѣ иконы: святого мученика Іоанна Бѣлоградскаго и святого мученика Андрея Стратилата, тезоименитые князьямъ Ивану Андреевичу и Андрею Ивановичу Голицынымъ. Алтарь раздѣленъ на три части двумя стѣнами съ арками. Въ трапезѣ сводъ коробовой, связи вездѣ желѣзныя; въ сѣверной части устроенъ придѣлъ въ честь свв. Бориса и Глѣба. Придѣлъ этотъ первоначально примыкалъ къ сѣверной стѣнѣ главнаго храма, но когда и для чего

---

[1] Вотчин. Коллег. По городу Москвѣ, дѣла молодыхъ лѣтъ кн. 2, № дѣла 2; Переписн. кн, 9809, л. 565, въ Арх. Мин. Юстиціи.
[2] Переписн. кн. 9811, л. 312—313, тамъ же.
[3] Вотч. Коллег. по гор. Москвѣ, дѣла молодыхъ лѣтъ кн. 2; кн. 47, № дѣла 18; Отказн. кн. 16, л. 1145, Переписн. кн. 9816, л. 108 об., тамъ же.
[4] Патріарш. прик. кн. 88, л. 272.
[5] См. Русск. родослов. книга, изданіе «Русской Старины» 1875 г. томъ 2, стр. 128.
[6] Патріарш. прик. дозорн. кн. 141, л. 146 и 751 въ Арх. Мин. Юст.

отобранъ — неизвѣстно; въ него былъ входъ съ южной стороны изъ-подъ колокольни, теперь обращенный въ окно, а другая дверь находилась въ сѣверной стѣнѣ главнаго храма, и донынѣ существующая какъ наружная; въ сѣверной стѣнѣ въ четырехъ мѣстахъ видны обрубленныя желѣзныя связи отъ примыкавшаго придѣла.

Въ церкви находятся: 1) Минеи, печатанныя въ Москвѣ въ 1691 г. при царяхъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ и при патріархѣ Іоакимѣ, по листамъ написано: «книга Московскаго уѣзда Сосенскаго стану села Богородскаго церкви Казанскія Пресвятыя Богородицы»; 2) книга Анѳологіонъ (цвѣтословъ), печатанная въ Москвѣ 1744 г. съ подписью: «сия книга Минея праздничная села Ерина, церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, священникъ Іоаннъ Іоанновъ». На погостѣ церковномъ видны древнія каменныя надгробныя плиты, на одной изъ нихъ вырублено: «Лѣта 7191 (1683) августа въ 1 день преставися стольника князя Ивана Ивановича Голицына.........». Изъ позднѣйшихъ памятниковъ — одинъ надъ прахомъ коллежскаго ассессора Григорія Ѳеимовича Пустошкина, родившагося 1794 г. и умершаго въ 1857 г., а другой — его жены Екатерины Васильевны, род. 1795 г. и умерш. въ 1864 году.

Церковь въ Богородскомъ не имѣетъ своего причта; она причислена къ сосѣднему селу Тропареву, служба въ ней отправляется только въ храмовые праздники.